

Kava Hlai

Annotation

- [Карл Май](#)
  - [ДУХ ЛЬЯНО-ЭСТАКАДО \(DER GEIST DES LIANO ESTAKADO\)](#)
  - [Глава первая. КРОВАВЫЙ ЛИС](#)
  - [Глава вторая. ДВОЕ НОСАТЫХ](#)
  - [Глава третья. ЧАС ДУХОВ](#)
  - [Глава четвертая. В ЮАФ-КАЙ](#)
  - [Глава пятая. ДОМ ДУХА](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)

- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)

- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)

- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)
[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Карл Май
Дух Льяно-Эстакадо

ДУХ ЛЬЯНО-ЭСТАКАДО (DER GEIST DES LIANO ESTAKADO)

Впервые повесть была опубликована в феврале — сентябре 1888 г. на страницах юношеского еженедельника «Der Gute Kamerad». В том же году в Штутгарте (Union Deutsche Verlagsgesellschaft) выпущено книжное издание, заново отредактированное автором. Спустя два года, в 1890 г., повесть вышла новым изданием, но в значительно сокращенном виде. Этот вариант впоследствии неоднократно переиздавался, Полный, без купюр текст произведения был восстановлен в 1984 г. для «Универсальной библиотеки» издательства «Реклам».

Источник географических познаний К. Мая о Льяно-Эстакадо остался неизвестным. Впрочем, автор в ряде своих ранних произведений уже переносил действие в крупнейшую пустыню Северной Америки, о чем свидетельствуют сюжетные параллели, близость топонимов и имен героев. Например, судьба Кровавого Лиса очень схожа с биографией одного из персонажей романа «Лесная розочка» — негра Жерара.

При создании этой повести К. Май пользовался документальными свидетельствами путешественников. Так, для рассказа о событиях в Поющей долине он взял сведения из работы француза Рело, вышедшей на немецком языке в г. Кобленце в 1880 г.

Русский перевод повести К. Мая появился в 1892 г., в одном из выпусков приложения к журналу «Вокруг света». Он был выполнен с французского издания, являвшегося переводом сокращенной версии 1890 г., и вышел под названием «На Диком Западе» (вместе со столь же сокращенным переводом повести «Сын Охотника на медведей»). Предлагаемый читателю перевод выполнен специально для нашего собрания сочинений с берлинского издания 1895 г. (издательство «Нойес Лебен»), в основу которого положено издание 1888 г.

Глава первая. КРОВАВЫЙ ЛИС

Двое мужчин скакали вдоль ручья — белый и негр. Костюм белого выглядел весьма странно. На нем были индейская обувь и кожаные штаны, а поверх них — некогда темно-синий, а ныне совсем выцветший от времени фрак с лацканами, высокими накладными плечами и до блеска начищенными латунными пуговицами. Длинные фалды крыльями свисали по бокам лошади. На голову была нахлобучена огромная черная шляпа, украшенная желтым пером — подделкой под страусовое. Этот малорослый худощавый человек был вооружен двустволкой, закинутой за спину, ножом и двумя револьверами, торчавшими из-за пояса. К широкому поясу крепилось еще множество кошельков, предназначенных, вероятно, для боеприпасов и всевозможных полезных мелочей; однако теперь эти кошельки казались почти пустыми.

Негр отличался исполинским телосложением. На нем также были мокасины, а еще — легины¹ того самого покроя, когда они состоят из двух не соединенных между собой штанин, так что всадник, собственно говоря, прижимается к лошади голым телом. Выгоду это дает, конечно, только при езде без седла. К этим легинам, однако, никак не подходило верхнее одеяние — форменная куртка французского драгунского офицера. Эта часть костюма, видимо, во время французского нашествия попала в Мексику, а оттуда неизвестным путем перекочевала на широкие плечи негра. Куртка была слишком коротка и узка чернокожему Геркулесу. Он не мог ее застегнуть, и поэтому виднелась широкая голая грудь всадника, естественно, не носившего рубашки, потому что на Диком Западе нет прачек и гладильщиц. Зато всадник обмотал вокруг шеи платок в крупную красную и белую клетку, связав его на груди огромным бантом. Голову он оставил непокрытой, чтобы все могли видеть завитки бесчисленных мелких жирно поблескивающих кудряшек. Вооружен он был двустволкой, а сверх того — ножом, штыком и кавалерийским пистолетом времен царя Гороха.

Измотало всадников порядком. По лошадям было видно, что сегодня они уже оставили за собой солидное расстояние, и все же животные шли так бодро и мощно, словно несли своих всадников всего несколько часов.

Берега поросли сочной зеленью, но полоска растительности была неширокой. А за нею виднелись хилые юкки, мясистые перья дикого чеснока и пожухлая медвежья трава с отцветшими стеблями,

достигавшими высоты в добрых пятнадцать футов.

— Скверные места! — сказал белый. — У нас на Севере лучше. Не так ли, Боб?

— Да, — последовал ответ. — Масса² Фрэнк прав. Здесь массеру³ Бобу не очень нравится. Скорей бы уж добраться до Хельмерс-Хоум, потому что массер Боб голоден, как кит, который готовится проглотить дом.

— Кит не может проглотить дом, — объяснил Фрэнк чернокожему, — потому что его глотка слишком узка для этого.

— Глотку можно раскрыть пошире, как это делает массер Боб, когда он ест... Как далеко еще до Хельмерс-Хоум?

— Точно я не знаю. По описанию, полученному нами сегодня утром, мы скоро уже должны быть у цели... Смотри-ка, не всадник ли это?

Он показал направо, за ручей. Боб попридержал лошадь, приставил к глазам ладонь, защищаясь от низко склонившегося к западу солнца, широко открыл по своему обыкновению рот, словно для того, чтобы лучше видеть, и ответил, немного помедлив:

— Да, это всадник, маленький человек на крупной лошади. Он приближается к массеру Бобу и массе Фрэнку.

Всадник, о котором шла речь, приближался резвой рысью, но не прямо навстречу собеседникам, а так, словно бы он и не видел их.

— Странный парень! — пробормотал Фрэнк. — Здесь, на Диком Западе, обычно рады видеть человека; значит, этот путник не очень-то расположен к встрече. Либо он человеконенавистник, либо у него совесть не чиста.

— Массер Боб должен его окликнуть?

— Да, позови его. Твою слоновью трубу он услышит скорее, чем мою свистульку.

Боб приложил ладони ко рту и заорал во весь голос:

— Эй! Эй! Стой, подожди! Зачем бежать от массера Боба?

У негра и впрямь оказался голос, способный пробудить к жизни даже человека, впавшего в летаргический сон. Всадник осадил лошадь, и оба наших знакомца поспешили к нему.

Приблизившись, они увидели перед собой не мужчину маленького роста, а едва вышедшего из детского возраста юношу. Одет он был подобно калифорнийским ковбоям в наряд из бизоньей шкуры, причем на всех швах его одеяния виднелась бахрама. На голову он нахлобучил широкополое сомбреро. Широкий шарф из красной шерсти охватывал вместо пояса его бедра; конец его свисал с левой стороны. За этот шарф были заткнуты длинный охотничий нож и два инкрустированных серебром пистолета. На

коленях он держал тяжелую охотничью двустволку, а с обеих сторон седла были на мексиканский манер приторочены фартуки, прикрывающие ноги и защищавшие их от стрел и ударов копьем.

Лицо юноши сильно потемнело от солнца и, несмотря на молодость, задубело под ветром и непогодой. От левого виска наискосок через весь лоб к правой брови тянулся кроваво-красный шрам шириной в два пальца. Он выглядел весьма воинственно. Молодой человек вообще не производил впечатления незрелого и неопытного. Тяжелое ружье он держал в руке легко, словно перышко; широко раскрытые глаза удивленно рассматривали встречаемых; в седле он держался так гордо и уверенно, словно был мужчиной во цвете лет, так что лошадь, казалось, и не шевелилась под ним.

— Привет, малыш! — обратился к нему Фрэнк. — Ты знаешь эти края?

— Прекрасно, — тихо отвечал юноша, иронически улыбаясь — верно, тому, что спрашивавший обращался к нему на «ты».

— Знаком тебе Хельмерс-Хоум?

— Да.

— Долго еще до него ехать?

— Чем медленнее, тем дольше.

— Zounds!⁴ Ты слишком дерзок, мой мальчик.

— Я не мормонский проповедник⁵.

— Ах, вот что! Тогда прости! Может быть, ты рассердился на меня, потому что я невежливо обратился к тебе?

— И не думал сердиться. Каждый может обращаться, как хочет, но тогда ему придется стерпеть мой ответ.

— Хорошо! Стало быть, мы схожи. Ты мне очень понравился. Вот моя рука. Называй меня на «ты». Прошу у тебя совета. Я чужой в этих краях и еду в Хельмерс-Хоум. Надеюсь, ты не покажешь мне неправильную дорогу.

Он протянул юноше руку. Тот пожал ее, насмешливо оглядел фрак и шляпу и ответил:

— Тот, кто вводит других в заблуждение, — подлец! Я, к несчастью, встречался с подобными людьми. Сейчас я как раз еду в Хельмерс-Хоум. Если хотите, поехали вместе!

Он тронул свою лошадь, и оба всадника последовали за ним, отклонившись от ручья и все больше поворачивая на юг.

— Мы придерживались ручья, — заметил Фрэнк.

— Он тоже привел бы вас к старому Хельмерсу, — отвечал юноша, — но пришлось бы сделать очень большой крюк. Вместо трех четвертей часа

вы бы ехали часа два.

— Стало быть, очень хорошо, что мы тебя встретили. Ты знаком с владельцем этого поселения?

— И даже очень хорошо.

— Что это за человек?

Фрэнк и Боб с разных сторон пристроились к своему юному проводнику, заключив его в середину. Он вопросительно поглядел на них и ответил:

— Если совесть у вас нечиста, то не ездите к нему, лучше вернитесь,

— Почему?

— У него наметанный взгляд на подлость, и он строго следит за репутацией своего дома.

— Это мне нравится в людях. Следовательно, нам его нечего опасаться?

— Если вы честные парни, то нет. В таком случае он готов на любую услугу для вас.

— Я слышал, он делает запасы товаров.

— Да, но не ради выгоды, а только для того, чтобы услужить людям, проезжающим мимо. В его лавке есть все, что нужно охотнику, и притом он продает свой товар по самой дешевой цене. Но если кто-то ему не понравится, то ничего не получит и за большие деньги.

— Он, стало быть, оригинал?

— Нет, он просто изо всех сил старается держаться подальше от того сброда, из-за которого Запад стал опасным. Мне совершенно не нужно вам его описывать. Вы скоро его сами узнаете. Одно еще только хочу сказать, что, возможно, вам покажется странным и над чем даже будете смеяться: он — немец. И этим все сказано.

Фрэнк привстал в стременах и воскликнул:

— Что? И этого-то я не пойму? И над этим я буду смеяться? Что тебе взбрело в голову! Я безмерно рад тому, что здесь, на окраине Льяно-Эстакадо, встречу соотечественника.

Лицо проводника оставалось совершенно серьезным; даже улыбка его казалась такой, будто ему, в сущности, совсем и не смешно. Теперь он окинул Фрэнка спокойным, дружелюбным взглядом и спросил:

— Как? Ты немец? Это правда?

— Конечно! Разве по мне не видать?

— Нет. Ты говоришь по-английски не как немец, а выглядишь совсем как дядюшка-янки, прижатый своими племянниками к окну.

— О Боже! Что тебе пришло на ум! Я натуральнейший немец, а кто

думает не так, того я познакомлю со своим ружьем.

— Для этого сгодится и нож. Но если это так, то старый Хельмерс будет рад встретиться с земляком.

— Он из Германии?

— Да, и очень высокого мнения о своей родине и своем родном языке.

— Я думаю! Теперь я вдвойне рад оказаться в Хельмерс-Хоум. Собственно говоря, я мог бы догадаться, что он немец. Янки назвал бы поселение Хельмерс-Ранч⁶ или как-нибудь в этом роде; но Хельмерс-Хоум⁷ — это имя выдает немца. Ты живешь поблизости?

— Нет! У меня нет ни ранчо, ни дома. Я — словно птица в воздухе или зверь в лесу.

— Значит, бедолага?

— Да!

— Несмотря на свою юность! У тебя нет родителей?

— Ни единого родственника.

— Но имя-то есть!

— Да, конечно. Зовите меня Блади Фокс⁸.

— Блади Фокс? Это напоминает о кровавых событиях.

— Да, мои родители, братья и сестры были убиты в Льяно-Эстакадо вместе со всеми спутниками; я один остался в живых. Мне тогда было лет восемь. Меня нашли с раскроенным черепом.

— Боже! Ты и в самом деле оправдываешь вырвавшееся у меня слово — «бедолага». На вас напали с целью грабежа?

— Конечно.

— Итак, ты не спас ничего, кроме жизни, имени и ужасных воспоминаний.

— И это не совсем так. Хельмерс наткнулся на меня под кактусами, взял на лошадь и привез к себе. Месяц я лежал в горячке, а когда очнулся, то ничего больше не помнил, совершенно ничего. Я забыл свое собственное имя и не вспомнил его до сих пор. Только ясным остался в памяти момент нападения. Я был бы счастливее, если бы смог его позабыть, потому что тогда жажда мести не гнала бы меня снова и снова по ужасной пустыне.

— А почему тебя называли Кровавым Лисом?

— Потому что я весь был испачкан кровью, а в лихорадочном бреде часто называл фамилию Фукс. Из этого заключили, что такова моя настоящая фамилия.

— Стало быть, твои родители тоже были немцами?

— Да. Когда я пришел в себя, то не понимал ни одного английского или немецкого слова. Я вообще ничего не понимал. Но английский-то я учил медленно, как человек, этого языка не знающий, а немецкий пошел у меня так быстро, что вскоре я бегло застрекотал на нем. Видимо, раньше я умел говорить по-немецки. Хельмерс был мне как отец. Тогда он еще жил не здесь. Однако мне у него не нравилось. Я рвался на свободу, словно сокол, у которого коршуны растерзали родителей, и он теперь кружится возле окровавленного места, пока ему не удастся наказать убийц. Его острый глаз уже открыл злодеев. Они могут быть стократ сильнее его, и он может потерять свою собственную жизнь, но он охотно отдаст ее, потому что смерть станет одновременно и гибелью убийц.

Юноша громко заскрежетал зубами и так крепко натянул поводья своей лошади, что она встала на дыбы.

— Шрам на лбу остался с тех пор? — спросил Фрэнк.

— Да, — мрачно ответил его спутник. — Но не будем больше об этом. Такие воспоминания меня сильно возбуждают, и вы должны подготовиться к тому, что я ускачу, оставив вас самостоятельно добираться до Хельмерс-Хоум.

— Да, давай лучше поговорим о Хельмерсе. Кем же он был на оставленной родине?

— Служил по лесной части. Кажется, был старшим лесничим.

— Как?.. Что?.. — удивился Фрэнк. — Я тоже!

Кровавый Лис вздрогнул от неожиданности, потом внимательно оглядел говорившего и тогда сказал:

— И ты? Тогда это будет в высшей степени радостная встреча!

— Да, я занимался такой же работой. Только если он добрался до приличной должности старшего лесничего, почему же он от нее отказался?

— С досады. Кажется, его участок находился в частном владении, а хозяином был человек надменный, грубый и вспыльчивый. Они поссорились, причем Хельмерс получил плохую аттестацию, так что нигде не мог найти места. Тогда-то он и уехал так далеко, как только смог... Видишь вон в той стороне дубовую рощицу?

— Да! — ответил Фрэнк, посмотрев в указанном направлении.

— Там мы снова выедем к ручью, а за рощей уже начинаются поля Хельмерса... До сих пор ты расспрашивал меня; теперь и я хочу навести кой-какие справки. Этого бравого негра зовут Скользящий Боб?

При этих словах Боб так подпрыгнул в седле, словно он хотел соскочить с лошади.

— А! О! — выкрикнул он. — Почему масса Кровавый Лис обзывает

доброе, хорошего массера Боба?

— Я не хотел ни обзывать, ни оскорблять тебя, — ответил юноша. — Я считаю себя твоим другом.

— Зачем же тогда называть массера Боба так, как его дразнят индейцы? Массер Боб и в самом деле когда-то постоянно соскальзывал с лошади. Но теперь массер Боб скачет, как черт!

И дабы показать, что он сказал правду, негр пришпорил лошадь и галопом поскакал — к упомянутой рожице. Фрэнк тоже удивился вопросу молодого человека.

— Ты знаешь Боба? — спросил он. — Но это же почти невозможно.

— О, возможно! Я и тебя знаю.

— А ну-ка! Как же меня зовут?

— Хромой Фрэнк.

— Вот удача! Верно! Но, малыш, кто тебе сказал об этом? Ведь я здесь ни разу в жизни не был.

— О, — улыбнулся юноша, — такого знаменитого на Западе человека, как ты, надо знать.

Фрэнк напыжился, так что фрак стал ему узок, и спросил:

— Я? Знаменитый? И ты это знаешь?

— Да!

— А кто тебе это сказал?

— Старый мой знакомый Якоб Пфедферкорн, которого обычно называют Толстяк Джемми.

— Черт возьми! Мое прозвище! Где ты его слышал?

— Несколько дней назад я встретился с Джемми в Уошита-Фок, и он рассказал мне, что условился встретиться с вами сегодня в Хельмерс-Хоум.

— Верно. Значит, он там будет?

— Да! Я выехал раньше и еду сюда прямо с верховьев реки. Он вскоре непременно проследует за мной.

— Это прекрасно! Это великолепно! Значит, он рассказал тебе про нас?

— Он описал мне весь ваш путь к Йеллоустоуну. Как только ты сказал мне, что тоже был лесничим, я сразу же догадался, кого вижу перед собой.

— Теперь ты мне поверишь, что я хороший немец?

— Поверю не только в это, поверю и в то, что ты вообще хороший парень, — молодой человек улыбнулся.

— Значит, Дики не охаял меня?

— Ему это и в голову не пришло! Как мог бы он очернить своего бравого Фрэнка!

— Да, знаешь ли, мы порой спорили о вещах, для понимания которых гимназического образования недостаточно. Но это в прошлом, а теперь на всем белом свете нет лучших друзей, чем мы... Но вот Боб, вот и роща. Куда дальше?

— Через мост, на ту сторону, а потом по тропе между деревьями. Это и есть самое верное направление. Таким всадникам, как Боб, не нужна торная дорога.

— Верно, — гордо согласился негр. — Масса Кровавый Лис видел, что массер Боб может скакать напролом через все препятствия, как индеец.

Всадники перепрыгнули через ручей, миновали лесочек и проехали вдоль обнесенных изгородями полей, засеянных кукурузой и овсом.

Здесь местами попадались плодородные черноземы, свойственные тexasской равнине и дававшие богатые урожаи. Из ручья можно было брать воду — он протекал совсем близко к жилью. Сразу за ним виднелись скотный двор и хозяйственные постройки.

Дом был сложен из кирпича длинным и низким, без верхнего этажа, но с двумя маленькими мансардами по каждому из фасадов. Перед дверью, стройные, словно свечи, росли четыре огромных дуба с голыми почти до самой вершины стволами. Только на самом верху вширь уходили могучие ветви, дававшие густую тень; под ними стояло много столов и простых деревянных скамей. С первого взгляда можно было угадать, что жилые помещения располагаются справа от входа, слева же находится упомянутая Кровавым Лисом лавка.

За одним из столов сидел мужчина в годах. Зажав во рту трубку, он испытующе разглядывал троих приезжих. Роста он был высокого, крепко сколочен, с продубленным непогодами лицом, обрамленным густой бородой — настоящий житель Запада. По рукам его было видно, что он мало отдыхал и очень много трудился.

Узнав проводника, он встал и еще издали закричал:

— Добро пожаловать, Кровавый Лис! Ты опять изволил появиться? Есть новости.

— Откуда? — спросил юноша.

— Оттуда.

Человек показал рукой на запад.

— Какие новости? Хорошие?

— К сожалению, нет. Видно, снова в степях появились гиены.

Англоязычные американцы называли Льяно-Эстакадо по-своему: Стейкед-Плейнз, то есть Огороженные равнины, что соответствовало испанскому названию — Равнины с вешками.

Казалось, полученное известие сильно взволновало молодого человека. Он соскочил с лошади, поспешно подошел к мужчине и сказал:

— Ты должен сейчас же сообщить мне подробности.

— Сведений у меня немного, их можно пересказать очень быстро. Прежде, однако, будь так любезен объяснить этим джентльменам, кто я такой.

— Это можно сделать столь же быстро. Ты мастер Хельмерс, владелец этой фермы, а эти господа — мои хорошие друзья: мастер Хромой Фрэнк и массер Скользящий Боб. Они разыскивали тебя — может быть, в надежде что-нибудь у тебя прикупить.

Хельмерс посмотрел на чужаков и заметил:

— Прежде чем торговать, я хочу познакомиться с ними. Раньше я их никогда не видел.

— Ты спокойно можешь принимать их у себя — я же назвал их своими друзьями.

— Всерьез или только из вежливости?

— Вполне серьезно.

— Ну тогда — добро пожаловать.

Он протянул руку Фрэнку, затем — негру, а потом предложил им садиться.

— Сначала надо поставить лошадей, сэр, — сказал Фрэнк. — Вы же знаете, какова первая обязанность мужчины на Западе.

— Хорошо! По вашему отношению к лошадям я вижу, что вы отличные парни... Когда вы намерены уехать?

— Возможно, нам придется остаться на несколько дней, потому что мы ждем приезда своих друзей.

— Тогда отведите лошадей к конюшне и позовите негра Геркулеса. Он вам во всем охотно поможет.

Приезжие поспешили увести лошадей. Хельмерс, покачав головой, посмотрел им вслед и сказал Кровавому Лису:

— Станных парней ты мне привез! Какого-то чернокожего ротмистра из французской армии и пятидесятилетнего джентльмена в шляпе со страусовыми перьями. Подобный головной убор бросается в глаза даже на Дальнем Западе.

— Смотри, не ошибись, старина! Я назову тебе только одно имя, и тогда ты сразу им согласишься. Они — хорошие знакомые Олд Шеттерхэнда. Его они и будут здесь ждать.

— Что? В самом деле? — всплеснул руками фермер. — Олд Шеттерхэнд пожелает в Хельмерс-Хоум?

— Разумеется!

— Откуда ты знаешь? От этих двоих?

— Нет, от толстого Джемми Пфэфферкорна.

— Ты и с ним виделся? Я-то встречал его всего два раза, но охотно бы встретился еще.

— Вскоре ты сможешь это сделать. Толстяк Джемми входит в ту компанию, которую поджидают приезжие.

Хельмерс несколько раз пыхнул трубкой, чуть было совсем не погасшей, с удовольствием причмокнул, и лицо его засверкало от радости:

— Какая новость! Олд Шеттерхэнд и Толстяк Джемми! Это — и радость, и большая честь для меня. Я должен сейчас же бежать к своей старой Бербхен, чтобы сообщить ей...

— Стой! — прервал фермера Кровавый Лис, удерживая при этом за руку собравшегося уходить хозяина. — Сначала я хочу услышать, что там случилось в степях!

— Конечно, преступление, — ответил Хельмерс, снова повернувшись к гостю. — Как долго ты у меня не был?

— Почти две недели.

— Тогда ты и не видел те четыре семьи, что хотели переправиться через Льяно. Они уехали больше недели назад, но до места не добрались. С той стороны приехал негоциант Бартон. Они должны были встретиться с ним.

— А столбы были в порядке?

— В том-то и дело, что нет. Если бы Бартон не изучил эту пустыню за два десятка лет странствий, он бы заблудился.

— Где он сейчас?

— Отдыхает в маленькой комнате, наверное, сейчас спит. Когда он здесь появился, то почти умирал от жажды. Несмотря на это, он пожелал прежде всего выспаться.

— Я все же хочу пойти туда и разбудить его, несмотря на то, что он устал. Он должен мне обо всем рассказать!

Молодой человек, взволнованный услышанным, исчез за входной дверью, а фермер снова уселся, продолжая покуривать свою трубку. Удивляясь поспешности юноши, он ограничился легкими кивками головы; потом его лицо приняло выражение спокойного удовлетворения. Причину этого было очень легко узнать по словам, которые он бормотал сам себе:

— Толстяк Джемми! Хм!.. И даже Олд Шеттерхэнд! Хм!.. Такие люди приводят с собой только порядочных парней! Хм!.. Соберется все общество! Хм!.. Но я же хотел моей Бербхен сказать, что...

Он вскочил, собираясь поделиться радостной новостью со своей женой, однако так и не сдвинулся с места, потому что именно в это время из-за угла дома появился Фрэнк.

— Ну, мастер, нашли вы негра? — спросил его Хельмерс.

— Да, — ответил Фрэнк. — Боб с ним остался, так что я смог им доверить лошадей. Мне же надо было поскорее вернуться к вам, чтобы сказать, как я рад встретить коллегу.

Он говорил по-английски. До сих пор весь разговор шел на английском языке.

— Коллегу? — спросил Хельмерс. — Это где же?

— Здесь! Разумеется, я говорю о вас.

— Обо мне? С какой стати?

— Ну, Кровавый Лис сказал мне, что вы были старшим лесничим.

— Верно.

— Ну... так мы — коллеги, потому что и я изучал лесоводство.

— О! Где же, мой милый?

— В Германии, в Саксонии.

— Что? В Саксонии? Вы немец? Почему же вы тогда говорите по-английски?

Эти последние слова Хельмерс произнес по-немецки, и сразу же его поддержал Хромой Фрэнк:

— С величайшим удовольствием, господин старший лесничий. Когда речь заходит об унаследованном мною родном языке, то я не церемонюсь, а бросаюсь с места в карьер. Вы сейчас же услышите по чистоте моих синтаксических оборотов, что я жила в той области Германии, где говорят на самом изящном, самом звонком немецком языке, а именно в Морицбурге, около резидентского города Дрездена, там, где стоит замок со знаменитыми рыбными прудами; в нем еще хранится портрет Августа Сильного⁹... Итак, я приветствую вас от имени немецких лесников и надеюсь, вы тотчас поймете, что имеете в моем лице дело с выдающимся *Ingenium magnum sine mixtura Clementiua!*

Удивительно! Когда Фрэнк пользовался английским языком, он был вполне разумный и скромнейший человек; но как только он начинал выражаться по-немецки, в нем сразу пробуждалось сознание собственной значимости.

Хельмерс не знал, что ему и подумать. Он пожал протянутую ему подружески руку, но не дал никакого ясного ответа, пригласил «коллегу» располагаться поудобнее и попытался выиграть время, отправившись в дом принести чего-нибудь освежающего. Вернулся он с двумя бутылками пива

и двумя кружками в руках.

— Черт возьми, вот это приятно! — воскликнул Фрэнк. — Пиво! Да-а, это мне понравится! За благородным ячменным напитком легче всего открываются шлюзы мужского красноречия. И что, пиво уже варят в Техасе?

— И даже очень много. Вы ведь должны знать, что в Техасе живет тысяч сорок немцев, а куда приходит немец, там наверняка варят пиво.

— Да, солод и хмель спаси Бог от потерь! Вы варите драгоценный божий дар сами?

— Нет, когда подвернется случай, я позволяю себе заказывать пиво про запас в Колман-Сити. Ваше здоровье, господин Фрэнк!

Они наполнили кружки и чокнулись ими, при этом Фрэнк заметил:

— Пожалуйста, господин старший лесничий, не стесняйтесь и не опасайтесь меня! Я крайне простой человек, и поэтому вам не стоит величать меня господином Фрэнком. Называйте меня попросту: господин коллега. Так нам обоим будет лучше. Я никогда не терпел условности придворного этикета... А ваше пиво недурное... Почему-то мы все любим портить себе аппетит высокопарными и часто неестественными новогодними поздравлениями. Вы тоже так думаете, не правда ли?

— Совершенно верно! — Хельмерс, улыбнувшись, кивнул. — Такой человек, как вы, может мне понравиться.

— Конечно! Каждый, кто развивает в себе настоящие интеллигентные качества натуры, должен быть чуть-чуть снисходительным и либеральным к другим людям. Лично мне это совсем нетрудно при наличии таких профессиональных способностей... Ну, а собственного говоря, где вы учились?

— В Тарандте.

— Так я и подумал, потому что Тарандт — настоящая *Alba Vater* практикантов-лесничих со всего мира.

— Вы, видно, хотели сказать *Alma mater*?¹⁰

— Нет, нет и нет. Не пытайтесь придирайтесь к моей классической латыни, как это проделывал раньше Дики Джемми — и себе во вред. Если вы последуете его примеру, то наши наисердечнейшие отношения могут очень легко измениться к худшему. Мы — корифеи, а следовательно, не можем позволять никаких придинок друг к другу. Однако куда же это подевался наш бравый Кровавый Лис?

— Он пошел к одному из моих гостей, чтобы навести кой-какие справки. Где вы его встретили?

— Да у вашего ручья, примерно в часе езды отсюда.

— А я уж думал, что вы много времени были вместе.

— Это ни к чему. Во мне есть что-то притягательно-располагающее, и я очень быстро схожусь с людьми. Это дано, к сожалению, не каждому. Молодой человек изложил мне весь свой жизненный путь. Я расположился к нему всем своим сердцем и надеюсь, что наше недолгое знакомство станет для него подлинным событием. Вы знаете о нем что-нибудь подробнее?

— Если он вам рассказал всю свою жизнь, то нет.

— Чем он вообще-то живет?

— Хм! Время от времени он мне приносит золотые самородки. Из этого я заключил, что он где-то открыл небольшую россыпь.

— Тогда бы я порадовался за него, так как малыш, кажется, немец. Ужасно, должно быть, не знать, под каким экватором¹¹ стояла твоя колыбель. Оба мы, вы и я, не ведаем таких гиппократовых¹² страданий. Мы, к счастью, знаем, куда обратиться тоску по родине — к Германии, «туда, туда»¹³, как прекрасно мурлыкал Галилей в своей песне Миньоны.

— Вы хотели сказать — Гёте?

— Нет, нет и нет! Я очень хорошо различаю Гете и Галилея. Гете относится к совершенно другой — высшей национальной шкале. Он бы не настряпал таких чувствительных стихов. А Галилей со своим телескопом и с тоской по элегическим кометам изобрел настоящие ностальгические тирольские причитания, в которых он пел:

Знаешь ли край, где цитрусы цветут,

Близ ветхих крыш в пляс журавли идут?

По вечерам в траве лягушек шум,

И лик луны сияет из пруда, уютно там, и потому туда

Меня ведет мой ум!

Чтобы продекламировать стихи, сопровождая чтение жестами, Фрэнк поднялся со своего места. Теперь он в напряженном ожидании смотрел на фермера. Тот прилагал огромные усилия, чтобы оставаться серьезным. Не услышав восторженных слов, Фрэнк недовольно спросил:

— Кажется, поэзия не производит на вас впечатления? У вас что, такой вялый темперамент?

— Нет-нет! Я молчал, удивляясь тому, что вы так точно помните слова поэта.

— Ничего особенного. Я хорошо запоминаю все, что читаю. Ну, а если уж что забываю, то стараюсь усовершенствовать позабытое. Такое отношение не может остаться без одобрения.

— Стало быть, вы прирожденный поэт?

— Да, вы почти не ошиблись.

— В таком случае я завидую вам. Однажды я двое суток ломал понапрасну голову над сочинением двух строчек ко дню рождения — увы! Я не смог воскликнуть: «Эврика!»¹⁴

— Слушайте! Не употребляйте фальшивых слов! Вы произнесли арабское заклинание, по-немецки буквально означающее: «Черт знает что!» С подобными колдовскими формулами надо быть очень осторожным, потому что никогда не знаешь, что из этого получится. Подумайте только о том, что случилось со знаменитым Дженгиханом и с тремя сотнями его спартанцев?¹⁵

— А что? — спросил фермер, явно заинтересовавшись ответом.

— Хан залег с ними за тесниной Гибралтара, которую хотели штурмовать черкесы. Поскольку у него было так мало людей, хан согласился, чтобы к нему на помощь пришла небезызвестная эндорская ведьма. С нею и со всеми спартанцами хан уселся вокруг большого котла, куда они побросали множество всяких трав, и прежде всего — слоновью ногу¹⁶. Видимо, они что-то не так намешали, потому что котел неожиданно взорвался, а Дженгихан вместе со спартанцами взлетел в воздух. Так как он был самым высоким из всех, то увидел, что земля под ним крутится вокруг собственной оси. И тогда он воскликнул по-еврейски: «О Santa Complicius!», что переводится на наш немецкий так: «И все-таки она движется!»¹⁷

Тут уж Хельмерс не смог больше удержаться. Он подскочил на своем стуле, разразившись смехом. Слишком уж несуразно было все то, что с наисерьезнейшим видом излагал облаченный во фрак и шляпу Хромой Фрэнк.

— Над чем вы так ржете? — спросил обиженный гость. — Если вы полагаете, что по той случайной причине, что я оказался вашим коллегой, можете безнаказанно...

К счастью, его прервали, иначе бы он разразился громовой филиппикой¹⁸. Именно в этот момент из дома возвратился Кровавый Лис и подошел к собеседникам. Он взглянул на раскрасневшееся от гнева лицо Хромого Фрэнка и спросил:

— Что случилось? Чем ты недоволен?

Он задал вопрос по-немецки, потому что слышал, как Фрэнк говорит на этом языке. Тот же отвечал:

— На что я сержусь? На то, что мой коллега высмеивает меня. А

почему он это делает? Потому что ничего не понимает во всемирной истории. С поистине античным трудолюбием я попытался объяснить ему допотопную конъюнктуру военной истории черкесов, но у него нет ни капельки разума, чтобы понять связь между тактикой и стратегией средневекового воинского искусства.

— Тактика? Стратегия? — молодой человек был просто ошеломлен.

— Да, конечно. Ты в этом что-нибудь понимаешь?

— Нет.

— Я мог бы об этом догадаться, потому что на такие гениальные представления способен наделенный врожденным разумом человек, призвавший на помощь космические душевные силы. Обдумай это дело и...

— Чудесно! Обдумую, — прервал его Кровавый Лис. — Но теперь у меня нет времени на это. Сейчас я могу думать только о бедных людях, убитых в Льяно-Эстакадо.

Он, видимо, уже узнал от Толстяка Джемми, как надо обходиться с Хромым Фрэнком, поэтому поостерегся возражать ему, а сразу же перешел к интересующему его делу, что должно было остановить страстную проповедь обиженного. Цели свой Лис достиг, потому что Фрэнк тотчас позабыл про свою обиду и спросил:

— Убиты люди? В Эстакадо? Когда?

— Этого я не знаю. Восемь дней назад они уехали отсюда, но на той стороне пустыни не появились. Значит, они погибли.

— Возможно, и нет. Ведь они могли выбрать другой путь.

— Как раз этого-то я и боюсь. Эти безводные степи можно пересечь только в одном направлении. Они столь же опасны, как Сахара, например, или пустыня Гоби. В Льяно-Эстакадо нет ни колодцев, ни оазисов, ни верблюдов, способных долгие дни переносить жажду. Это делает Льяно чрезвычайно опасным, хотя по размерам оно гораздо меньше великих африканских или азиатских пустынь. Кружного пути отсюда нет. Именно поэтому единственное направление, по которому только и возможен проезд, разметили столбами, отчего пустыня и получила свое название. Кто отклонится от линии столбов — погибнет. Жара и жажда разрушат его мозг, соображать он больше не может и скачет по кругу до тех пор, пока лошадь не рухнет под ним, а тогда и всаднику наступит конец, — рассказывал Кровавый Лис.

Фрэнк покачал головой.

— Стало быть, он не может оставить размеченную дорогу, так ты считаешь? — спросил Хельмерс.

— Да, это я и хотел сказать, — ответил молодой человек. — И каждый знает об этом. Только очень немногие, в совершенстве знающие Льяно-Эстакадо, могут ориентироваться и без столбов... А что будет, если преступники переставят столбы?

— Это же дьявольская затея.

— Конечно, но тем не менее такие вещи случаются. Есть такие банды, которые занимаются тем, что вырывают столбы, а потом устанавливают их в неверном направлении. Если теперь путешественник последует по столбам, он погибнет. Внезапно столбы кончаются, и путнику тогда уже нет спасения.

— Что ему стоит вернуться назад по тем же столбам!

— Слишком поздно. К тому времени он слишком далеко забирается в Эстакадо и просто не может добраться до края безводной степи, погибая от жары и жажды. И разбойникам вовсе не надо его убивать. Они просто ждут его кончины, а потом грабят труп. Такое часто уже случалось.

— Но разве нельзя обезвредить преступников?

И как раз тогда, когда Хельмерс собирался ответить, его внимание привлек медленно идущий человек, прибытие которого заметили только теперь, когда он вышел из-за угла дома. Он был одет в черный суконный дорожный костюм, а в руках нес маленький пакетик. Новый гость оказался очень худым, высоким и узкогрудым. Иссушенное лицо отличалось острыми чертами. Высокий цилиндр, сдвинутый далеко на затылок, да еще в сочетании с черным одеянием, придавал пришельцу пасторский вид — тем более, что он носил очки.

Гость приблизился какими-то особенными, крадущимися шажками, слегка прикоснулся к полям своей шляпы и поздоровался:

— Здравствуйте! Кажется, я точно попал к Джону Хелмерсу, эсквайру?

[19](#)

Во взгляде Хельмерса, которым он окинул прибывшего, читалась явная неприязнь.

— Да, меня зовут Хельмерс, а вот «эсквайра» вы бы могли спокойно оставить при себе. Я не мировой судья, да и вообще не люблю всех этих титулов. Это — гнилые яблоки, которыми джентльмен не больно-то позволит себя забросать. Но раз уж вы знаете мое имя, может быть, и мне будет позволено узнать ваше?

— А почему же нет, сэр? Меня зовут Тобайас Прайзеготт Бартон, я миссионер Святых последнего дня.

Он выговорил это весьма самоуверенным и елейным тоном, который, однако, не произвел на фермера ни малейшего впечатления, потому что

Хельмерс, пожав плечами, сказал:

— Вы мормон? Ну, это не такая уж хорошая рекомендация. Вы называете себя Святыми последнего дня. Это обязывает, но так как я отношусь к скромнейшим среди детей человеческих и не питаю никаких чувств к вашим самозванным привилегиям, то самым лучшим будет, если вы немедленно отбудете отсюда в своих благочестивых миссионерских сапогах. Я, знаете, не терплю в своем поселении никаких ловцов душ.

Это было сказано очень резко, даже оскорбительно. Бартон, однако, сохранил на своем лице любезное выражение, снова вежливо прикоснулся к шляпе и ответил:

— Вы заблуждаетесь, мастер, если думаете, что я намерен обращать в свою веру жителей этой благословенной фермы. Я посетил вас лишь для того, чтобы отдохнуть и утолить голод и жажду.

— Та-ак! Ну, если вы хотите только этого, то получите все необходимое... конечно, при условии, что сможете заплатить. Деньги, надеюсь, у вас есть?

Он снова окинул чужака острым, испытующим взглядом, а потом скорчил гримасу, словно увидел нечто неприятное. Мормон поднял глаза к небу, откашлялся несколько раз и заявил:

— Хотя сокровищами этого грешного мира я снабжен отнюдь не чрезмерно, но еду, питье и ночлег оплатить я смогу. Правда, я не рассчитывал на этот расход, так как мне говорили, что дом Джона Хельмерса исключительно гостеприимен.

— От кого же вы это узнали?

— Я слышал это в Тэйлорсвилле, откуда сейчас иду.

— Так вам сказали правду; но, кажется, забыли добавить, что я прибегаю к бесплатному гостеприимству лишь в отношении тех людей, которые мне приятны.

— В таком случае ко мне это не относится?

— Нет, нисколько.

— Но я же не сделал вам ничего плохого.

— Возможно! Но когда я вас внимательно разглядел, то почувствовал себя так, словно вы мне причинили зло. Не упрекайте меня, сэр! Я прямой парень и привык каждому говорить в глаза именно то, что о нем думаю. У вас лицо... лицо... хм!.. Когда на него посмотришь, руки начинают чесаться. Обычно такие лица... называют... называют... созданными для пощечин.

Даже теперь мормон не выказал никакой обиды. Он в третий раз коснулся шляпы и мягко сказал:

— Праведникам суждено в этой жизни быть непризнанными. Я не виноват, что у меня такое лицо, и если оно вам не нравится, то уж это не мое дело. Скорее — ваше.

— Та-ак! Не стоило бы вам этого говорить. Если бы мне кто-нибудь сказал, что ему не нравится мое лицо, то в следующее мгновение он бы познакомился с моим кулаком. Чтобы такие замечания воспринимать совершенно спокойно, надо либо испытывать большой недостаток чувства чести, либо обладать завидной хитростью — считайте, как хотите. Скажу вам, что вообще-то ничего не имею против вашего лица, только мне не нравится его выражение. Мне кажется, что это не настоящее лицо. Полагаю, что вы, когда остаетесь один, меняете его выражение. Впрочем, мне не нравится в вас и кое-что иное.

— Могу я поинтересоваться, что вы имеете в виду?

— Скажу, даже если бы вы меня и не попросили об этом. Мне что-то очень не верится, будто вы прибыли из Тэйлорсвилля.

— Почему? У вас там враги?

— Ни единого человека. А теперь скажите мне правду, куда вы собрались?

— Вверх, до Престона на Ред-Ривер.

— Хм! И самый ближний путь туда проходит как раз мимо меня?

— Нет, но я слышал о вас так много хорошего, что очень захотел познакомиться с вами.

— Мне не хотелось бы, мастер Бартон, принять вас плохо!.. Стало быть, вы путешествуете пешком?

— Да.

— И у вас нет лошади?

— Нет.

— Ого! Только не пытайтесь убеждать меня в этом! Вы просто припрятали своего конягу где-нибудь поблизости, и я думаю, что сделали это не из чистых побуждений. Здесь каждый мужчина, каждая женщина, каждый ребенок путешествуют верхом. Чужак, спрятавший свою лошадь, а потом солгавший, что ее у него нет, может скрывать дурные намерения.

Мормон сложил руки, как бы клянясь, и воскликнул:

— Но, мастер Хельмерс, у меня и в самом деле нет лошади, уверяю вас. Я смиреннейшим образом передвигаюсь пешком и никогда еще не сживал в седле.

Тогда Хельмерс поднялся, подошел к гостю, тяжело опустил ему руку на плечо и сказал:

— Парень, и вы говорите эти слова мне, много лет прожившему у

границы? Вы, стало быть, считаете меня слепым? Я же вижу, что сукно на внутренней стороне ваших штанин потерто; это — от верховой езды. На сапогах я вижу вмятины от шпор и...

— Это не доказательство, сэр! — прервал его мормон. — Сапоги я купил старыми, с уже имевшимися на них следами от шпор.

— Та-ак! И как долго вы их носите?

— Два месяца.

— Ну, за это время рубцы покрылись бы пылью или грязью. А может быть, вам доставляет удовольствие каждый день выковыривать эту грязь?.. Прошлой ночью шел дождь. От долгой ходьбы ваши сапоги испачкались бы сверху донизу. В том, что они чистые, я вижу верное доказательство того, что вы приехали верхом. И еще... глядите-ка! Когда в следующий раз вы будете класть шпоры в карманы брюк, позаботьтесь о том, чтобы ни одно колесико от них не выглядывало снаружи!

Хельмерс указал на латунное колесико, выглядывавшее из кармана.

— Шпоры я нашел вчера, — защищался мормон.

— Тогда бы вам скорее пристало оставить их на дороге, потому что сами вы в них не нуждаетесь. Вообще-то меня не касается, скачете ли вы верхом или плывете на фрегате. Катайтесь вы по белому свету хоть на коньках. Если вы сможете заплатить, то получите еду и питье, но потом убирайтесь. На ночь я не смогу вас оставить. У себя в доме я принимаю только не вызывающих подозрения людей.

Хозяин подошел к открытому окну, вполголоса сказал несколько слов и снова вернулся на свое место, усевшись и, казалось, перестав обращать всякое внимание на чужака.

А тот устроился за ближайшим столом, положив на него свой пакет, сложил руки и смиренно наклонил голову, ожидая, когда ему принесут перекусить. У него был вид человека, которого незаслуженно оскорбили.

Между тем к короткой беседе с интересом прислушивался Хромой Фрэнк. Теперь, когда разговор закончился, он тоже больше не обращал внимания на мормона. Совсем иначе вел себя Кровавый Лис.

Уже при самом появлении чужака он широко раскрыл глаза и не отводил от него больше взгляда. Он не присаживался, собираясь покинуть ферму; лошадь его находилась подле него. Теперь Лис схватился за голову, как будто стараясь что-то припомнить. Потом он опустил руки и медленно уселся напротив фермера, так что мог внимательно разглядывать мормона. Он старался оставаться незамеченным, но внимательный наблюдатель все же уловил бы необычайную внутреннюю сосредоточенность юноши.

В этот момент из дверей вышла старая полная женщина. Она принесла

хлеб и большой кусок поджаренного говяжьего бедра.

— Это моя жена, — объяснил Хельмерс по-немецки Хромому Фрэнку, тогда как с мормоном он говорил на английском языке. — Она так же хорошо балакает по-немецки, как и я.

— Это меня необычайно радует, — сказал Фрэнк, протягивая женщине руку. — Очень много времени прошло с тех пор, как я в последний раз общался с леди на родном немецком языке. Как же я вам рад и как благословляю вас, моя очаровательная фрау Хельмерс! Может быть, ваша колыбель качалась в Папаше-Рейне или Мамаше-Эльбе?

— Пожалуй, нет, — ответила она, смеясь. — На нашей родине не имеют привычки ставить колыбели в воду. Несмотря на это, я натуральная немка.

— Ну, про Рейн и Эльбу, конечно, не надо было понимать буквально. Вам достаточно было воспринять это как обычный пример поэтической метафоры. Сам я сделал свой первый исполненный блаженства вздох поблизости от эльбинской Флоренции, которую какой-нибудь зануда-географ назовет Дрезденом. При тамошних сокровищах искусства не удивительно, когда кто-то из наших привыкает витиевато выражаться. Когда Шиллер в «Походе за молотобойцем» столь прекрасно восклицает: «Достоинство человека дано вам в обе руки», то мы, саксонцы, думаем по-особому, так как нам принадлежит сердце поэта: ведь его жена, урожденная Барбара Уттман, появилась на свет саксонкой. И несмотря на это, я уважаю любого другого немца, а вас от всей души прошу относиться ко мне исключительно дружелюбно. Само собой разумеется, что с моей стороны будет выражена самая искренняя благодарность, учитывая, вообще говоря, мое превосходное воспитание.

Добрая женщина уж и не знала, что ответить странному парню. Она вопросительно взглянула на мужа, и тот пришел ей на помощь в затруднительном положении:

— Этот господин — мой дражайший коллега, весьма образованный лесник, который по ту сторону океана наверняка сделал бы себе хорошую карьеру.

— Совершенно точно! — быстро вмешался Фрэнк. — Высшая, интенсивная лесоводческая наука была тем вожатым, на которого я забрался бы с руками и ногами, если бы сзади не схватила меня судьба и не перетянула сюда, в Америку. К счастью, я не раскаялся в том, что свой музыкальный слух подарил голосу судьбы. Двенадцатью музами я был вознесен на такую башню субтеллурической культуры, где посвященному все низкое безразлично. С этой позиции я констатировал, что именно

женщины подносят нам небесную амброзию, вдохновляясь которой я прикоснусь к вашему пиву и говяжьей жареной ляжке. Поэтому мы намерены сейчас же вытащить клинки и сжалиться над дружескими дарами, за которые мы весьма благодарны. Я надеюсь, мы быстро познакомимся, моя преданнейшая фрау Хельмерс!

— Убеждена в этом! — сказала она и кивнула.

— Естественно! Высокообразованных людей немедленно сводит их врожденный инстинкт. Что лежит ниже облаков, нас не заботит... Но вообще-то мое пиво уже кончилось. Не мог бы я получить еще одну кружку?

Фрау Хельмерс взяла его кружку, чтобы принести пиво. Она и мормону принесла хлеб, сыр, воду и маленький стаканчик бренди. Тот начал свою скромную трапезу, ничуть не огорчившись тем, что не получил мяса.

В этот момент появился Боб.

— Массер Боб поставил лошадей! — отрапортовал он. — Массер Боб тоже хочет пить и есть!

Внезапно он посмотрел на святошу. Он оцепенел, несколько мгновений рассматривал этого человека и вдруг закричал:

— Что видит массер Боб! Кто здесь сидит! Это же масса Уэллер, вор, который украл у массы Баумана очень много денег!

Мормон вскочил со своего места и испуганно поглядел на негра.

— Что ты сказал? — спросил Фрэнк, тоже вскочив. — Этот человек и есть тот Уэллер?

— Да, это он. Массер Боб очень хорошо его знает. Массер Боб тогда его очень хорошо рассмотрел.

— Вот это повезло! Так это же давно желанная встреча! Что вы скажете на это, мастер Тобайас Прайзеготт Бартон?

Мормон справился с внезапным испугом. Он презрительно махнул рукой в сторону негра и ответил:

— У этого черномазого, верно, не все в порядке с головой? Я не понимаю его. Я не знаю, чего он хочет.

— Однако же его слова были сказаны достаточно отчетливо. Он назвал вас Уэллером и сказал, что вы ограбили его хозяина, некоего Баумана.

— Меня зовут не Уэллер.

— Но, может быть, вас когда-то так звали?

— Меня зовут Бартон и всегда так звали. Кажется, ниггер спутал меня с кем-то другим.

Боб угрожающе пошел на мормона, выкрикивая при этом отрывистые

фразы:

— Кто такой массер Боб? Он негр, а не проклятый ниггер. Массер Боб — цветной джентльмен. Если масса Уэллер еще раз скажет «ниггер», то массер Боб побьет его, как это уже сделал масса Олд Шеттерхэнд.

Тогда Хельмерс вмешался в ссору, встав между противниками, и сказал:

— Боб, никаких оскорблений действием! Ты обвиняешь этого человека в краже. Ты можешь доказать это?

— Да, Боб сможет. Масса Фрэнк тоже знает, что массу Баумана ограбили. Он может быть свидетелем.

— Это верно, мастер Фрэнк?

— Да, — ответил тот. — Я могу это засвидетельствовать.

— Как же была совершена кража?

— А вот как. Мой товарищ Бауман, которого знакомые зовут еще Охотником на медведей, построил лавку вблизи Платт-Ривер, а я был его компаньоном. Дело вначале пошло хорошо, потому что нас часто посещали золотоискатели, которые в те времена со всех сторон тянулись в Блэк-Хилс. Мы зарабатывали много денег. Частенько у нас скапливалась значительная сумма в монетах и слитках. Однажды я должен был съездить к диггерам²⁰, чтобы взыскать долги. На третий день я вернулся и услышал, что во время моего отсутствия Баумана обокрали. Он оставался один с Бобом и пустил чужого человека по фамилии Уэллер. На следующее утро тот исчез, а вместе с ним и все деньги. Преследование было бесполезным, потому что непогода скрыла следы вора. До сих пор не могут найти этого человека, хотя мы часто пытались разыскать Уэллера. Теперь Боб уверяет, что в этом святом последнего дня он узнал его, и я не мог бы поручиться, что он заблуждается. У Боба зоркий глаз и отличная память на лица. Тогда он утверждал, что очень хорошо запомнил парня и сможет сразу же узнать его в любой одежде. Вот и все, мастер Хельмерс, что я могу сказать по этому поводу.

— Значит, сами вы не видели вора?

— Нет.

— Тогда вы, стало быть, не в состоянии свидетельствовать, что перед нами действительно вор. Боб со своим утверждением остался один. Что теперь делать, вы знаете так же хорошо, как и я.

— Массер Боб точно знает, что делать! — воскликнул негр. — Массер Боб убьет мошенника. Массер Боб не ошибся, он узнал его.

Негр хотел отодвинуть Хельмерса в сторону, чтобы подойти к мормону, но фермер отбросил его и сказал:

— Стой! Это было бы насилие, а такого я на своей земле не потерплю.

— Хорошо, тогда мастер Боб подождет, пока мошенник покинет эту землю. Тогда он его повесит на ближайшем дереве. Массер Боб будет сидеть здесь и хорошенечко смотреть, куда направится вор; он уж не спустит с вора глаз!

И негр уселся так, чтобы держать мормона в поле зрения. Вид Боба убеждал в серьезности угрозы. Бартон боязливо разглядывал могучую фигуру негра. Вдруг он повернулся к Хельмерсу:

— Сэр, я действительно невиновен. Этот черный мастер никогда прежде не видел меня, и я надеюсь, что смогу положиться на вашу защиту.

— Не очень-то на меня рассчитывайте, — раздалось в ответ. — Не набралось достаточно доказательств, а сама по себе кража меня не интересует, потому что я не получил никаких официальных полномочий. Поэтому вы, пока находитесь здесь, можете быть спокойны. Но я уже сказал, что вы должны поскорее убраться отсюда. Мне безразлично, что произойдет потом. Я не могу отнять у мастера Боба право урегулировать дело с вами с глазу на глаз. И чтобы уж вы окончательно успокоились, охотно заверю, что не упаду от ужаса в обморок, если завтра утром встречу вас под каким-нибудь деревом, самый толстый сук которого окажется у вас между шеей и горлом.

Этим дело до поры до времени и закончилось. Мормон вернулся к трапезе, но ел он медленно, с долгими перерывами, желая побольше насладиться гарантированной ему безопасностью. Зрочки Боба ни на секунду не отрывались от него; столь же внимательно, как и прежде, приглядывался к мормону и Кровавый Лис, хотя внешне он казался совершенно безразличным. Должно быть, молодого человека что-то заинтересовало в мнимом мормоне.

Теперь каждый был так занят едой и своими мыслями, что беседа прекратилась. Когда же потом Фрэнк захотел возобновить разговор о Льяно-Эстакадо, ему помешало появление нового гостя.

— Ваш дом, мистер Хельмерс, кажется, очень посещаем, — сказал он. — Вон уже опять подъехал всадник, претендующий на ваше внимание.

Хозяин обернулся и посмотрел на всадника. Узнав его, он бойко произнес:

— Такому гостю я всегда рад. Это дельный парень, на которого можно положиться в любом отношении.

— Верно, торговец, который, кажется, хочет у вас пополнить запас своих товаров?

— Вы так подумали, потому что увидели, что у него по обе стороны

седла приторочены большие сумки?

— Да.

— Тогда вы ошибаетесь. Он не торговец, а один из наших превосходных скаутов. Вы должны его знать.

— Может быть, мне знакомо его имя.

— Не знаю, как зовут его по-настоящему, но повсюду он известен как Плутишка Фред, и он еще никогда ничего не имел против этого имени.

— Странное имя! Откуда оно у него?

— Он умеет делать сотни фокусов, от которых приходишь в величайшее удивление. Необходимый для этого материал у него всегда в кармане.

— Значит, бродячий фокусник, который при случае становится следопытом или проводником?

— Совсем наоборот. Отличнейший следопыт при случае развлекает общество фокусами. Если бы кто захотел заплатить ему за развлечение, очень сильно оскорбил бы Фреда. Он, кажется, бродяжничает с другими фокусниками и тоже говорит по-немецки. Я не знаю, почему он попал на Запад и остается здесь, тогда как в другом месте благодаря ловкости своих рук мог бы стать богатейшим человеком. Меня это касается. Убежден, что он вам понравится.

— И я так думаю уже из-за того только, что он знает немецкий. Только скажите ему, что он может пользоваться этим языком!

— Конечно. Он узнает об этом сейчас же. Только внимательно приглядитесь к нему, особенно к глазам: они разного цвета.

Тот, о котором говорил Хельмерс, теперь подъехал ближе. Он остановил лошадь совсем недалеко от дома и закричал:

— Хэллоу, старый квартирмейстер, есть еще у тебя местечко для бедного бродяги, который не может оплатить счет?

— Для тебя в любое время есть место, — ответил Хельмерс. — Подъезжай, слезай со своего козла и устраивайся поудобнее. Ты здесь найдешь приятное общество.

Бывший фокусник окинул присутствующих испытующим взглядом и сказал:

— Надеюсь! Кровавого Лиса я уже знаю. Черный меня не заботит. Маленький джентльмен во фраке и дамской шляпе показался мне неплохим парнем. А того третьего, который вгрызся в сыр, словно он должен съесть ежовую шкуру... хм!.. его мне, пожалуй, еще предстоит узнать.

Показалось странным, что и этот человек сразу же высказал недоверие к мормону. Он совсем близко подогнал лошадь и соскочил на землю. Пока

он наисердечнейшим образом, как старого друга, крепко обнимал хозяина, Фрэнк смог его основательно разглядеть.

Плутиска Фред был необычен даже для Дикого Запада. Первое, что в нем замечали, так это солидный горб, который обезображивал его в общем-то стройную фигуру. Парень был среднего роста, крепко сложен, узкогруд и длиннорук, а туловище у него совсем не было коротким, как это обычно случается у горбунов. Круглое, полное, загоревшее до черноты лицо было гладко выбрито, а с левой стороны на нем был заметен ужасный шрам, словно там когда-то неумело зашивали страшную рану. И самое странное в нем — глаза его заметно отличались окрасом: левый смотрел изумительнейшей небесной голубизной, а правый — густой чернотой.

На приезде были бурые сапоги из бизоньей шкуры с мексиканскими шпорами, снабженными большими колесиками, черные кожаные штаны и такой же жилет, а поверх него — куртка из прочного голубого сукна, похожая на блузу. Бедра стягивал широкий кожаный пояс, похожий на те, что называют мешками для денег; кроме патронов, ножа и крупнокалиберного револьвера, здесь хранились всевозможные мелочи, столь необходимые на Западе. Относительно новая бобровая шапка надвинута так низко, что почти скрывала лоб. Сзади на шею свисал препарированный бобровый хвост. Не имей этот человек горба, он мог бы показаться симпатичным и даже понравиться.

Конягу его Хельмерс назвал козлом, но это шуточное сравнение имело под собой некоторые основания. Животное отличалось длинными ногами и производило впечатление очень загнанного. На голом кончике хвоста, теперь низко опущенном, торчало всего несколько коротких волосков, должно быть, исключительно привязанных к тому месту, на котором они выросли много лет назад. Теперь уже и нельзя было определить масть лошади — была ли она вороной, гнедой или рыжей, — потому что тело во многих местах совершенно лишилось шерсти, а там, где она сохранилась, цвет был таким неопределенным, словно на старой кобылке скакали еще во времена Великого переселения народов какие-нибудь свевы или гепиды²¹. От гривы и следа не осталось. Непропорционально большая голова свисала так низко, что морда почти касалась земли и, кажется, едва могла держать длинные, толстые и лысые ослиные уши, которые ласково прижимались к нижней челюсти, словно огромные кожаные футляры. К тому же усталое животное закрыло глаза, как будто погрузившись в сон, и стояло в совершеннейшей неподвижности, являя собой непревзойденную картину тупости, физического бессилия, весьма достойного сожаления.

После того как владелец этой лошади поздоровался с хозяином, он

спросил:

— Значит, место для меня есть? Может быть, и еда тоже?

— Конечно! Садись сюда! Здесь для тебя еще хватит мяса.

— Спасибо! Вчера у меня что-то испортился желудок, и сегодня говядина слишком тяжела для него. Лучше пошел бы цыпленок. Найдется у тебя хоть один цыпленочек?

— Почему же нет? Посмотри-ка! Вот бегают подходящие для жаркого.

Хельмерс указал на двух малышей, которые под защитой матери-наседки семенили возле стола, подбирая упавшие крошки.

— Прекрасно! — кивнул Фред. — Прошу об одном: пусть их приготовит твоя хозяйка.

— У нее нет на это времени. Да и не по вкусу ей ощипывать крохотулек, а служанки пошли на кукурузное поле.

— Кто говорит об ощипывании? Такого я никому не посоветую.

— Значит, курицу надо испечь или пожарить прямо с перьями?

— Парень, что ты обо мне думаешь! Неужели ты так плохо меня знаешь, что я кажусь тебе человеком, который совсем не умеет освободить курицу от перьев? Если ты сам об этом еще не слышал, я покажу тебе, как это делается.

Он отстегнул от седла двустволку, прицелился в цыпленка и нажал на спуск. Когда грохнул выстрел, его лошадка даже не пошевелила смеженными веками. Казалось, она настолько глуха, что не расслышала даже выстрел в непосредственной близости от себя.

Цыпленок рухнул замертво. А вестмен²² поднялся и показал тушку всем собравшимся. К общему удивлению, на ней не осталось ни одного перышка, ее можно было сразу потрошить и жарить.

— Черт возьми! — засмеялся Хельмерс. — На этот раз ты напал на меня врасплох. Я бы мог подумать, что все сведется к одному из твоих фокусов. Как ты это сделал?

— Подзорной трубой.

— Чушь какая-то! Ты же стрелял из ружья?

— Разумеется. Но до того я наблюдал вас издали через свою складную трубу и заметил молоденьких цыпок. Естественно, я принялся готовиться, чтобы предстать перед твоими сегодняшними гостями мастером на все руки.

— И можно узнать про эти приготовления?

— А почему же нет? Это же все игра. Вместо пули или дроби наложи изрядное количество железных опилок и целься так, чтобы заряд прошил птицу от хвоста к голове, тогда перья, если только они не слишком крепко

держатся, будут полностью сбриты или опалены. Видишь, чтобы прослыть фокусником, совсем не надо изучать ни белую, ни черную магию. Вообще-то я лишь хотел поэффектнее явиться перед этими джентльменами, а цыпленка не хочу. Лучше уж я остановлюсь на жареных ляжках. Надеюсь, мне можно присесть?

— Конечно. Оба этих джентльмена — мои друзья и хорошие знакомые Олд Шеттерхэнда, которого они здесь поджидают.

— Олд Шеттерхэнд? — Плутиска Фред насторожился. — Это верно?

— Да. И Толстяк Джемми хотел приехать.

— Neigh day!²³ Да лучше такой новости ничего и не услышишь! Давненько уже хотел я увидеть этого Олд Шеттерхэнда, хотя бы издали, потому что нашему брату положено от таких людей держаться подальше. И вот теперь это желание исполняется. Это мне куда приятнее, чем находка золотой жилы. Меня бесконечно радует, что я попал сюда вовремя.

— Ты так же обрадуешься, когда узнаешь, что этот сэр — немец. Его зовут Фрэнк, и он мой коллега...

— Фрэнк? — прервал его фокусник. — Неужели Хромой Фрэнк?

— Черт побери! — изумился маленький саксонец. — Вы, значит, знаете мое имя? Возможно ли это?

Он говорил по-немецки, поэтому и Плутиска Фред отвечал на том же языке:

— Не удивляйтесь этому. Когда-то были другие времена, и в ту пору здесь происходило много и хорошего, и плохого, а сведения об этом при недостаточности сообщений на Дальнем Западе распространялись слишком медленно. Теперь же, если случается нечто выдающееся, то известие мгновенно разлетается от океана до мексиканской границы, от старого Фриско²⁴ до Нью-Йорка. Ваш смелый поход к Йеллоустоунскому парку уже хорошо известен, как и ваше имя, конечно. В каждом форте, в любом поселении, у всякого лагерного костра, за который сядут по меньшей мере двое, рассказывают об этой поездке и о тех, кто в ней участвовал. Таким образом, не удивляйтесь, что я знаю ваше имя. Траппер, который находился высоко в горах, у ручья Пятнистого Хвоста, говорил с Мох-авом, сыном Токви-тейса, а теперь, спустившись далеко к югу, прибыл в Форт-Арбакл, и всем, кого он встречал в пути, а значит, и мне, так подробно рассказывал эту историю, будто он сам ее пережил.

— Послушайте, — сказал Хромой Фрэнк, — кто знает, что там прибавили к этой истории между ручьем Пятнистого Хвоста и Форт-Арбаклом. Так мышь превращается в белого медведя, дождевой червь — в

огромную змею, а из скромного охотника за бобрами и вовсе вырос знаменитый Хромой Фрэнк. Я охотно согласился бы, что мне противостояли одни геркулесы и минотавры²⁵, но не рискну утверждать большего, чем было на самом деле. Героев всегда украшала добродетель безудержнейшей скромности, поэтому все присочиненное я должен строжайшим образом отклонить и удовлетвориться монаршим плащом моего собственного превосходства. Если этого не сделать, то ни один человек больше не осмелится разговаривать со мной и моими спутниками. Поэтому я принял решение быть настолько снисходительным и доступным, насколько это возможно, и надеюсь, что вы это полностью признаете, учитывая мою прославленную эрудицию, а также события, происшедшие во время моего похода. Более на этом месте и в этот час я ничего не хочу добавить, потому что еще Небукаднесар, бывший богом грома у древних германцев²⁶, изрек: «Разговоры — лишь серебряная мелочь, тогда как молчание — купюра в пятьдесят марок!»

Лицо Фреда удивленно вытянулось, он вопрошающе посмотрел на Хельмерса. Тот шепотом объяснил ему: «Симпатичный оригинал». После этого фокусник понял, как ему вести себя. Приняв самое простодушное и непосредственное выражение, он сказал:

— Не надо никаких объяснений с вашей стороны. От упомянутого охотника я уже слышал о вашей образцовой скромности. Это, естественно, показывает ваши достоинства в крайне благоприятном свете и удешевляет мое удовольствие от знакомства с вами. От всей души я хотел бы, чтобы вы приняли меня как друга. Дайте мне, пожалуйста, свою руку!

Он протянул руку Фрэнку. Тот быстро убрал свою за спину и ответил:

— Пстой-ка, дражайший, не торопись! Дружбу я воспринимаю очень серьезно, потому что она покоится на фундаменте духовных связей всей земной гармонии. У меня тут был очень печальный опыт, и отныне я смогу соединиться с чьей-либо душой только после долгого и обстоятельного испытания, сплавленного с подлинным образованием. Все-таки недостаточное образование возбуждает только нечистую кровь. Когда я покупаю себе мебель, она должна быть из настоящего орехового дерева. Именно так обстоит дело и по отношению к духовно-животной области дружественных отношений. Итак, я должен поближе вас узнать, прежде чем мы будем на «Шмоллис» и «Видуцит»²⁷.

— Делайте, как хотите, мастер Фрэнк! В целом я считаю, что вы правы, но ни на миг не сомневаюсь, что в очень скором времени мы станем задушевными друзьями.

— Я тоже так же думаю, потому что от господина Хельмерса я узнал, что вы много странствовали и пережили. Вы должны походить на Боско²⁸.

— Боско? Вы о нем слышали?

— Только ли слышал? Я видел его и даже говорил с ним.

— О! И где же?

— Вам, может быть, известно, что он жил поблизости от Дрездена, где потом и умер. Там его знал каждый. Иногда он приходил в Морицбург, чтобы посмотреть в местном охотничьем замке на кожаную обивку стен и олени рога. Вы знаете, там есть рога с двадцатью четырьмя, с пятьюдесятью отростками, один экземпляр — так даже с шестьюдесятью шестью. После этого он имел обыкновение столоваться в гостинице «А-ля Кварте». И вот там-то однажды я встретился со знаменитым Боско. Он сидел впереди, я — сзади, но наши зонты оказались по соседству. Я ушел раньше него и ошибся, схватив его шелковый зонт, а свой, шерстяной, ярко-красный, с голубой каемкой, оставил лежать. Он вовремя заметил мою ошибку и закричал: «Эй, ты, дурень, раскрой глаза! Может быть, ты думаешь, что я потащусь в Дрезден под такой пожарной крышей?» Разумеется, я поменял зонты, отвесив мэтру вежливый глубокий поклон, и с большим удовлетворением направился к двери. Его слова, возможно, показались бы для профана не слишком вежливыми, но посвященный очень хорошо знал, что великий дух говорит только крылатыми словами, к которым должен применяться масштаб особой чувствительности. Вы, образованный гражданин Земли и защитник родственников, должны это понять и выдать мне Testemonium rauperenzia²⁹, что можно по праву гордиться беседой с этим великим художником.

— Разумеется, я соглашаюсь с вами, — сказал Плутишка Фред, кивнув головой, а потом добавил: — Но больше всего в вас мне нравится именно то, что вы знали моего учителя.

— Боско? Он был вашим мастером?

— Да, хотя это выражение отдает ремесленничеством. Я помогал многим его знаменитым коллегам и объездил с ними почти всю Европу и Северную Америку.

— А кем бы были прежде?

— Сначала я ходил в гимназию, где...

— Увы! — прервал его Фрэнк. — Этого я вам рассказывать не рекомендую.

— Почему?

— Потому что у меня сильная идиосимпатия³⁰ против всего, что

связано с гимназистами. Эти люди зазнаются. Они не верят, что какой-нибудь служащий лесного ведомства тоже может быть корифеем, хотя бы в своем деле. Я не раз убеждался в этом. Конечно, убедить таких людей, что я именно та личность, которая обгоняет их гигантскими шагами, было для меня плевым делом. Итак, вы вытерпели мелочное искусство обучения?

— Да. Разделавшись с гимназией, я по совету моих покровителей посвятил себя живописи и посещал академию. Способности у меня были довольно хорошие, но терпения — увы! — никакого не оказалось. Я устал и спустился от искусства настоящего к суррогату — стал цирковым наездником.

— Ого! Правду сказать, тут я мог бы пожалеть вас!

— Да, да, — серьезно кивнул Плутишка Фред. — Я был бойким парнем, но безалаберным и без эдакой внутренней стойкости. Словом, я был легкомысленным. Тысячи и тысячи раз каялся я в своем легкомыслии. Кем бы я был сейчас, прояви я в свое время упорство!

— Ну, талант, видимо, у вас еще остался. Начните жизнь сначала!

— Теперь? Когда пропала юношеская энергия... Вообще-то мне необходимо управиться с делом, которое удерживает меня на Западе.

— Можно узнать, что это за проблема?

— Я никогда не говорю об этом. Скажу только, что я должен найти одного человека, которого до сих пор напрасно пытался отыскать.

— Возможно, я бы оказался полезным, если бы вы пожелали мне открыть, что это за человек.

— Это — моя тайна.

— Жаль, очень жаль! В ближайшие дни я встречусь с людьми, знающими чуть ли не каждый уголок Запада. Может быть, они бы оказали помощь советом или действием. Естественно, я имею в виду Олд Шеттерхэнда, Толстяка Джемми, Длинного Дейви, Виннету...

— Виннету? — прервал его Фред. — Вы говорите о знаменитом вожде апачей?

— Да!

— Ага! Ну, вы должны бы знать, почему он принимает участие в любом опасном путешествии. Значит, и с ним вы тоже встретитесь?

— Конечно!

— Где?

— Это он сообщит только Олд Шеттерхэнду. Возможно, на той стороне Льяно-Эстакадо.

— Хм! Тогда и я надеюсь его повидать, потому что тоже намерен перебраться через Стейкед-Плейнз.

— В одиночку?

— Нет! Меня наняла какая-то компания. Я должен провести их через пустыню, а потом проводить до Эль-Пасо.

— Значит, это не обитатели Запада, если им нужен проводник? — спросил Хельмерс.

— Нет. Это янки. Они хотят перебраться через Эстакадо, чтобы на той стороне, в Аризоне, заняться каким-то прибыльным делом.

— Уж не алмазами ли?

— Да, именно ими. Кажется, с собой они везут значительные суммы денег, чтобы подешевле скупить камни на приисках.

Хельмерс покачал головой, а потом спросил:

— Ты, значит, веришь в открытие алмазов?

— А почему бы нет?

— Хм! Я считаю эту алмазную историю большим надувательством.

Он был прав. Как раз в то время появились слухи, что где-то в Аризоне найдены целые россыпи алмазов. По именам перечисляли людей, которых счастливая находка делала богачами в считанные дни. Показывали даже сами алмазы, настоящие и даже иногда очень ценные, будто бы найденные на тех россыпях. За несколько недель слухи пересекли континент. Золотоискатели Калифорнии и северных округов бросили свои доходные участки и поспешили в Аризону, но там землю уже захватили спекулянты. В большой спешке рождались компании, в распоряжении которых оказывались миллионы наивных акционеров. Перспективные участки надо было выкупить, прежде чем начать на них поиски. Ни одна заявка не утверждалась. Агенты сновали туда и сюда с обнадеживающими пробами породы в руках. В должностных кругах эти пробы интерпретировали в зависимости от ситуации. Агенты старались изо всех сил, раздувая всеобщий интерес, и в кратчайшее время алмазная лихорадка на несколько градусов превысила отшумевшую уже золотую.

Осторожные люди, однако, крепко держались за свои карманы, и предсказываемая ими неудача случилась очень скоро. Весь этот крупный обман был инсценирован несколькими продувными янки. Они вынырнули из неизвестности и снова исчезли, так и не позволив себя узнать. Естественно, вместе с ними растворились и миллионы. Напрасно кляли их акционеры. Большинство держателей акций, кстати, так и не признались во владении этими теперь уже обесцененными бумагами. Они просто не хотели, чтобы их ко всему прочему еще и высмеяли. А столь быстро прославившиеся алмазоносные земли вновь стали пустынными, как и прежде. Обманутые и разочарованные старатели вернулись назад, на свои

прежние участки, но нашли там других, оказавшихся поумнее и обустроившихся на брошенных участках. Тем все и кончилось, об алмазах никто больше не вспоминал.

Описывавшиеся до сих пор сцены происходили как раз вскоре после начала алмазной лихорадки. Фермер принадлежал к тем, кто не доверял слухам. Плутиска Фред, напротив, считал:

— Я бы не хотел сомневаться в подлинности молвы. Если где-то находили алмазы, то почему бы некоторым из них и не лежать в Аризоне? Впрочем, меня это не касается. У меня есть лучшие дела. Что вы на это скажете, мастер Фрэнк? Суждение человека с вашей проницательностью, вашим опытом и знаниями может стать очень полезным для нас.

Хромой Фрэнк, очень польщенный, ответил:

— Меня радует, что вы с таким доверием обращаетесь ко мне, ибо вы нашли в моем лице верного адресата. В данном случае я мог бы блеснуть своими глубокими минералогическими познаниями. Я мог бы объяснить, как из воздуха, мела, поваренной соли и стекла образуется алмаз, вследствие чего он и становится прозрачным, но я знаю, что вы провели достаточно предварительных опытов, чтобы последовать за моими элегантными временными конструкциями. Ваш дух просто не привык к подобным пластичным спектральным методам и легко мог бы получить зрительные и слуховые галлюцинации. Я мог бы рассказать, как шлифуют алмаз. При этом отдирают стенку от использованного спичечного коробка и постепенно трут ею камень. Однако и этот рассказ требует достаточно богатого воображения. Поэтому я безо всяких обвиняков хочу вытянуть из хлева быка за рога, из каковой притчи вы сейчас же услышите все, что хотите знать. Если говорить об алмазах, то я придерживаюсь мнения, что это очень хорошее дело, но есть и другие вещи, столь же прекрасные. Когда у меня появляется волчий аппетит, то копченый тюрингский сервелат дороже для меня самого крупного алмаза. А когда у меня разыграется жажда, мне не утолить ее никаким бриллиантом. Разве человеку хочется большего, чем сытно поесть и вдоволь попить? Я вполне доволен собою и своей судьбой. Не надо мне никаких драгоценных камней. Или мне все же стоит пощеголять ими, подвесив на свою амазонскую шляпу? Но там уже есть перо, и этого мне вполне хватит. Итак, если бы я знал, что там, в Аризоне, я найду драгоценный камень примерно такой же величины, как гейдельбергская бочка³¹ или, по меньшей мере, как спелая тыква в три центнера весом, тогда бы я поехал туда и взял его. Но меньшего я уже не хочу — это была бы для меня слишком ничтожная добыча. Однако ведь нельзя вообще утверждать, найдется ли там хоть что-нибудь, ну, а если и

найдется крошка величиной с маковое зернышко, то зачем она мне! И ни один человек не заманит меня на алмазное месторождение. Да и не бывает таких алмазов, что весили бы три центнера. Таково мое скромное мнение, и каждый разумный человек здесь вполне со мной согласится. Кто же захочет мне возразить, пусть попытается, только я этого ему бы не советовал, иначе ему придется собирать свои конечности по всей округе.

— Хорошо сказано! — воскликнул Хельмерс, протягивая маленькому саксонцу руку. — А та компания, которую ты, Фред, собираешься провести на ту сторону, будет заниматься, верно, не самыми хорошими делами. Во всяком случае, было бы лучше, если бы эти люди со своей кучей денег оставались дома. Освободиться от своих денег они могут очень легко, да только не получают за них и единого алмаза. Они, вероятно, просто неумные парни.

— Почему?

— Потому что позволили заметить, что везут с собой значительные средства. Такие слухи нигде и никогда не приносят пользы, а в наших краях тем более. Итак, гости придут позднее? И когда же?

— Я полагаю, что завтра после полудня. Им надо было купить еще пару вьючных лошадей, на что уйдет не менее полусуток. Поэтому я и выехал раньше, чтобы провести оставшееся время у тебя.

— Это ты хорошо сделал, дружище. Сколько же с тобой человек?

— Шестеро, причем некоторые из них выглядят несколько неопытными и соответственно ведут себя, но меня это, естественно, не касается. Кажется, они отправились в путь из Нового Орлеана и вообразили себе, что вернутся туда миллионерами. Ведут они себя как-то заносчиво, но это тоже не мое дело. Они мне платят, а все прочее мне безразлично!

— А найдут ли они дорогу ко мне?

— Конечно, я им так подробно описал ее, что они просто не смогут заблудиться... А, Боб, в чем дело?

Последний вопрос относился уже к негру. День тем временем подошел к концу, и наступили сумерки, очень непродолжительные в тех широтах. Стало так темно, что уже на небольшом отдалении ничего нельзя было разглядеть. Боб и Кровавый Лис, несмотря на оживленную беседу вокруг них, ни на мгновение не упускали мормона из виду. Тот попытался притвориться, что разговор его нисколько не интересует, а так как собеседники, вероятно, посчитали, что мормон, все естество которого выдавало в нем янки, либо вообще не владеет немецким, либо понимает его очень плохо, то поэтому говорили настолько громко, что мормон мог разобрать каждое слово. На чудачества Хромого Фрэнка он и бровью не

повел. Это только укрепило мнение о полном непонимании им сути разговора. Однако как только речь зашла об алмазных россыпях, он очень медленно и незаметно передвинулся по скамье поближе к говорившим. Когда же потом Плутишка Фред сообщил о шести мужчинах, которых он должен будет провести через Льяно-Эстакадо, черты лица у мормона крайне напряглись. При замечании проводника, что у этой шестерки, возможно, есть при себе много денег, на тонких губах мормона появилась улыбка, которая в сумерках осталась незамеченной.

Иногда мормон поднимал голову, словно к чему-то прислушивался, а его взгляд нетерпеливо устремлялся в том направлении, откуда он пришел. По тому, что негр не сводил с него глаз, мормон понимал, что его считают почти пленником. Кровавый Лис тоже уставился на него — мормон заметил и это. С каждой минутой ему становилось все неудобнее. Должно быть, мормон помнил о той угрозе, которую высказал негр, веря, что чернокожий способен выполнить ее.

Теперь, когда стемнело, ему показалось, что он сумеет скрыться; позже это, возможно, будет сделать труднее, потому что Боб в полной темноте уж, наверное, придумает какую-нибудь хитрость, чтобы не упустить пленника. И мормон уже протянул руку к своему пакету, мало-помалу подтягивая его к себе. Он уже собирался вскочить и быстро забежать за угол дома. Если бы ему удалось добраться до кустов, то тогда ему, пожалуй, уже не стоило бы бояться преследователей.

Но мормон недооценил Боба. Тот, подобно большинству негров, привык твердо придерживаться однажды принятого решения. Он, похоже, заметил, как мормон старается взять собственный пакет, и в тот самый момент, когда недруг уже собирался вскочить, Боб столь порывисто встал со своего места, что едва не опрокинул Хельмерса. Это действие и вызвало вопрос хозяина о том, что происходит. Боб ответил:

— Массер Боб видел, что вор собирается сбежать. Он уже схватил сверток. Но массер Боб не спускал с него глаз, чтобы не потерять его из вида.

Боб уселся на краешек скамьи, ближайший к мормону, занимавшему место, правда, за другим столом.

— Дай уж парню убежать! — принялся уговаривать его хозяин. — Может быть, он вовсе не стоит того, чтобы за ним так следили.

— Масса Хельмерс прав. Он-то сам того не стоит, а вот украденные им деньги стоят. Он не уйдет, во всяком случае — без сопровождения массера Боба!

— Так кто же этот парень? — тихо спросил Плутишка Фред. — Он

мне сразу не понравился. Он похож на волка в овечьей шкуре. Едва увидев его, я почувствовал, что однажды уже любовался этой лисьей физиономией, притом во весьма неблагоприятных для этого парня обстоятельствах.

Хельмерс объяснил ему, отчего Боб так упорно наблюдает за подозреваемым, добавив:

— Вашему Лису тоже кажется, что он уже встречался с этим человеком? Или нет?

— Вроде бы! — ответил молодой человек. — Этот святой последнего дня причинил мне кое-что неприятное.

— В самом деле? И что же это? Почему ты не потребуешь у него объяснений?

— Потому что не знаю, что это было.

— Однако это странно. Если ты убежден, что он причинил тебе зло, ты же должен знать, какое именно.

— Вот этого я и не могу сказать. Я уже ломал голову, стараясь вспомнить, да все напрасно. Мне кажется, что я увидел какой-то страшный сон, а детали его позабыл. И несмотря на такое смутное предчувствие, я все же ничего не могу сделать этому парню.

— Этого я не понимаю. Если уж я что-то знаю, так я в этом уверен. Туманных предчувствий у меня не бывает. А вообще-то уже стало темно. Может, пойдём в комнату?

— Тогда я хоть позабочусь об освещении, чтобы он не смог ускользнуть отсюда.

Он вошел в дом и скоро вернулся с двумя лампами, сделанными из жестяных керосиновых бидонов, в крышках которых пробили отверстия, и из них торчали толстые фитили. Ни стеклов, ни колпаков у этих ламп, разумеется, не было. Однако их темного коптящего пламени полностью хватило бы для освещения пространства перед дверью.

Когда хозяин повесил свои лампы на ветки, со стороны кукурузных полей послышался шум шагов.

— Мои руки возвращаются, — сказал Хельмерс.

Под словом «hand»³² американец подразумевает любого мужчину или женщину, находящихся у него в услужении. Но хозяин ошибся. Когда человек приблизился и вышел на свет, оказалось, что это был незнакомец.

Перед собравшимися предстал высокий бородатый мужчина, одетый в мексиканский костюм, только без шпор, чему здесь все должны были удивиться. Из-за пояса у него виднелись рукоятки ножа и двух пистолетов, а в руке он нес тяжелое, украшенное серебряными кольцами ружье. Зоркий,

колючий взгляд его темных глаз обежал всех собравшихся по отдельности. Он производил впечатление жестокого человека, от которого нельзя было ожидать нежных чувств.

Когда взгляд пришельца скользнул по лицу мормона, новый гость слегка подмигнул, но никто, кроме мормона, этого не заметил. Несомненно, это был условный знак.

— Buenas tardes, senores!³³ — поздоровался пришедший. — Вечер при бенгальских огнях? Владелец этой асиенды³⁴ представляется мне поэтической натурой. Позвольте мне отдохнуть с вами четверть часика и дайте-ка мне глоток чего-нибудь эдакого, если здесь это можно получить.

Он говорил на смеси испанского и английского языков, что часто бывает у приграничных жителей.

— Садитесь, сеньор! — ответил Хельмерс на том же жаргоне. — Что будете пить — шнапс³⁵ или пиво?

— Подите прочь со своим пивом! И слышать не хочу об этой немецкой похлебке. Дайте мне крепкого шнапса и налейте большой стакан. Понятно?

Новый гость держался и говорил как человек, не привыкший позволять шутить с собой. Он вел себя так, словно явился сюда повелевать. Хельмерс встал, чтобы принести заказанное, и показал на скамью, где он приготовил место чужаку. Но тот покачал головой и сказал:

— Спасибо, сеньор! Здесь уже сидят четверо. Лучше уж я составлю компанию вон тому кабальеро³⁶, скучающему в одиночестве. Я привык к просторам прерии и не люблю тесноты.

Он повесил ружье на дерево и подсел к мормону, поприветствовав его легким прикосновением к широкому полю своего сомбреро. Святой последнего дня аналогичным способом ответил на приветствие. Оба вели себя так, словно были совершенно незнакомы.

Хельмерс вошел в дом. Все остальные, побуждаемые естественной для них вежливостью, избегали в открытую глядеть на чужака. Это обстоятельство позволило ему шепнуть мормону:

— Что же ты не приехал? Знаешь же, как нам нужны известия.

«Мексиканец» проговорил эти слова на чистойшей английском языке.

— Мне не дают уйти, — ответил мормон.

— Кто же это?

— Вот тот проклятый ниггер.

— Это тот, что не сводит с тебя глаз? Какие претензии у него к тебе?

— Он утверждает, что я украл деньги у его хозяина, и собирается меня линчевать.

— Первое он, возможно, и угадал, но уж второе он должен выкинуть из своей башки, если не хочет, чтобы мы кнутами раскрасили его шкуру в кроваво-красный цвет. Есть новости?

— Да, шестеро искателей алмазов с большими деньжищами хотят пересечь Льяно.

— Тысяча чертей! Это нам подходит! Посмотрим, что у них в карманах. У последней жалкой компашки нечего было искать. Но тише! Хельмерс идет.

Хозяин возвращался с пивной кружкой, наполненной шнапсом. Поставив ее перед чужаком, он сказал:

— Вот, получите, сеньор! Вы, наверное, сегодня много времени провели в седле?

— В седле? — удивился незнакомец и вылил в себя почти половину содержимого кружки. — Разве у вас нет глаз? Или же, наоборот, у вас их столько, что вы видите то, чего на самом деле нет? Кто сидит в седле, тот должен иметь лошадь!

— Конечно.

— Так где же у меня лошадь?

— Видимо, там, где вы ее оставили.

— Valgame Dios!³⁷ Не стану же я оставлять свою лошадь в тридцати милях от вашей хибары, чтобы выпить у вас пойло, которое ни к черту не годится!

— Не пейте его, если оно вам не нравится! Впрочем, не помню, чтобы я говорил о тридцати милях. У такого человека, как вы, обязательно должна быть лошадь. Где она сейчас находится, меня не касается — это ваше дело.

— И я так думаю. Вам вовсе не стоит об этом заботиться. Поняли?

— Вы намереваетесь оспорить мое право позаботиться о лошади, попавшей на мою одинокую ферму?

— Вы меня боитесь?

— Ба! Хотел бы я посмотреть на человека, которого бы испугался Джон Хельмерс!

— Рад этому, потому что я как раз собирался спросить, могу ли я получить ночлег в вашем доме.

При этом он бросил на Хельмерса выжидательный взгляд. А тот ответил:

— Для вас в доме нет места.

— Черт возьми! Это почему же?

— Потому что вы сами сказали, что мне нечего о вас заботиться.

— Но не могу же я ночью отправиться к вашему ближайшему соседу,

до которого я доберусь в лучшем случае к завтрашнему обеду!

— Ночуйте под открытым небом! Вечер погожий, земля теплая, и звездное небо будет для вас самым прекрасным одеялом, какое только можно вообразить.

— Так вы и в самом деле прогоняете меня?

— Да, сеньор. Кто хочет стать моим гостем, тот должен соблюдать вежливость.

— Значит, для того только, чтобы переспать в каком-то загаженном закутке, мне надо пропеть серенаду под гитару или под мандолину? Впрочем, как хотите! Мне не нужно вашего гостеприимства. Я везде найду местечко, где смогу подумать перед сном о том, что я скажу вам, когда нам снова придется встретиться.

— Только не забудьте подумать еще и о том, что я вам на это отвечу!

— Я должен понимать ваши слова как угрозу, сеньор?

Говоря это, незнакомец поднялся и грозно выпрямился перед хозяином во весь свой высокий рост.

— О, нет, — Хельмерс бесстрашно рассмеялся. — Пока меня не вынудят, я очень мирный человек.

— Таким и советую оставаться. Вы живете почти на краю Равнины Смерти. Здесь нужно соблюдать осторожность, чтобы жить с людьми в мире, иначе совершенно неожиданно дорогу к вам может найти Дух Льяно-Эстакадо.

— Вы с ним знакомы?

— Пока я его не видел. Но известно, что охотнее всего он является надменным людям, чтобы отправить их на тот свет.

— Не хочу с вами спорить. Может быть, все те люди, которых когда-либо находили в Льяно с дыркой от «Духа» во лбу, были в свое время надменными парнями. Однако же странно, что все они были разбойниками и убийцами.

— Вы так полагаете? — насмешливо спросил чужой. — Вы смогли бы это доказать?

— Более или менее. У этих надменных парней находили вещи, ранее принадлежавшие тем, кого убили или ограбили в Льяно. Это — достаточное доказательство.

— Если это так, я хотел бы вас дружески предостеречь: здесь, на своей уединенной ферме, никогда не обходитесь с людьми холодно, иначе вас тоже могут найти с дыркой во лбу.

— Сеньор! — взорвался Хельмерс. — Если вы скажете еще хотя бы слово, я вас уложу. Я не убийца, я — очень почтенный человек. Куда скорее

можно посчитать способным на такой поступок того, кто прячет свою лошадь в кустах, чтобы притвориться бедным, безвредным человеком, чтобы хозяин не догадался, что имеет дело с bravo³⁸.

— Это обо мне? — спросил чужак, расвирепев.

— Если вы узнали в моих словах себя, я ничего против не имею. Сегодня вы уже второй человек, который лжет, когда говорит о том, что у него нет лошади. Первым солгал вот этот святой последнего дня. Возможно, ваши лошади стоят вместе. Может быть, там же находятся и другие всадники, ожидающие вашего возвращения. Предупреждаю, что этой ночью я буду охранять свой дом, а завтра на рассвете осмотрю окрестности. Тогда, вероятнее всего, выяснится, что у вас есть очень хорошая лошадь!

Чужак сжал кулаки, поднял правую руку для удара, шагнул поближе к Хельмерсу и крикнул ему в лицо:

— Парень, не хочешь ли ты сказать, что я bravo? Повтори-ка это пояснее, если у тебя хватит смелости, и тогда я убью тебя...

Его прервали.

Кровавый Лис обратил на этого человека меньше внимания, чем на его ружье. Когда чужак поднялся и повернулся к дереву спиной, юноша встал и подошел к дубу, намереваясь получше рассмотреть ружье. И тут его равнодушное лицо приняло совершенно другое выражение. Глаза вспыхнули, складка железной решимости пролегла у рта. Он повернулся к чужому и, прерывая его речь, положил ему руку на плечо.

— Что тебе надо, мальчик? — спросил незнакомец.

— Вместо Хельмерса отвечу тебе я, — спокойно сказал Кровавый Лис. — Да, ты bravo, разбойник и убийца. Берегись Духа Льяно, которого мы называем Мстящим Духом, потому что он воздает возмездие за каждое убийство, стреляя убийце прямо в лоб.

Гигант отступил на несколько шагов, окинул юношу взглядом, одновременно и удивленным и презрительным, а потом издевательски рассмеялся:

— Ты спятил, малыш? Стоит мне только пошевелить пальцем, и я сотру тебя в порошок!

— Молчи! Ты имеешь дело с Кровавым Лисом. Ты думал, что тебе позволено быть наглым с людьми. И тут появляется мальчишка, который сумеет доказать, что тебя надо бояться не больше, чем мертвеца. Мстящий Дух наказывает смертью убийц из Льяно. Ты убийца, а так как Духа здесь нет, то я заменю его. Читай свои последние Pater noster³⁹ и Ave Maria⁴⁰.

Скоро ты предстанешь перед вечным судьей!

Эти слова молодого человека, почти еще мальчишки, произвели исключительное впечатление на присутствующих. Лис представился им в совсем ином свете, чем раньше. Он стоял, гордо выпрямившись, с угрожающе поднятой рукой, сверкающими глазами и непоколебимой решимостью на посуровевшем лице — настоящий судебный исполнитель, посланец правосудия.

Незнакомец, хотя он и был на целую голову выше юноши, слегка побледнел, но быстро пришел в себя, расхохотался и выпалил:

— Он действительно сошел с ума! Блоха хочет проглотить льва! Ничего подобного слыхом не слыхивал! Ну, парень, докажи же мне, что я убийца!

— Брось смеяться! Все будет так, как я сказал — можешь мне в этом поверить!.. Кому принадлежит вот это ружье?

— Конечно, мне.

— И когда оно стало твоим?

— Ну, лет двадцать назад, если не больше.

Несмотря на насмешливый тон, несмотря на высказанное в словах пренебрежение, крепкий и сильный мужчина был настолько поражен самообладанием мальчишки, что ему даже не пришло в голову воздержаться от ответа.

— И ты сможешь это доказать? — продолжал спрашивать Кровавый Лис.

— Парень, как я могу это доказать? А ты сам способен опровергнуть мои слова?

— Да. Это ружье принадлежало сеньору Родригесу Пинто из поместья Дель-Мерисо, которое находится по ту сторону от Кедровой рощи. Два года назад он отправился в гости на ферму Кадло вместе с женой, дочерью и тремя вакеро⁴¹. С тамошними хозяевами он распрощался, но к себе уже больше не вернулся. Вскоре после этого в Льяно-Эстакадо нашли шесть трупов. Следы на земле выдали, столбы были переставлены. Это ружье принадлежало ему, и в тот раз он взял его с собой. Если бы ты утверждал, что купил ружье у кого-то в течение последних двух лет, этому можно было бы поверить. Но ты сказал, что уже двадцать лет владеешь этим ружьем. Следовательно, ты не купил его по случаю или у преступника. Значит, ты сам убийца и подпадаешь под действие закона Льяно-Эстакадо.

— Собака! — взорвался незнакомец. — Я сотру тебя в порошок! Это ружье — моя собственность. Докажи, что оно принадлежало тому

асьендеро!⁴²

Кровавый Лис взял ружье в руки и нажал на маленькую серебряную пластину, вставленную в приклад. Она отскочила, а под ней оказалась другая пластинка, на которой было выгравировано имя упомянутого сеньора.

— Смотри! — сказал Кровавый Лис, показывая ружье. — Вот неопровержимое доказательство, что ружье принадлежало асьендеро. В свое время он не раз одалживал мне ружье, поэтому я так хорошо с ним знаком. Убийце крайне опасно носить с собой краденую вещь, особенностей которой он не знает. Я не хочу спрашивать у других, считают ли они этого человека убийцей. Сам я этому верю, и моей уверенности достаточно. Мгновения его жизни сочтены.

— И твоей — тоже! — выкрикнул чужак и подскочил к Кровавому Лису, пытаясь вырвать у него ружье.

Но Кровавый Лис молниеносно отскочил на несколько шагов, направил ружье на незнакомца и приказал:

— Стоять! Иначе тебя встретит пуля. Я-то уж знаю, как вести себя с людьми подобного типа. Хромой Фрэнк, Плутиска Фред, ну-ка возьмите его на прицел и, если он только пошевелится, убейте его!

В мгновение ока все подняли свои ружья и направили их на чужого человека. Дело шло о законе прерий, которому должны были подчиняться все.

Незнакомец понял, что дело приняло серьезный оборот. На карту была поставлена его собственная жизнь, поэтому он застыл в неподвижности.

Кровавый Лис опустил свое оружие, так как оба других ружья удерживали прищельца на месте, и спокойно сказал:

— Я объявляю приговор, и он будет немедленно приведен в исполнение.

— По какому праву? — спросил дрогнувшим голосом незнакомец. — Я невиновен. Да если бы и был виноват, то все равно не могу позволить, чтобы меня линчевали безродные бродяги, а прежде всего — несмышлениш вроде тебя.

— Я покажу тебе, что вышел из детского возраста. Я не стану убивать тебя, как это делает палач с осужденным. Мы останемся с глазу на глаз с тобой, каждый с оружием в руках. Твоя пуля с таким же успехом сможет сразить меня, как и моя — тебя. Это будет честный обмен выстрелами. Мы поставим жизнь против жизни, хотя я-то мог бы сразу уложить тебя — ведь ты же находишься в моих руках.

Уверенный в себе юноша, выпрямившись, стоял перед незнакомцем.

Тон его голоса был серьезным и решительным, и тем не менее слова звучали настолько спокойно, словно подобный поединок не на жизнь, а на смерть был обычным для него. Молодой человек импонировал всем присутствующим, исключая, конечно, того, к кому были обращены его слова. Или тот только прикидывался, что поведение противника ничуть не задевает его? Незнакомец громко, с издевкой рассмеялся и ответил:

— С каких это пор здесь, на границе, верховодят зеленые юнцы? Только не подумай, что я оказался в твоих руках лишь благодаря твоему мужеству и предусмотрительности. Если бы здесь не было этих мужчин и стволов их ружей, нацеленных на меня, я бы уже задушил тебя, открутил бы голову, словно любопытному воробьишке. Если ты настолько сошел с ума, что равняешь меня с собой, я не возражаю. Но пойми одно: только что ты сказал свое последнее слово! Моя пуля еще никогда не расходилась с целью, и я покажу тебе дорогу в ад! Ловлю тебя и всех остальных на слове. Я требую честного боя и — свободной дороги для победителя!

— Ты получишь и то и другое, — ответил Кровавый Лис.

— Ты хорошо меня понял? Если ты падешь от моей пули, то я смогу уйти, куда мне понравится, и никто не в праве будет меня задержать!

— Ого! — вмешался Хельмерс. — Так не пойдет. Если даже тебе повезет с выстрелом, то здесь найдутся другие джентльмены, которым захочется поговорить с тобой. Им тебе тоже придется дать объяснения.

— Нет, все должно быть по правилам, — прервал его Кровавый Лис. — Этот человек принадлежит мне. У вас нет на него никаких прав. Я вызвал его на поединок и дал слово, что борьба будет честной. А это означает, что после моей смерти он будет свободен.

— Но, малыш, подумай...

— Мне не о чем думать!

— Возможно ли, чтобы заведомый негодяй безнаказанно убивал тебя?

— Если это ему и удастся, то только потому, что я захотел с ним стреляться. Правда, он принадлежит, безусловно, к грифам Льяно-Эстакадо. Собственно говоря, таких типов без лишних разговоров следует забивать кнутами. Но мне противно быть палачом. Я достаиваю его иной, более почетной, смерти. Но снисхождение должно распространяться и на виновника моей гибели. Итак, поклянитесь сейчас же, скрепив обещание словом и пожатием рук, что он сможет беспрепятственно удалиться в том случае, если застрелит меня!

— Раз ничего другого ты не желаешь, мы вынуждены это сделать. Но тебе, уходящему из мира, с укором говорим: своей необоснованной мягкостью ты позволишь негодю заниматься своим ремеслом и вдали

отсюда.

— Ну, если речь только об этом, то я совершенно спокоен. Он сказал, что еще никогда его пуля не проходила мимо цели. Но я тоже заряжаю свое оружие не для того, чтобы лишь проделать дырку в воздухе. Ну, парень, скажи-ка, на каком расстоянии мы будем стреляться?

— Пятьдесят шагов, — ответил незнакомец, к которому и был обращен вопрос.

— Пятьдесят? — Кровавый Лис расхохотался. — Не слишком-то близко. Ты, кажется, очень уж любишь собственную шкуру. Только тебе это не поможет. Слушай, признаюсь тебе по-дружески, что у меня привычка целиться прямо в лоб, как у Мстящего Духа. Так что поберегись! Боюсь, сегодня ты получишь прибавку в мозги: несколько лотов⁴³ свинца. Выдержишь ли ты это — дело твое...

— Все хвастаешь, мальчик! — сказал его соперник. — Я получил желаемое: обещание свободного пути. Теперь давай поскорее покончим с делом. Дай-ка сюда мое ружье!

— Ты получишь его только тогда, когда закончатся все приготовления, не раньше, потому что верить тебе нельзя. Хозяин должен отмерить расстояние — пятьдесят шагов. Когда мы разойдемся по местам, Боб подойдет с лампой к тебе, а Хромой Фрэнк с другой — ко мне, чтобы мы могли хорошенько видеть друг друга и вернее прицеливаться. Потом Плутишка Фред даст в руки ружье, а Хельмерс вручит мне мое. Команду отдаст Хельмерс, и с этого момента мы сможем стрелять. Каждому положено по два выстрела, потому что у нас обоих двустволки.

— Ближе подходить можно? — спросил незнакомец.

— Нет! Раз ты определил расстояние, то и остановимся на нем. Того, кто покинет свое место, прежде чем состоится обмен выстрелами, убьют секунданты. Для этого Боб и Фрэнк приготовят свои пистолеты. Застрелен будет и тот из нас, кому придет на ум сбежать до того, как его противник сделает оба выстрела.

— Прекрасно! — воскликнул Боб. — Массер Боб сейчас же пустит пулю в подлеца, если тот захочет убежать!

Он вытащил из-за пояса пистолет и, угрожающе ухмыляясь, показал его чужаку.

Все прочие согласились с условиями, выдвинутыми Кровавым Лисом. Сразу же начались приготовления. все так ими занялись, что никто и не подумал обратить внимание на благочестивого Тобайаса Прайзеготта Бартона. А тот, пользуясь суматохой, медленно передвинулся со своего места на самый угол скамьи и вытянул ноги из-под стола, чтобы в

подходящий момент сбежать.

Теперь оба соперника заняли свои места на расстоянии пятидесяти шагов один от другого. Возле чужака встал негр, держа в левой руке лампу, а в правой кавалерийский пистолет, изготовленный к стрельбе. Рядом с Кровавым Лисом устроился Хромой Фрэнк с лампой; в другой руке он также держал револьвер, хотя это было пустой формальностью, поскольку он был уверен в том, что против молодого человека, известного своей честностью, не понадобится применять оружие.

Хельмерс и Плутиска Фред держали заряженные ружья. Даже для привыкших к опасностям людей наступил момент наивысшего напряжения. Языки пламени, чуть колышась в потоках воздуха, освещали тусклым красноватым сиянием обе группы. Мужчины стояли неподвижно, но в этом неверном свете все же казалось, словно они беспрестанно перемещаются. В такой обстановке было нелегко прицелиться. Главная трудность состояла в том, что в полутьме нельзя было различить ни прорези прицела, ни тем более мушки.

Кровавый Лис расслабился, словно готовился к партии в крикет, тогда как его противник пребывал совсем в другом настроении. Плутиска Фред, передававший ему ружье, а значит, оказавшийся совсем близко от незнакомца, видел злобный блеск в его глазах и нетерпеливое подрагивание рук.

— Вы готовы? — спросил Хельмерс.

— Да, — ответили оба, причем незнакомец уже вытянул руку за своим ружьем.

У него, разумеется, было намерение опередить с выстрелом Кровавого Лиса, пусть даже на полсекунды.

— Нет ли у кого распоряжений на случай смерти? — опять спросил Хельмерс.

— Хватит болтовни! — возбужденно выкрикнул чужак.

— Нет, — на удивление спокойным голосом ответил юноша. — По тому, как ведет себя этот парень, я вижу, что в меня он может попасть только случайно. Он же весь дрожит. А все, что тебе положено знать, ты найдешь в моей седельной сумке. Теперь позаботься о том, чтобы мы поскорее закончили поединок!

— Ну, тогда к оружию! Огонь!

Он протянул ружье Кровавому Лису. Молодой человек, сохраняя полнейшее хладнокровие, взял его и потряс в правой руке, как бы желая удостовериться в тяжести оружия. Он поступал совсем не так, как положено действовать в тех случаях, когда жизнь зависит от одного

короткого мгновения.

Иначе вел себя его соперник. Он почти вырвал свое ружье из рук Плутишки Фреда. Он развернулся левым плечом вперед, чтобы сузить поверхность, подверженную поражению, и припал щекой к прикладу. Раздался выстрел.

— Вот это да! — загомосил негр. — Массер Кровавый Лис не задет! Это — судьба! У-лю-лю!

Он прыгал, размахивал руками, вел себя как одержимый.

— Утихомирься, парень! — крикнул ему Хельмерс. — Как же можно прицелиться, если ты так размахиваешь лампой!

Боб моментально понял, что его поведение вредит именно тому, кому он желал победы. И он моментально стал неподвижным, закричав:

— Массер Боб теперь будет стоять тихо! Массер Боб не дрогнет! Массер Кровавый Лис должен поскорее выстрелить!

Но незнакомец не оторвал щеки от ружейной ложи. Он еще раз нажал на спуск — и опять промахнулся, хотя Кровавый Лис продолжал стоять, подставляя пуле свою грудь и небрежно покачивая ружье в правой руке.

— Тысяча чертей! — выругался чужак.

От удивления он застыл на несколько мгновений. Потом он прибавил еще одно крепкое словцо, не в силах удержаться, и отпрыгнул в сторону, намереваясь бежать.

— Стой! — выкрикнул негр. — Буду стрелять!

В тот же момент послышался треск выстрела. Но спустил крючок не один негр.

Кровавому Лису хватило того короткого мгновения, пока его противник застыл от ужаса. Он вскинул ружье и нажал на спуск столь быстро, словно ему вообще не надо было целиться, потом повернулся, схватился за патронташ, чтобы по привычке сразу же зарядить опустевший ствол, и сказал:

— Он получил свое! Подойди-ка к нему, Фрэнк! Прямо посередине лба ты увидишь дырку.

Кровавый Лис стоял спиной к поверженному противнику, а голос его звучал так спокойно, словно он не совершил ничего особенного.

Фрэнк и Хельмерс поспешили туда, где лежал незнакомец. Кровавый Лис, перезарядив ружье, медленно пошел за ними.

А оттуда уже раздавался торжествующий голос негра:

— Вот это смелость! Вот это доблесть! Массер Боб застрелил негодяя! Он лежит здесь и не шевелится. Видите, масса Хельмерс и масса Фрэнк, что старина Боб угодил ему в лоб? О, массер Боб очень храбрый. Он легко

расправится и с тысячей врагов!

— Да, ты исключительно хороший стрелок! — одобрительно кивнул Хельмерс, склонившись над мертвецом и осматривая его. — А куда ты, собственно говоря, целился?

— Массер Боб целился прямо в лоб и попал именно туда.

— А посмотри-ка на свои штаны. Что ты там видишь? — спросил Хельмерс.

Боб опустил лампу и посмотрел на то место, куда указывал Хельмерс.

— Дырка, — ответил он.

— Да, дырка, которая образовалась от твоей пули. Ты палил через штанину!.. Но каков выстрел! — Это он обернулся уже к Лису. — Такого и вправду никто больше не повторит. Я и не увидел, как ты целился.

— Я знаю свое ружье, — скромно ответил молодой человек, — а еще я верил, что все произойдет именно так, потому что парень был слишком возбужден. Он весь дрожал от злости. Вести себя подобным образом глупо, тем более когда целая жизнь зависит только от двух выстрелов.

Незнакомец был мертв. Круглая, с рваными краями дырка чернела точно посреди лба.

— Совсем как у Духа Льяно-Эстакадо, — с удивлением сказал Плутишка Фред. — Да, это был по-настоящему мастерский выстрел! Парень получил свое. Что будем делать с трупом?

— Мои люди могли бы его закопать, — ответил Хельмерс. — Потому что даже самый последний негодяй все-таки остается человеком и его нужно предать земле. Но правосудие должно совершаться, и там, где кончается власть закона, люди вынуждены защищать себя собственными руками. Да в этом случае и не может быть речи о суде Линча, потому что в этом поединке у противников были равные шансы. Итак, доказано, что это был убийца, помилуй, Господи, его душу! А теперь мы хотим... Что это? Что такое?

Боб громко закричал. Он был единственным, чьи глаза не смотрели на мертвеца.

— Хей-хо! — ответил чернокожий. — Пусть масса Хельмерс поглядит вон туда!

И негр показал рукой в том направлении, где стояли столы и скамьи. Теперь там было совершенно темно, потому что обе лампы освещали группу людей, столпившихся возле мертвеца.

— Ну, и что там?

— Ничего, там абсолютно никого нет. Когда масса Хельмерс и все прочие приглядятся, они совершенно ничего не увидят, потому что его там

нет.

— Ах, вот что! Мормон сбежал! — понял Хельмерс и резко выпрямился. — А ну быстрее в погоню! Посмотрим, удастся ли ему уйти!

Все тотчас же разбежались. Каждый мчался в том направлении, куда вело его неясное предчувствие. На месте поединка остался лишь Кровавый Лис. Он был неподвижен и вслушивался в ночную темноту. В таком положении и застали его возвращавшиеся с неудачных (как это и можно было предположить) поисков.

— Да, я так и думал! — кивнул головой Кровавый Лис. — Мы поступили глупо. Возможно, этот богобоязненный мормон куда опаснее убитого. Я его наверняка видел, да вот не помню, где именно. Разумеется, я постараюсь опять с ним встретиться, и как можно скорее! Желаю всем доброй ночи.

Он поднял ружье, выпавшее из рук убитого, и пошел к своей лошади.

— Ты хочешь уехать? — спросил Хельмерс.

— Да, мне давно уже пора отправляться, да вот с этим вором пришлось потерять много времени. Ружье я беру с собой, чтобы вручить наследникам законного владельца.

— Когда я увижу тебя снова?

— Когда это будет нужно. Не раньше и не позже.

Он вскочил в седло и уехал рысью, никому не подав руки.

— Какой странный молодой человек! — покачав головой, высказал свое мнение Плутишка Фред.

— Оставьте его в покое! — ответил Хельмерс. — Он всегда знает, что делает. Да, он молод, но справится с очень многими людьми и постарше, и посильнее себя. Я убежден, что рано или поздно он возьмет в оборот этого мастера Тобайаса Прайзеготта Бартона, а может быть, и многих других.

Глава вторая. ДВОЕ НОСАТЫХ

Незадолго до того, как Хромой Фрэнк и Боб встретились с Кровавым Лисом, еще двое мужчин ехали верхом в направлении от Колмен-Сити. Однако вряд ли они заглядывали в городок, потому что их вид говорил о том, что они долгое время жили вдали от цивилизованных мест.

Оба мула, на которых ехали мужчины, обнаруживали, правда, признаки усталости, однако было заметно, что они вполне прилично откормлены, словом, находятся в хороших руках. Совсем иное впечатление производили всадники; у них были такие вытянутые и сильно исхудавшие лица, что по ним можно было сделать поспешный вывод: голод гостит у этих парней неделями. Однако здоровый цвет кожи и достойная осанка свидетельствовали, что это не так. Для Дикого Запада характерен здоровый сухой воздух, который не благоприятствует накоплению излишнего жира, зато укрепляет мускулатуру и придает суставам ту силу и выносливость, без которых человек быстро погибает в бескрайних прериях.

Удивляло поразительное сходство всадников. Кто бы их ни увидел, сразу же посчитал бы братьями и даже близнецами. Сходство было таким сильным, что отличить их (тем более, что оба были одинаково одеты и вооружены) можно было только по шраму, который тянулся поперек щеки одного из всадников.

На них были удобные темно-серые шерстяные куртки и точно такие же штаны, крепкие ботинки на шнурках, брововые шляпы с широкими полями; тяжелые широкие одеяла висели за спиной подобно плащам. Пояса были обтянуты кожей гремучей змеи. За них цеплялось обычное мелкое оружие и прочие принадлежности обитателей прерий. Были у них и ружья, но попали они к всадникам уж, конечно, не напрямую из оружейной лавки; судя по внешнему виду оружия, можно было с полным правом сказать, что они заслуживали прозвище «стреляющих палок». Однако тот, кто знал, что может сделать достойный житель Запада со столь древним Firelock⁴⁴, никогда бы не вздумал задирать нос перед владельцем такого оружия. Человек с Запада любит свое ружье, но не цацкается с ним. Чем невзрачнее оно становится за долгий срок службы, тем с большим уважением он относится к своему оружию.

К сожалению, было нельзя назвать красавцами обоих всадников; причина этого заключалась в том, что выступающая часть их лиц была развита совершенно необыкновенно. О, что у них были за носы! Можно

было поклясться, что двух других таких органов обоняния не найдешь во всей стране. Не только величина, но и форма, и цвет были необычны. Нет, чтобы получить полное представление о таких носах, надо было их увидеть. И при этом носы были удивительно схожи. Не было другой такой пары братьев, переживших к тому же, верно, немало житейских бурь, потому что возраст их переступил середину пятого десятка.

Только не надо думать, что лица братьев производили отталкивающее впечатление — вовсе нет! Братья были тщательно выбриты, и никакая борода не скрывала доброжелательного выражения лиц. В уголках рта, казалось, навсегда угнездилась легкая, беззаботная улыбка, а светлые зоркие глаза смотрели на мир так по-доброму, так по-дружески, что только очень плохой знаток людей стал бы утверждать, что, мол, братьев надо опасаться.

Местность, в которой находились всадники, можно было назвать довольно бесплодной. Земля взращивала только узловатые горные сосны вперемешку с юкками и кактусами. Казалось, поблизости нет никакого водоема. Судя по рыскающим взглядам всадников, места эти были им незнакомы. Временами один из едущих приподнимался в стременах, чтобы получить больший обзор, но почти сразу же с выражением разочарования опускался в седло.

— Чертовски грустные места! — сказал человек со шрамом на щеке. — Кто знает, отыщем ли мы сегодня хоть глоток свежей воды. Ты как думаешь, Тим?

— Хм! — промычал другой. — Мы как раз приближаемся в Льяно-Эстакадо. Здесь нечего ожидать иного. Или ты полагаешь, Джим, что в пустыне текут ручьи яичного пунша и пахты?

— Молчи, сердце мое! Не соблазняй меня! Яичный пунш — высочайшее из наслаждений. Кто его не пробовал, то может в конце концов удовлетвориться и пахтой. Но здесь даже и той нет. Боюсь, что мы вынуждены будем довольствоваться соком кактусов.

— Ну уж нет! Пока мы еще не на Равнинах. Хельмерс-Хоум, которого мы достигнем завтра, должен стоять у воды. Следовательно, мы еще не покинули плодородных земель. Надеюсь, что Олд-Силвер-Майн, наша сегодняшняя цель, лежит посредине островка деревьев или кустарника — такие иногда случаются даже в пустынях... Или возле него... А ты знаешь, мои надежды очень редко обманывают меня.

— Не мог бы ты помолчать? Пока что наши надежды завели нас в никуда.

— Этого ты не должен говорить, Джим. Мы с тобой не смогли бы

вести праздную жизнь — это точно; но в карманах у нас лежит хорошенькая сумма, и если нам повезет по ту сторону Льяно — мы добьемся положения в обществе.

— Да... если! Быть миллионером — высочайшее из наслаждений. А пока что у нас порой не бывает даже еды. Мы думали только о том, как бы побыстрее продвинуться вперед, и не тратили время на то, чтобы подумать о жарком. Я вовсе не требую индюшку, но охотно бы встретил, ну, хоть луговых кур. Возможно, они позволили бы моему ружью сказать им: «Добрый день».

— Твои рассуждения пробуждают аппетит! А вот я бы довольствовался уже тем, если бы симпатичный зайчишка вздумал нам показаться. Тогда бы мы... Осторожнее! Вот и он! Молли, постой спокойно один-единственный раз!

Это требование, сопровождавшееся натяжением поводка, адресовалось мулу. Тот остановился, как вкопанный, словно и впрямь понял обращение. Прямо перед всадниками среди редких пучков травы метался длинноухий заяц местной разновидности. Тим быстро прижался щекой к ружью и нажал на спуск. Заяц кувыркнулся и остался лежать на земле. Пуля вошла ему в голову. Нельзя было сделать лучше выстрела из такого древнего ружья.

Техасский заяц по размеру аналогичен своему немецкому родственнику. В местных степях он встречается в большом количестве и ценится охотниками за хорошее мясо. У этого зайца очень длинные уши, напоминающие органы слуха мулов, поэтому его и называли «заяц-мул».

Тим подъехал к лежащему зайцу, поднял его и сказал, отправляясь дальше:

— Жаркое есть, думаю, что и водичка найдется. Видишь, мои предчувствия оправдываются, Двое таких парней, как мы, всегда найдут то, что им нужно.

— И алмазы тоже? Их-то мы подождать могли бы.

— И алмазы, говорю тебе! — ответил решительно Тим. — Конечно, на той стороне кое-что есть, как я предполагаю. Если же это обман, с нами случится то же, что и с другими, которые ничего не нашли. Мне по меньшей мере не жить, если я узнаю, что мы напрасно стремились к своему счастью... Слушай! Не выстрел ли это?

— Да, кто-то стрелял. Полли это тоже слышала.

Джим имел в виду своего мула, который как раз втянул ноздрями воздух и крайне энергично захлопал ушами. Обычно степной охотник дает кличку своему животному. Этих двух мулов, судя по разговорам их хозяев,

назвали Молли и Полли — две клички, которые были столь же схожи между собой, как и имена владельцев — Джим и Тим.

Братья выпрямились и посмотрели в том направлении, откуда они слышали выстрел. Он прозвучал дальше, чем мог видеть их глаз, поскольку они оказались в ложбине; но Тим показал вверх, в воздух, где тяжело раскручивал спирали пернатый хищник.

— Индюшачий гриф, — сказал он. — Не так ли, Джим?

— Нет! Это королевский гриф, что видно по пестрому оперению. Оно у него бледно-желтое, и он уже покормился падалью, причем так нажрался, что летать может с большим трудом. Выстрелом нарушили его трапезу, и теперь мы должны посмотреть, что это были за люди. В этих краях очень полезно знать, кто тебе встретился. Вблизи Льяно неясностей не должно быть. Легкомысленных и неосторожных легко могут сожрать грифы, а это я никак бы не мог назвать величайшим из наслаждений. Итак, вперед, Тим!

Они пришпорили своих мулов. Но ведь известно, что эти животные — упрямые создания. Обычно такую тварь как раз тогда, когда нужно спешить, не сдвинешь с места. Но как бы для того, чтобы поквитаться, мул имеет привычку сорваться в бешеный галоп, когда у всадника появляется неотложная причина для остановки. К сожалению, Молли не составляла похвального исключения. Едва Тим дал ей почувствовать шпоры, как она уперлась всеми четырьмя ногами и неподвижно застыла, словно упрямый козел. Тим надавил сильнее, но результатом стало лишь то, что мул опустил голову к передним ногам, тогда как зад его резко пошел вверх в попытке сбросить всадника. Однако Тим отменно знал свою многолетнюю подругу, чтобы позволить ей выбросить себя из седла.

— Что ты себе позволяешь, old Yoker?⁴⁵ — он рассмеялся. — Я из тебя капризы-то повыбью.

Тим потянулся назад, схватил упряму за хвост и резко рванул его на себя. Сейчас же Молли ударила всеми ногами землю и пустилась вперед так, что Джим со своей Полли едва поспевали за нею. Этот чувствительный рывок за хвост был тем секретным оружием, своевременное применение которого могло сейчас же сломить упрямство Молли. Кто не знал этого средства, тот, несмотря на шпоры и кнут, вынужден был подчиняться ее настроению, хотя Молли могла быть иногда весьма покладистой. Каждая зверюшка любит проявлять свой характер; хорошо, что есть средства, действенные иногда не только для одной определенной особи, но и для целого рода. Так, например, представители знаменитого семейства Equus asinus⁴⁶ пристрастились к тому, чтобы сразу же после пробуждения

слушать свое двухголосое пение, беспокоя всю округу. Если такому солисту привязать к хвосту камень или любую другую тяжесть, то хвост и уши у него сразу повиснут — и ни одного звука от него больше не услышишь.

Когда братья выбрались из ложбины, они, к своему удивлению, здесь, вблизи от Равнин, увидели высотку с раздвоенной вершиной, поднимавшуюся на расстоянии примерно шести английских миль от них. Одновременно они заметили всадников — их было шестеро, — скучившихся возле какого-то предмета, лежащего на земле. При этом всадники оказались так близко, что добраться до них можно было бы раньше, чем за минуту. Братья остановились. Надо было немедленно определить: не проявят ли к ним враждебность эти всадники?

Братьев сразу заметили. Круг, образованный шестеркой, разомкнулся, но никаких угрожающих движений не последовало.

— Как нам быть? — спросил Джим. — Подъехать?

— Думаю, что да. Они же нас увидели, и если это действительно Bushranners⁴⁷, с ними в любом случае придется сразиться. Стало быть, лучше быть предусмотрительными и не дать себя окружить. Давай подготовимся к стрельбе.

— Ну, вряд ли они Bushranners. У них скорее вид джентльменов, предпринявших поездку для своего удовольствия. Еще с неделю назад их костюмы, конечно, висели в платьевой лавке. С собой они набрали целый арсенал ружей, но все это слишком уж блестит и сверкает, и вряд ли эти ружья часто применялись на деле. А лошади кажутся мне такими свежими и напичканными кормом, что я мог бы предположить: перед нами совершенно безвредные Pleasing troopers⁴⁸. Правда, встреча с такими желторотыми — не высочайшее из наслаждений, но все-таки я предпочитаю их людям, у которых карманы служат только для того, чтобы засовывать в них чужие деньги. Давай подъедем к ним!

Впрочем, им и не оставалось другого выбора, потому что шестеро незнакомцев вскочили на своих лошадей и теперь приближались к братьям.

— Подъезжайте скорее! — кричали они братьям. — Вы кое-что увидите.

— Что именно? — спросил Джим.

— Подъезжайте и увидите своими глазами.

И вот они встретились. Если до сих пор лица шести были очень серьезными и задумчивыми, то теперь они внезапно приняли совсем другое выражение. Двенадцать удивленных глаз смотрели на братьев; потом уголки ртов задергались, и наконец раздался звучный шестиголосый хохот.

— Тысяча чертей! — вскрикнул один из них. — Кто это перед нами? Пара носачей!

— Пара носачей! — согласилась сразу же остальная пятерка.

— Пара носатых бабуинов!

— Удивительно, изумительно, превосходно! Парочка носатых бабуинов!

Каждый из них старался перекрычать друг друга.

— Прошу вас, друзья, рассмотрите их как следует! — сказал самый первый. — Такого мы еще никогда не видели. Разрешите мне хоть раз дотронуться до этих носов! Я должен убедиться, настоящие они или остались от последнего карнавала.

До сих пор братья держались спокойно, но когда прыткий парень и в самом деле вытянул свою руку, чтобы дотронуться до Джима, тот осадил своего мула немного назад и сказал:

— Не хотите ли назвать мне ваше имя, сэр?

— Отчего же нет! Меня зовут Джибсон.

— Благодарю! Итак, мастер Джибсон, я могу выполнить любую просьбу каждого из вас. Готов исполнить и ваше желание, но прежде должен сказать, что мое ружьишко стреляет сразу же, как только кто-нибудь коснется моего носа. Если, несмотря на это, вы захотите взяться за него, ничего не имею против. Однако прошу ваших достойных товарищей не обижаться за последствия.

Это прозвучало так серьезно, что смех сразу же стих. Впрочем, Джибсон попытался еще разок пошутить, сказав со смехом:

— Мастер, захотите ли и сможете ли вы обижаться на то, что мы смеемся над таким носорожеством?

— Что касается этого, я твердо убежден: настоящих носорогов осталось слишком мало, чтобы чувствовать себя оскорбленным, когда вы смеетесь над его рогом. Но вы должны удержаться от каких-либо сравнений. Вы кажетесь таким невежественным как в антропологии, так и в зоологии, что легко сможете спутать грудного ребенка со взрослым бегемотом. И заметив эту неопытность, которую кто-нибудь другой с большим, может быть, основанием назвал бы глупостью, я посчитал своим долгом сделать предупреждение. Ни одна живая тварь не перестанет быть тем, чем создал ее Господь Бог, и если он снабдил меня большим носом, а вас маленьким мозгом, мы должны покорно принимать эти недостатки, так как, к сожалению, уже не можем их исправить.

— Черт возьми! — взорвался оскорбленный Джибсон. — Не намерены ли вы задеть нас?⁴⁹

— Ни в коем случае! Только оботритесь сами, если вы грязны, и обязательно возьмите мыло и воду! Я не служанка, чтобы чистить вас.

Тогда Джибсон схватился за свой револьвер и пригрозил:

— Умерьте свой пыл, сэр! Мой револьвер не так далеко, как вам кажется.

— Ба! — Джим рассмеялся. — Не выставляйте себя на смех. Ваша угроза звучит по-детски.

— Замолчите! Хотите, чтобы мы проучили вас? Вы же видите, нас шестеро против вас двоих.

— Вот именно! Шестеро людей вашего сорта не выведут из равновесия нас двоих! Добавьте-ка к шестерке сбоку нуль — тогда мы подумаем, стоит ли класть палец на спуск.

— Мне кажется, вы хорошо владеете своим языком!

— Оружием также. Заметьте это!

— Ладно! Но будьте все-таки так добры и скажите нам свои имена, чтобы мы знали, с какими знаменитыми героями нам довелось встретиться.

— Мы братья Хофман.

— То, что вы братья, мы уже заметили по вашим носам. А фамилия не оставила у нас ни малейшего сомнения в вашей национальности. Она может принадлежать только немцам, а вы, возможно, уже убедились, что людей вашего племени здесь не очень-то уважают.

— Этого мнения я не собираюсь у вас отнимать. Кому нравится забивать себе мозги трухой, пусть это делает... Я не психиатр. Поехали, Тим!

Он тронул своего мула, и его брат поехал за ним. Оба удержались от того, чтобы бросить еще хотя бы один взгляд на кучку мужчин. Братья направились туда, где эти молодцы находились прежде.

А там их поджидало ужасное зрелище. Земля вся была истоптана каблуками со шпорами, словно здесь происходило настоящее сражение. В самом центре вытопанного места лежала мертвая лошадь, уже без седла и сбруи. Тушу растерзали хищники, а внутренности были кусками разбросаны вокруг. То была ужасная работа грифа, которого недавно видели Джим и Тим.

Но не этого испугались братья: поблизости от лошадиной туши лежал труп человека, белого, со снятым скальпом. Лицо его было изрезано вдоль и поперек, чтобы сделать мертвеца совершенно неузнаваемым. Шерстяная, крайне поношенная одежда позволяла предполагать, что это был вестмен. Смерть ему принесла пуля, пробившая сердце.

— О, Боже! Что могло здесь случиться? — вскрикнул Джим,

спрыгивая с мула и подходя к труп.

Тим тоже спешил и опустился возле мертвеца на колени.

— Он умер несколько часов назад, — сказал Тим, пощупав руку и грудь убитого. — Он холоден, и кровь уже остановилась.

— Проверь-ка его карманы! Может быть, там есть какой-нибудь предмет, который позволит определить, кто он.

Тим начал было исполнять это распоряжение, когда шестерка, медленно следовавшая позади, подъехала к братьям.

— Стой! — закричал Джибсон. — По закону строго запрещено обыскивать карманы. Я не потерплю, чтобы вы ограбили труп.

Он и его спутники спешили и подошли ближе. Джибсон схватил Тима за руку и поднял ее высоко вверх, что тот неожиданно позволил проделать, сохраняя полнейшее спокойствие. Братья обменялись понимающими взглядами, после чего Джим спросил:

— Как это вам пришла в голову замечательно остроумная мысль, что мы хотим ограбить мертвеца?

— Но вы же роетесь у него в карманах!

— А разве это не может совершаться с другой целью?

— Нет, во всяком случае — у нас. Я с первого взгляда признал в вас сыновей Духа.

— У вас развилась необыкновенная наблюдательность, мастер Джибсон. Должно быть, столь импонирующее знание людей доставляет вам величайшее удовольствие!

— Если вы не заткнетесь, мы быстро устроим над вами суд! Мы поймали вас на месте преступления. Руки вашего брата были в карманах убитого. Этого достаточно. Вы болтались здесь, вблизи места преступления. Это подозрительно. Кто убийцы? Берегитесь, иначе можно вас и за горло взять!

Джима эти слова разъярили. Он было схватился за нож, но Тим оказался рассудительнее. Он бросил на брата успокаивающий взгляд и сказал:

— Черт возьми, какой вы строгий, мастер. Вы ведете себя так, словно занимаете пост важного государственного чиновника.

— Я адвокат, — коротко и гордо бросил Джибсон.

— Ах, адвокат! Стало быть, вы относитесь к тем высокоученым людям, задача которых состоит в охране параграфов закона? Примите мое почтение, сэр!

И с иронической покорностью он обнажил голову.

— Мастер Хофман, не делайте глупостей! — зарычал на него

Джибсон. — Я адвокат, или, если вам это привычнее, хотя вы и немец, Attorney at law⁵⁰, и умею внушать к себе уважение. Вот эти почтенные люди выбрали меня руководителем нашей экспедиции, а следовательно, законную силу иметь будет только то, что я найду правильным.

— Прекрасно, прекрасно! — усердно закивал головой Тим. — Мы совсем не против этого. Поскольку вы юрист, вам будет очень легко изложить это уголовное происшествие надлежащим образом.

— Это само собой разумеется, а поэтому я вынужден настаивать на том, чтобы вы не удалялись до тех пор, пока я все не осмотрю детальнейшим образом и не отдам соответствующие распоряжения. Совершенно зверское убийство, и у вас могут быть весьма неприятные осложнения.

— О! Это нас не беспокоит, потому что мы убеждены, что благодаря вашей проницательности удастся распутать эти осложнения.

Джибсон предпочел не отвечать на этот коварный выпад, но зато отдал своим спутникам приказ:

— Как следует держите их мулов, чтобы подозреваемым не удалось от нас сбежать!

Братья спокойно позволили выполнить это приказание. Очевидно, им забавно было наблюдать, что может случиться с незнакомцами на Диком Западе.

Находка оскальпированного трупа, конечно, нисколько не способствовала тому, чтобы развеселить братьев. Правда, закаленные степные охотники достаточно привыкли к подобным происшествиям, но вид мертвеца, лишенного кожи на голове, с изуродованным лицом, действовал устрашающе. К этому примешивалось беспокойство за свою собственную безопасность. Им было ясно, что человека убили и скальпировали индейцы, а так как невозможно было предположить, что краснокожий в одиночку осмелился так далеко забраться на восток, то оставалось предположить, что поблизости находится целый отряд индейцев. А из этого следовало, что необходимо соблюдать осторожность, пока позднейшие наблюдения не принесут чего-нибудь нового. На Джибсона и его компанию братья обращали очень мало внимания, точнее говоря — совсем ими не интересовались.

Адвокат собственноручно обыскал карманы мертвеца. Они оказались пустыми так же, как и пояс.

— Его уже ограбили, — сказал адвокат. — Стало быть, мы имеем дело с убийством, отягченным ограблением. Наш долг — найти убийцу. Следы показывают, что преступление совершено не в одиночку. Нападающих

было много. И когда я подумал, что нечистая совесть преступника должна гнать его к месту преступления, я предположил, что нам вовсе не надо далеко ходить, чтобы найти убийц. Братья Хофман, объявляю вас своими пленниками. Вы будете сопровождать нас до ближайшего поселения, а это — Хельмерс-Хоум. Там мы расследуем дело по всей строгости закона. — Он встал перед братьями в позу, которая, по его мнению, должна была вызвать к нему уважение. — Сдайте оружие! — добавил он повелительным тоном.

— Весьма охотно, — ответил Джим. — Вот тебе мое ружье. Хватай!

И он прицелился в адвоката. Щелкнули курки. Джибсон испуганно отскочил в сторону и закричал:

— Негодяй! Ты намерен сопротивляться?

— Ну, нет, — Джим рассмеялся. — О сопротивлении не может быть и речи. Я только хочу попросить тебя как можно осторожнее взять ружье из моих рук, иначе оно может выстрелить, и тогда всей твоей адвокатуре конец. Ну, берись аккуратно за ствол.

— Еще одна насмешка? Парень, я прикажу тебя связать, и так крепко, чтобы ты корчился от боли! Мне это будет очень приятно, так как связанный человек быстрее успокаивается.

— А чтобы другие господа освободили руки для этой работы, мы хотим их освободить от наших мулов... Полли, ко мне!

— Молли, сюда! — крикнул и Тим.

Животные до сих пор спокойно позволяли держать чужакам поводья. Но едва услышав повелительные голоса хозяев, они тотчас вырвались и с фырканием приблизились к братьям.

— Держите же их! Держите! — заорал Джибсон, но было уже слишком поздно.

— Не утруждайте себя! — рассмеялся Джим. — Вы не сможете удержать нашу скотинку. Они просто растопчут вас копытами. Оказывается, двоих настоящих вестменов совсем не так легко поймать.

— Если вы не остановитесь, я прикажу стрелять!

— Ого! Этого вы не сделаете! Вы наверняка заметили, что мы вас не боимся. Это заметно хотя бы по тому, что я не держу ружье на изготовку. Но уверяю вас: тот, кто приблизится к нам на три шага, немедленно получит пулю в лоб. Такие люди, как вы, здесь не очень ценятся. В лучшем случае над такими смеются. Чего стоят здесь, на краю Льяно, десять адвокатов против одного-единственного степняка! Здесь говорят языком пороха и свинца, а в настоящей схватке вы против нас что дети. Против наших пушек вы просто не выстоите со своими воробыными ружьишками

— можете мне поверить. Нам не нужны правоведы с Востока. Мы изучили законы прерий и знаем все их параграфы. Мы честные люди, и относительно нас вы заблуждаетесь. Но мы не станем вас наказывать, потому что ваше полицейское остроумие очень нас позабавило. Вы стояли перед мертвецом, словно кучка первоклашек перед египетской пирамидой, и для нас было высочайшим наслаждением слушать ваши мудрые рассуждения. Разобраться в таком деле не научат ни в одном колледже, ни в одном университете. Запомните это. Нужные для этого знания усваивают только в высшей школе прерий, а там любого из нас можно, пожалуй, назвать только «кокни»⁵¹. Теперь с этим делом придется разбираться нам самим, и тогда вы узнаете, к какому результату мы придем. К сожалению, вам неизвестно, какое большое значение придается в таких случаях следам. Вы позволили своим лошадям топтаться здесь, как им хотелось. Теперь следы прочесть почти невозможно. Мы все-таки попытаемся справиться с этим. Давай-ка, Тим, пойдем по кругу: ты направо, я налево, пока мы не встретимся.

Такой способ изъясняться, к какому прибег Джим, произвел сильное впечатление. Никто из шестерых, даже Джибсон, не возразил ни слова, хотя лица их нахмурились. Однако, когда братья разошлись в разные стороны, ни один не осмелился им помешать или хотя бы попытаться снова схватить мулов.

А оба охотника тщательно осматривали землю, двигаясь по широкому кругу, центром которого был убитый человек. Встретившись, они поделились своими наблюдениями, а потом осмотрели лошадь убитого и затоптанное место. Тщательность, с которой они рассматривали даже отдельные камешки, могла показаться даже смешной. Наконец братья о чем-то тихо переговорили и, казалось, пришли к твердому мнению. Потом Тим обратился к адвокату:

— Мастер Джибсон, вы хотели нас арестовать, потому что я рылся в карманах у мертвеца. Точно с таким правом мы могли бы задержать вас, потому что вы тоже находились на месте преступления и проверили потом те же самые карманы. Но мы убедились, что вы невиновны. Значит, вам нечего бояться.

— О, и я тоже знаю, что мы невиновны, но что вы мне сможете сделать?

— Все, что нам только захочется. У вас нет никакого представления о жителях Дикого Запада. Если нам понадобится, то мы свяжем всю шестерку и в таком виде доставим в Хельмерс-Хоум, несмотря на все ваше оружие. У вас был бы только один выбор: между повинованием и смертью.

Хорошо, что дело обстоит по-другому! Когда мы подъезжали, вы находились у трупа. Следовательно, у нас были все основания подозревать вас, тогда как высказанное вами недоверие к нам было совершенно бессмысленным. Одно то, что этот человек оскальпирован, должно было привести вас к догадке, что он пал от пули индейца. Мы сразу же об этом догадались и нашли подтверждение своему предположению. Впрочем, скорее всего над убитым вершили правосудие. Сначала мы ему посочувствовали, но теперь оказалось, что зря. Он был плохим человеком, состоял в одной из разбойничьих банд, бесчинствующих в этих краях. Берегитесь их!

Его слова вся шестерка встретила с величайшим изумлением.

— Как? — спросил Джибсон. — Вы все это прочитали по следам?

— Это и еще многое другое.

— Просто невероятно!

— Вы новичок в этом деле, потому так и говорите. Следы можно читать столь же уверенно, как строчки и страницы в книгах. Конечно, для этого надо знать Дикий Запад. Мы его знаем, а вы — нет. Парня подстрелили совсем не там, где он теперь лежит. Вы заметили, что пуля прошла тело насквозь и вышла из спины?

— Да.

— Пойдемте-ка в сторонку!

И все пошли за Тимом. Через несколько шагов тот остановился и указал на твердую обнаженную породу, из которой слагался грунт. В ее углублении скопилась большая лужа свернувшейся крови.

— Что вы здесь видите? — спросил Тим адвоката.

— Кровь, — ответил Джибсон.

— А больше вы ничего не заметили?

— Нет.

— Значит, у вас маловато таланта криминалиста, хотя вы и отважились было нас арестовать. Взгляните-ка вот на эту маленькую вещицу. Что это, по вашему мнению?

И он вытащил из лужи небольшой предмет. Тот по виду напоминал монетку и, несмотря на облепившую его кровь, отливал матовым металлическим блеском. Все стали разглядывать этот предмет, а Джибсон сказал:

— Это расплюснутая пуля.

— Да, и, видимо, она принесла смерть этому человеку. Пуля прошла через самое сердце. Значит, он умер мгновенно, на месте. Он не мог сделать не только несколько шагов, но и даже проползти несколько метров.

Выходит, что сюда его оттащили другие люди. Вы согласны с этим?

— Ваше объяснение кажется правдоподобным, хотя, возможно, дело происходило не совсем так.

— Вы так думаете? Вот посмотрите на эти островки жесткой травы возле каменистого, залитого кровью места. Что вы там видите?

— Трава примята.

— Чем или кем?

— Кто же это может знать!

— Мы. Здесь лежал человек, и можно предположить, что он не был ранен, поскольку не обнаружено ни малейшего пятнышка крови. Он не спал, потому что любой вестмен, даже самый бедный, возит с собой одеяло, которое он обязательно подстелит, ложась на землю. Учитывая прошедшее с момента убийства время и незаметность следа, можно с уверенностью утверждать: этот человек пролежал здесь очень недолго. Совсем рядом вы видите полосу на песчаном грунте. Сверху она широкая, а книзу сужается. Чем ее продавили?

— Возможно, каблуком сапога.

— Ну нет! Я быстро докажу вам, что лежавший здесь человек носил не сапоги, а мокасины. Если бы полосу продавил сапог, у нее была бы совершенно другая форма. Вмятина была бы корытообразной. Безо всяких опасений можно поклясться, что след оставлен прикладом ружья, а так как он неравномерный — начинается глубоко, а заканчивается мелким, уходящим в сторону крючком — то ясно, что сделан он не медленным, спокойным движением, а крайне поспешно. И взгляните еще на этот отпечаток по нижней кромке следа! Чему, какому обстоятельству обязан своим появлением след?

Только после того как Джибсон тщательно осмотрел песок в том месте, он ответил:

— Действительно, похоже, здесь кто-то поворачивался на каблуке.

— На этот раз вы правы. Однако отпечаток такой четкий, что ничего другого просто не могло прийти в голову. Если бы вы тщательно осмотрели место, то могли бы сказать, что человек не был обут в сапоги с каблуками. Это была обувь с тупой пяткой, то есть мокасин. Вы видите след только одной ноги, а не двух, хотя почва здесь довольно мягкая и следы были бы отчетливо видны. Что из этого следует?

— По правде сказать, не знаю.

— Я уже говорил о спешке. Человек, которого мы имеем в виду, поспешно бросился здесь на землю, так что другая нога не коснулась земли и, следовательно, не могла оставить отпечатка. Будь у него время поудобнее

лечь на песок — были бы безусловно видны следы обеих ног. Значит, с большой достоверностью можно предположить, что у человека были веские причины упасть вот так внезапно. Что же могло заставить его сделать такой прыжок?

Адвокат задумчиво почесал за ухом.

— Сэр, — сказал он, — я вынужден признать, что нам невозможно столь быстро следить за вашими предположениями и выводами.

— Это как раз и показывает, что вы все зеленые новички. В подобном случае жизнь часто зависит от одной-единственной секунды. Долго раздумывать нельзя. Оценка должна быть ясной, быстрой и уверенной. Я расскажу вам о причине. Посмотрите-ка вокруг и скажите мне, не заметили ли вы поблизости чего-нибудь необычного?

Все шестеро осмотрелись и отрицательно покачали головами.

— Ну, — продолжал Тим, — тогда посмотрите на этот кустик юкки. На нем вы все же должны кое-что заметить.

Хотя было заметно, что упомянутое растение сильно задержалось в развитии, оказавшись на сухой песчаной почве, но оно еще цвело и было увенчано метелкой белых, с пурпурным налетом цветков. Множество жестких и узких сине-зеленого цвета листьев лежало на земле. Было очевидно, что они опали не сами по себе — их оборвали.

— Кто-то здесь потрудился над юккой, — с умным видом сказал Джибсон.

— Так! И кто же это был?

— Как же это теперь узнаешь?

— Это можно и даже необходимо узнать. Человек не трогал растение. Он просто послал в него откуда-то пулю, которая обтрясла листья и пробила вот эту дырку в стебле. Разве вы ее не видите?

Теперь все заметили дырку.

— Ни один человек не будет стрелять в растение от скуки. Пуля предназначалась тому, кто прятался за растением. Если мы проведем теперь мысленно линию от юкки до того места, где стоял упавший человек, а потом продолжим ее по прямой, то узнаем, откуда вылетела пуля. Поскольку она пробила нижнюю часть стебля, значит, дуло ружья, из которого вылетела пуля, находилось на значительной высоте над поверхностью земли, и вы могли бы, во всяком случае, угадать, что из этого следует.

Всадники смущенно посмотрели на Тима, но ничего не ответили. Тогда он продолжил объяснения:

— Тот, кто стрелял, находился не на земле — он сидел в седле. Для

меня это яснее ясного. Из всего, что мы здесь видели, следует, что на земле, там, где мы разглядели след, стоял индеец с ружьем. В него выстрелил всадник, подъехавший, вероятно, с северо-востока, после чего краснокожий, не задетый пулей, мгновенно бросился на землю, причем лицо он повернул кверху. Зачем он это сделал? Я вижу одно-единственное объяснение: он старался подманить стрелка, хотел, чтобы стрелявший поверил в его смерть. И всадник действительно приблизился...

— Откуда вы это знаете? — удивленно спросил Джибсон.

— Сейчас вы все поймете. Пойдемте теперь назад, к мертвецу! Я могу себе так ясно представить весь ход случившегося, словно сам был очевидцем. Кто проникателен, кто способен к наблюдению и размышлению, тот сможет быстро догадаться, в чем дело. Но вы со своей юриспруденцией недалеко уйдете...

Он провел адвоката мимо убитого туда, где стояли горные сосенки⁵², а между ними виднелись мелкие песчаные площадки. Здесь, на песке, след стал отчетливее, и Тим спросил, каким это образом вдруг появился такой хорошо читаемый след.

— Мне кажется, что здесь тоже кто-то лежал, — ответил Джибсон.

— Ваше предположение правильно. Но кто это был?

— Может быть, тот человек, пока он еще не умер?

— Нет, того сразили прямо в сердце, так что он не мог больше пошевелиться. До этого места он бы не добрался. Впрочем, если бы он здесь был, то на земле остались бы следы крови.

— Значит, это был индеец, который уже однажды упал на землю за кустиком юкки?

— Тоже нет. У того индейца не было причины повторять свой хитрый маневр. К тому же, как мы знаем, он остался невредим, тогда как тот, кто лежал здесь, был тяжело ранен. Следовательно, мы имеем дело с кем-то третьим.

— Но, — крайне удивился Джибсон, — этот песок действительно стал для вас открытой книгой. Я не мог бы прочесть в ней ни строчки.

На лицах его спутников также было написано глубочайшее изумление. Джим, до тех пор доверявший объяснения своему брату, теперь сам взял слово:

— Не надо от удивления раскрывать глаза и разевать рты, джентльмены. То, что вам кажется таким невероятным, у нас способен проделать любой вестмен. Тот, кто быстро не научится читать следы, может срочно убираться отсюда, потому что тогда он просто не сможет выжить здесь, на Западе. Все знаменитые охотники своими успехами обязаны не

только смелости, хитрости и выдержке, но еще и тому ценному качеству, что каждый замеченный ими след становится для них ясным письмом, которое они без труда смогут прочесть. Кто же не понимает подобного письма, быстро получает нож или пулю, исчезая там, где даже памятника ему не поставишь. Мой брат сказал, что здесь нет заметных следов крови, и в этом он был прав, но небольшое количество крови все же можно разглядеть. Вот эти маленькие темные пятнышки на песке оставлены капельками крови. Значит, лежавший здесь парень был ранен и, видимо, тяжело, ибо следы выдают, что он корчился от боли. Посмотрите внимательно на рядом стоящую сосну и песок под ее низко нависшими ветвями! Бедный раненый от боли сломал ветку и вцепился пальцами в песок. Может быть, вы сумеете мне сказать, в какую часть тела он был ранен?

— Чтобы ответить на ваш вопрос, надо быть всезнайкой.

— Ничуть нет! Рана в голову или в верхнюю часть тела вызвала бы большую потерю крови, чем здесь мы видим. Значит, ранили его куда-то ниже, что и объясняет его мучения. А теперь посмотрите, как все истоптано кругом, сорваны ветки до того самого места, где лежал индеец! И еще раз поглядите на этот невзрачный предмет на земле, на который вы совсем не обратили внимания! Может быть, теперь вы скажете мне, что это такое?

Джим поднял с земли кусочек кожи. Когда-то он был светлым, но от времени потемнел. Кусочек был разрезан на длинные, очень узкие полоски. Шестерка по очереди очень внимательно рассмотрела его, и все отрицательно покачали головами.

— Это, — объяснил Джим, — кусок обшитого бахромой шва на штанах индейской работы. Значит, лежавший здесь раненый тоже был индейцем. Он носил легины из выдубленной кожи. От боли он вцепился в штаны и вырвал этот маленький кусочек. Выстрел в живот ни в коем случае не назовешь высочайшим наслаждением. Если пуля засядет у вас в потрохах, вы тоже будете корчиться, словно черви. Я был бы крайне удивлен, если бы этот индеец еще пребывал на этом свете. Скачки на лошади он бы не вынес, особенно если бы пришлось сидеть на ней вдвоем.

— Они ускакали? — спросил Джибсон. — Вместе на одной лошади?

— Конечно, мастер. Это несомненно так и было. Пройдемте немного в том направлении, откуда приехали эти люди.

Джим зашагал к северо-востоку. Остальные последовали за ним, горя от нетерпения услышать всю историю до конца. Джим прошел до того места, которое уже осматривал раньше. Там он остановился и произнес:

— Джентльмены, сейчас вы получите, так сказать, урок по чтению следов. Если вы найдете возможность поупражняться в этой материи и в другом месте, то вас уже скоро нельзя будет назвать желторотыми. Разумеется, если в вас пробудятся способности вестменов. Конечно, вам было бы полезно выслушать длинную лекцию, в которой я бы подробно объяснял здешние следы. Но для этого у меня нет времени. Я должен торопиться, потому что мы столкнулись с очень опасной бандой разбойников или убийц. В то же самое время речь идет о спасении жизни индейцев, которых преследует эта банда. Итак, я буду краток. Здесь, где мы стоим, проходили оба индейца, о которых мы говорили. Одного ранили совсем не там, где он лежал, а уже здесь. Я сужу об этом по следам: оба держали своих лошадей голова к голове. Они ехали близко, и здоровый индеец держал за повод лошадь раненого товарища, которому руки были нужны для того, чтобы зажать рану или просто удержаться в седле, потому что он очень ослабел.

Джим прошел еще несколько шагов назад, указал на землю и продолжал:

— О том, что это были индейцы, доказывают следы копыт. По ним можно заключить, что обе лошади были неподкованными. Здесь вы можете видеть, что лошадь, на которой ехал раненый, далеко прыгнула. В этом месте всадника настиг еще один заряд, прошедший через пах в грудь. При этом раненого вышибло из седла и отбросило в сторону сосны, в то место, где мы уже были.

Теперь Джим прошел направо и снова указал вниз, продолжая объяснения:

— Здесь виден след одного-единственного всадника, который стрелял по лошади, а потом по раненому индейцу. Его конь был подкован. Следовательно, всадник был белым. По лошади он стрелял еще до того, так подъехал сюда, что я доказал бы, будь у меня для этого время. Но вот с этого места, где мы с вами сейчас находимся, он стрелял по молодому индейцу...

— Не стоило бы вам говорить с такой уверенностью! — вмешался Джибсон.

— О, я мог бы даже поклясться! Взгляните вперед, и вы увидите, что место, где мы теперь стоим, находится на одной прямой с южкой, в которую попала пуля, и с той песчаной площадкой, где успел броситься на землю индеец, спасаясь от пули. Здесь не может быть никаких сомнений. Пойдем дальше! Всего в восьми или десяти шагах отсюда вы увидите новые следы. Там проскакали пятеро белых. Они остановились возле вытоптанного

места. Прошу вас теперь вернуться. Мы сейчас закончим.

Джим не только отвел всю шестерку на прежнее место, но и прошел немного дальше, обратив внимание на три дорожки следов, одна из которых уходила в сторону. О ней он сказал:

— Следы оставлены лошадью, принадлежащей белому. Копыта зарывались глубоко — значит, лошадь шла галопом. Но проскакав еще немного, эта лошадь чего-то испугалась и умчалась прочь. Если бы мы пошли по ее следу, то, конечно, нашли бы ее с пустым седлом, мирно пощипывающей травку. А вот левее вы видите другой след. Он ровен и притом оставлен неподкованной лошадью. Так как, несмотря на более медленный аллюр, следы индейской лошади все же глубже, то можно заключить, что животное несло на себе большой груз. Можно предположить, что здоровый индеец сидел в седле, а раненого товарища он положил перед собой. А теперь возле этих отпечатков вы видите следы пятерых белых. Всадники шли рядом со следом, но не пересекали его, чтобы не затоптать. Ну, вот я и кончил. Я был бы гораздо обстоятельнее и мог бы обратить ваше внимание еще на многие детали, но у меня, как я уже сказал, нет для этого времени. Теперь сделайте вывод из того, что вы слышали, и скажите мне, что здесь происходило.

— О, это лучше сделать вам, мастер, — ответил Джимсон теперь уже явно более почтительным тоном.

— Ну, — сказал Джим, — я говорил достаточно ясно, так что теперь, мне кажется, вы сможете понять, что тут случилось. Надеюсь, вы согласитесь со мной, что высочайшее наслаждение состоит в умении правильно читать следы. Наше расследование дало следующее: северо-восточнее этого места шестеро белых встретили двоих индейцев и затеяли с ними ссору, в результате чего один из индейцев получил пулю в живот. Краснокожие бежали, а белые немедленно пустились за ними в погоню. Однако лошади у индейцев были лучше, и они получили изрядное преимущество. Посмотрите на животное, лежащее вон там. Эта лошадь мексиканской породы и, возможно, даже превосходит своих андалузских предков. Тотем, то есть родовой знак ее владельца, выжжен на левой стороне шеи. Раненый индеец не был простым воином, потому что только вожди и уважаемые члены военного совета племени могут пользоваться тотемным знаком. Еще можно предположить, что пуля попала животному в брюхо. Только одна лошадь белых оказалась достаточно быстрой, чтобы удержаться за индейскими. Этот белый всадник упорно продолжал преследование. Он осмелился так далеко оторваться от своих товарищей, потому что краснокожие не могли защищаться, так как здоровый индеец

вынужден был поддерживать и оберегать раненого. Бедняги могли найти спасение только в бегстве. Конечно, окажись я на месте здорового индейца, то выпрыгнул бы из седла и дождался бы белого в засаде, чтобы снять его с лошади. Если краснокожий этого не сделал, значит, что-то ему помешало, или приходится предположить, что индеец был достаточно юным и неопытным. Возможно, он просто растерялся, когда пришлось позаботиться о ком-то другом. Но, как выяснилось потом, индеец был сообразительным и отважным. У белого была заряженная двустволка. Преследователь настолько приблизился к беглецам, что послал пулю в брюхо лошади одного из них. Это случилось как раз в том самом месте, где мы с вами находились. Лошадь взвилась, по инерции еще немного пролетела вперед, а потом завалилась, сбросив своего всадника в сосняк, где он и остался лежать. Другой краснокожий немедленно остановился и спрыгнул на землю, намереваясь защитить товарища. Белый выстрелил и в него, но так как лошадь преследователя все еще неслась сломя голову, то прицелился он плохо и вместо индейца попал всего лишь в стемель юкки. Индеец теперь мог бы разрядить свое ружье во врага, но он был перевозбужден и его руки наверняка дрожали от напряжения. Жизнь его зависела от точности выстрела, и краснокожий это понимал. Именно поэтому он не выстрелил сразу, а притворился раненым и бросился на землю, крепко сжимая в руках ружье. Так он дождался белого, чтобы выстрелить в него в упор. Ну, а белый, соскочив с лошади, прежде всего поспешил к распростертому на земле индейцу, который, естественно, притворился мертвым. Оттуда преследователь пошел к другому, здоровому, индейцу. Тот молниеносно вскочил, повалил врага на землю и выстрелил ему прямо в сердце. При этом он держал дуло так близко к вражеской груди, что выстрелом опалило одежду, а сама пуля вышла через спину и расплющилась о камень. Этот выстрел испугал лошадь бледнолицего; она сломя голову понеслась направо, что мы видели по оставленному следу. Краснокожий решил показать труп своему раненому товарищу и подтащил убитого поближе; здесь он врага и оскальпировал. Несмотря на это важное занятие, он все-таки заметил приближающуюся пятерку отставших бандитов. Индеец не мог дальше оставаться на этом месте, поэтому он быстро поднял раненого на оставшуюся в живых лошадь, вскочил в седло и ускакал. Когда пятеро белых приблизились и увидели на земле своего распростертого сообщника, они спешили, убедились, что он мертв, и стали совещаться. Погибший явно был из их же шайки. Возможно, где-нибудь поблизости, скажем, в Хельмерс-Хоум, найдутся люди, знавшие убитого. Если они обнаружат и опознают труп, то присутствие шайки будет

раскрыто, а бандиты, естественно, хотели сохранить свое появление в этих местах в тайне. Поэтому им пришла в голову мысль обезобразить лицо убитого ножами и сделать его неузнаваемым. Джентльмены, вы видели, что они безжалостно изуродовали лицо своего товарища. Задерживаться дольше им не было смысла — надо было преследовать индейцев, получивших хорошее преимущество во времени. Бандиты прежде всего обобрали мертвеца, потом расседлали индейскую лошадь и сняли с нее сбрую, потому что кожаная сбруя, принадлежавшая знаменитому краснокожему воину, считается очень ценной добычей. Разбойники покинули это место и направились по следам бежавших индейцев. Надо думать, что они, несмотря на медлительность своих лошадей, все же настигнут беглецов, потому что те на одной лошади двигаются медленнее. Когда вы, мастер Джибсон, прибыли сюда, на лошадином трупе уже сидел гриф. Вы согнали его выстрелом. Мы услышали этот выстрел, и он привел нас в это место. Таким я представляю себе ход событий. Не думаю, чтобы предположения значительно расходились с реальностью, и для меня было бы высочайшим наслаждением услышать, как вы говорите, будто я попал в самое яблочко.

— Ну, если вам это доставит удовольствие, мы его не испортим, — сказал Джибсон. — Лично мне кажется, что дело происходило именно так, как вы его представили. Думаю, что у вас хороший глаз и толковая голова.

— Что касается моей головы, то я вынужден и в дальнейшем ею пользоваться, потому что не могу обменять на лучшую. Надо надеяться, что теперь вы поняли: с вашей стороны было чистой водой попыткой нас арестовать. А теперь я хотел бы вас спросить, что джентльмены намерены делать дальше?

— Да ничего. Вы нас больше не интересуете, другие — тоже. Ведь речь идет всего лишь о краснокожих.

— Всего лишь об индейцах? — переспросил Джим. — А разве индейцы не люди?

— С этим я не спорю, но они настолько ниже нас по развитию, что сравнение с ними было бы просто оскорблением для нас.

Джим пренебрежительно махнул рукой. Большой нос Тима поднялся и опустился, пошел влево и вправо; он вел себя подобно самостоятельному существу, пришедшему в ярость. Тим слегка потер его указательным пальцем, словно желая успокоить, и сказал при этом деланно дружеским тоном:

— Если это так, мастер, тогда мы, конечно, не в состоянии оскорбить вас; нам просто не придет в голову проводить сравнение между индейцами

и вами. Оба краснокожих, о которых мы только что говорили, вели себя просто как герои, по меньшей мере один из них — тот, кого мы посчитали помоложе. Невозможно сравнивать с ними таких неопытных людей, как вы. Они выше вас, гораздо выше. Ради Бога, не считайте себя лучше их! Белые пришли в эту страну, чтобы вытеснить отсюда ее коренных обитателей — индейцев. Были пролиты потоки крови, в которых утопили одних краснокожих, а других споили бренди. Насилие, хитрость, обман, вероломство способствуют чрезмерному сокращению численности племен, населяющих прерию. Индейцев гоняли с места на место, с одной территории на другую. Едва им выделяли новую область, на которой они должны были мирно и спокойно жить, как тут же находили причину, чтобы гнать их снова дальше. Им продавали мел под видом муки, угольную пыль вместо пороха, детские игрушки вместо охотничьих штуцеров. Если индейцы не хотели мириться с таким положением, их называли мятежниками и расстреливали. У этих бедняг есть только один выбор: либо сдаться угнетателям, либо до последнего дыхания бороться против губительной жестокости завоевателей. Если краснокожие защищали свою шкуру, их называли разбойниками и убийцами, призывая без всякого милосердия и сострадания истреблять несчастных. Все происходит точно так же, как у зверей: один пожирает другого, и сильнейший говорит: «Я прав!» Но, уверяю вас, джентльмены, что среди этих презираемых и преследуемых людей я знавал таких, каждый из которых стоил вдесятеро больше, чем шестеро или даже сотня дюжин господ вашего пошиба. Вы сами сделали индейцев такими, какие они есть; вы виноваты во всем том, за что осуждаете их. Не говорите же мне ничего плохого об индейцах, иначе меня может охватить ярость, и тогда вам придется туго!

В порыве священного гнева Тим при последних своих словах навел ружье на Джибсона, словно хотел его пристрелить. Тот проворно отскочил в сторону, испуганно вскрикнув:

— Стойте, сэръ! Не собираетесь ли вы убить меня?

— Нет, пока еще нет. Но если вы еще раз скажете, что индейцев следует презирать, мое старое ружье может легко выстрелить, не спрашивая у меня разрешения. Если вы будете говорить о них с таким презрением, то можете рассчитывать на все, что угодно, только не на мою дружбу.

— А мы на нее вовсе и не рассчитываем, — заносчиво ответил Джибсон. — Вы нам не нужны, потому что мы свободные независимые люди, которые очень хорошо знают, что делать.

— Но мне кажется, что это не так! Вы, например, говорите, что не

стоит больше беспокоиться о происшедшем. Если вы действительно так думаете, то очень скоро вам, может быть, придется жевать сухую траву, отчего и умереть недолго.

— Ого! Вы полагаете, что мы должны опасаться тех белых?

— Да, мне так кажется. Вы слишком зелены для Дикого Запада.

— Слушайте, на такие оскорбления мы привыкли отвечать! Из Нового Орлеана мы доехали до этих мест, и я думаю, доберемся благополучно до цели.

— Из Нового Орлеана? Сюда? — Джим засмеялся. — И это серьезное достижение? Да такой путь проделает двенадцатилетний мальчишка. Говорю вам, что опасности начнутся только теперь. Мы находимся на границе, где бесчинствуют разбойники. Эти подонки очень много внимания уделяют чужой собственности, но человеческую жизнь ни во что не ставят. А с той стороны Льяно начинается область команчей и апачей. Их тем более надо опасаться, потому что они не в ладу между собой и именно теперь выкопали топор войны. Кто легкомысленно осмелится сунуться под такие жернова, будет размолот, и очень скоро. Здесь, на этом месте, встречаются белые бандиты и краснокожие воины. И все случившееся нам несколько не безразлично. Не говоря уже о белых, мы должны задаться вопросом, что здесь искали индейцы. Если двое краснокожих просто так, в одиночку, осмелились забраться в эти края, то в девяти случаях из десяти следует ожидать, что это шпионы, ведущие разведку местности для задуманного набега. Происшедшее мне кажется вовсе не таким ясным, как вам. Я не знаю ни цели, ни причин вашей поездки, но мы вот хотим пересечь Льяно, поэтому приходится держать глаза широко открытыми, иначе может случиться так, что вечером укладываешься спать живым, а рано утром вместо пробуждения вынужден будешь отправиться домой жалким трупом.

— Что касается нас, то мы тоже намерены пересечь Льяно.

— Ах, так... А куда же вы направляетесь?

— В Аризону.

— Вы, конечно, никогда там не были?

— Нет.

— Слушайте и не обижайтесь на меня, но здесь нужно соблюдать осторожность. Судьба здесь ждет похожих на вас. Не считаете ли вы Льяно эдакой красивой, премилой местностью, которую вот так запросто можно пересечь?

— О нет! Мы, разумеется, не так глупы. Мы хорошо знакомы с опасностями Льяно.

— Откуда же?

— Мы слышали об этом, а еще читали разную литературу.

— Так-так!.. Хм! Слышали и читали! Это точно так, как если бы кто-то прослышал и прочитал, что мышьяк ядовит, а потом посчитал, что он без всякого вреда может проглотить целый фунт этого яда. А не приходила вам в голову дельная мысль — взять проводника, знакомого с Равнинами и их опасностями?

Джим подал этот совет горожанину весьма добродушно, однако Джибсон рассерженно закричал:

— Убедительно прошу вас не поучать нас подобным образом! Мы же мужчины и сами все понимаем... Впрочем, у нас есть проводник.

— Ах, так! Где же он?

— Он поскакал вперед.

— Это интересно. И где же вас ждет проводник?

— В Хельмерс-Хоум.

— Ладно! Если это так, то Хельмерс-Хоум вы можете найти, даже мы можем вам помочь. Если подойдет наша компания, то вы могли бы присоединиться к нам, потому что мы тоже направляемся туда. А не могли бы мы узнать, кто ваш проводник?

— Он очень известен на Западе, по крайней мере, он так уверял, и много раз пересекал Льяно. Своего настоящего имени он нам не сказал. Обычно его называют Плутишка Фред.

— Вот это случай! Плутишка Фред! — воскликнул Джим. — Это верно, сэр?

— Конечно! Вы его знаете?

— Лично нет, но мы очень часто и много слышали о нем.

— Что это за человек?

— Это вполне порядочный парень. Вы спокойно можете довериться ему. Я рад, что наконец-то увижу его. Во всяком случае, тогда мы поедем вместе, потому что мы тоже направляемся в Аризону.

— И вы тоже? Зачем?

— По личному делу, — сдержанно ответил Джим.

— Не связано ли это дело с найденными там алмазами?

— Возможно.

— Тогда мы не подходим друг другу.

— Почему?

— Потому что мы едем по одному делу. Значит, вы — наши конкуренты.

— Следовательно, вы ничего не желаете знать про нас?

— Именно так.

Джибсон сказал это очень решительным тоном и бросил при этом на братьев почти враждебный взгляд.

Джим громко рассмеялся и воскликнул:

— Веселенькое дело! Вы отвергаете нас, как соперников. Да это же еще одно явное доказательство, что вы представления не имеете о Диком Западе. Не считаете ли вы, что алмазы в Аризоне рассыпаны прямо по земле? Стоит только нагнуться и поднять их. Уже золотоискатели должны были объединяться, если хотели добиться настоящего успеха, а для добытчиков алмазов союз еще более необходим. Одиночка там погибнет.

— Нас уже шестеро, и у нас достаточно денег, чтобы не погибнуть.

— Слушайте, не говорите об этом никому другому! Мы честные люди, которых вам нечего опасаться. Другие позаботились бы о том, чтобы вам не пришлось далеко везти свою кучу денег. Конечно, если вы считаете, что возвращение с пустыми карманами — высочайшее наслаждение, тогда, ради Бога, рассказывайте о своих деньгах дальше. Я — не против. Нам безразлично, захотите ли вы ехать с нами. Мы приглашаем вас составить нам компанию по меньшей мере до Хельмерс-Хоум. Вы могли бы не добраться сегодня до этого места, а, следовательно, вынуждены были бы ночевать под открытым небом. В подобном случае хорошо иметь рядом людей, привыкших к Дикому Западу.

— Когда вы туда отправитесь?

— Конечно, сейчас же.

— Я посоветуюсь со своими товарищами.

— Вообще-то говоря, это оскорбление для нас, независимо от того, сделано ли оно по недоверию или из профессиональной ревности. И все же вы можете собраться на свою тайную конференцию. Не будем вам мешать. Делайте, что хотите.

Джим медленно пошел к своему мулу и забрался в седло. То же самое проделал Тим. Потом братья неспешно поехали прочь по следам, уходившим на запад.

Шестерка горожан совещалась недолго. Они решили последовать за братьями. Когда охотники за алмазами настигли удалявшихся всадников, Джим повернулся к ним и спросил:

— Ну, о чем вы договорились?

— Мы едем с вами до Хельмерс-Хоум, но не дальше.

— Вы приняли хорошее решение. Ехать с такими осмотрительными людьми — просто удовольствие.

Он снова отвернулся, и с той минуты братья вели себя так, будто

никого рядом с ними не было.

Они пустили своих мулов галопом и притом держались в седлах подобно истинным жителям Дикого Запада: наклонившись вперед, расслабленно. Посторонний наблюдатель мог бы решить, что они совершенно непривычны к верховой езде. Шестеро других всадников, наоборот, старались держаться так, словно они находятся на уроке верховой езды в манеже.

— Посмотрите только на этих парней! — сказал Джибсон своим спутникам. — Да они же совсем не умеют держаться в седле. Это видно любому наезднику. И они еще хотят прослыть вестменами! Не могу в это поверить.

— Я тоже, — согласился один из его друзей. — Кто вот так держится в седле, ни за что не сможет меня убедить, что он жил на Диком Западе. Сцена с чтением следов, которую они разыграли перед нами, вне всякого сомнения, была обманом. Взгляните только на их лица с этими носами. Я никогда еще не видел более отталкивающих физиономий. Как можно доверять таким типам?

— О доверии не может быть и речи. А ехать с ними вместе до Аризоны? Что за глупцы мы были бы! Один из них буквально задрожал от жадности, когда я заговорил о наших деньгах. Он представлялся таким бесконечно честным только потому, что нас шестеро, а их всего двое. Нынешней ночью придется быть бдительным, чтобы они не ускакали поутру с нашими денежками, оставив наши трупы стынуть на месте ночлега. Все их поведение позволяет предположить, что они ни перед чем не остановятся.

— Совершенно верно! Когда начнет темнеть, мы отстанем. Ночью мы будем по очереди дежурить, чтобы они на нас не напали. Так-то будет лучше всего. С их стороны было просто дерзостью назвать нас желторотыми. Честь мужчин обязывает нас показать им, что мы не желаем иметь с подобными типами ничего общего.

Тем временем холмы, видневшиеся ранее на горизонте, подступали все ближе. Почва сделалась каменистой, и Джим с Тимом склонялись все ниже, потому что все труднее становилось различать следы. Внезапно Джим остановил своего мула, показал рукой вперед и сказал:

— Посмотри-ка туда, старина Тим! Что это за существа шевелятся там. Кто бы это мог быть?

Тим приставил руку козырьком к глазам, хотя солнце не могло их ослепить, потому что оно уже ушло за горизонт. Пристально посмотрев некоторое время в указанном направлении, он ответил:

— Это один человек стережет пять лошадей.

— Но к пяти лошадям, я думаю, полагается пять всадников, а так как виден только один, я очень хотел бы знать, куда подевались четверо остальных.

— Вряд ли они ушли далеко. Если мы проедем еще немного, то, возможно, увидим их. Расстояние пока еще велико, и человека отчетливо различить нельзя.

— Да. Стало быть, давай проедем еще немножко дальше. — И, пуская своего мула вперед, он добавил: — Раз лошадей именно пять, нам стоит подумать. Ты так не считаешь?

— Конечно, считаю! Если мои глаза меня не обманывают, это как раз та пятерка, которая преследовала индейцев. Значит, перед нами белые, один из которых был застрелен. А теперь мне стало казаться, что там и сям на земле я вижу, как копошатся какие-то фигурки. Посмотри-ка на те движущиеся точки!

«Точки» оказались четыремя достаточно удаленными друг от друга мужчинами, которые, выстроившись в линию, медленно передвигались в одном направлении.

— Вот та четверка, которой принадлежат лошади, — сказал Джим. — Они пытаются отыскать потерянные следы индейцев на каменистой почве. Судя по тому преимуществу во времени, которое у них было перед нами, бандиты уже довольно долго занимаются поисками. Это верный признак того, что они не очень-то хорошо читают следы. О, теперь они нас заметили. Видишь, они побежали к своим лошадям? Я был бы рад, если бы индейцам удалось уйти от них. Охотно сделаю все, что нужно, чтобы способствовать спасению беглецов.

— А как нам вести себя с ними?

— Хм! Бесспорно, они мерзавцы. Ради нашей собственной безопасности мы должны следить за ними, однако, мне кажется, не стоит слишком показывать это. Будет лучше, если мы не дадим бандитам повода заметить, что мы их раскрыли. Пока они не проявят признаков враждебности, мы можем держаться миролюбиво. Итак, вперед! Они ждут нас.

Теперь и шестеро горожан увидели конную группу, после чего сразу направились к братьям. Значит, в их обществе они чувствовали себя более уверенно, чем с кем-либо другим.

Пятеро незнакомцев стояли возле своих лошадей, держа в руках изготовленное к стрельбе оружие. Один из них повелительно крикнул подъезжающим, когда расстояние уменьшилось шагов до шестидесяти:

— Стойте, или мы будем стрелять!

Несмотря на этот приказ, Джим и Тим поехали дальше, но шестеро искателей приключений покорно остановились.

— Стойте, говорю я! — повторил обладатель командного голоса. — Еще один шаг, и вы получите пулю в лоб!

— К чему такие угрозы! — рассмеялся Джим. — Вы же не боитесь двух миролюбивых парней. Поберегите свои пули. У нас в стволах тоже кое-что есть.

Пятеро не стреляли — отчасти потому, что они и в самом деле блефовали, отчасти и потому, что спокойное поведение братьев, их уверенность произвели впечатление. Они позволили братьям приблизиться, но своих ружей не опустили.

Отдавший приказ был широкоплеч и коренаст. Густая окладистая черная борода обрамляла его лицо, закрывая и губы. По его выговору можно было предположить, что у него была заячья губа.

Когда братья остановились перед ним, он рассерженно сказал:

— Разве вы не знаете здешний, западный, обычай? Кого предупреждают, тот должен останавливаться, поняли? Благодарите нашу снисходительность за то, что вы еще живы.

— Не хвастай так, парень! — ответил Джим. — Кого вам благодарить за то, что вы сами еще живы? Обычай Дикого Запада мы знаем очень хорошо. Он гласит: немедленно пристрели всякого, кто наводит на тебя оружие! Вы подняли на нас свои стреляющие дрова, и мы вам только потому не ответили, что сразу же увидели: не те вы люди, от которых можно ожидать хорошего меткого выстрела. Ясное дело, ваши пули пролетели бы в миле от нас.

— Гром и молния! Тут вы сильно ошибаетесь. Позвольте вам сказать, что с расстояния в сотню шагов мы можем отделить мухе голову от туловища. Собственно говоря, с какой целью вы шляетесь в этих местах, что вам тут нужно?

— Об этом вы могли бы догадаться! Мы хотели посмотреть ближайшее солнечное затмение, которое будет видно лучше всего именно здесь.

Бородатый не знал, как ему воспринимать такой ответ, данный с самым серьезным видом. С недоверчивым выражением на лице он спросил:

— Когда же оно будет?

— Сегодня ночью, в двенадцать часов пять минут и одиннадцать секунд. Скажу вам, что наблюдать солнечное затмение в полночь — высочайшее наслаждение!

— Парень, ты хочешь одурачить нас? — вспыхнул бородач. — Мы из вас очень быстро выьем охоту шутить. Мы находимся здесь не для того, чтобы нас водили за нос. Для этого больше подходят ваши собственные нюхалки. Смотрите, как бы мы вас за них не схватили!

— О, — рассмеялся Джим, — это вы все-таки могли бы сделать. Мы не против. Только я должен вас предупредить: наши носы заряжены, как вы сами могли бы легко убедиться. При малейшем прикосновении они стреляют, и в этом отношении они очень опасны. Или вы еще ничего не слышали о нас — двух носатых, сэр?

— Носатых? Вы и есть эти двое носатых? — воскликнул бородач. — Тысяча чертей! Да, мы много слышали о вас. Джим и Тим, Тим и Джим — это парочка таких чертовски смешных молодчиков, что я давно стремился когда-нибудь встретиться с ними. Меня чрезвычайно радует, что теперь я вижу, что мое желание исполнилось. Говорят, ваши носы могут вытворять чудеснейшие обезьяньи штучки. Надеюсь, вы доставите нам удовольствие и дадите здесь представление. Вы найдете в нас внимательную и благодарную публику. Мы хорошо заплатим: по пять центов с каждого мужчины и по центу с каждой лошади.

— Над таким предложением стоит подумать! Такого приема в здешнем цирке мы вряд ли могли ожидать. Мы продемонстрируем свое умение, но только во время солнечного затмения. Стало быть, вам придется подождать до двенадцати ночи. Если вы не желаете так долго терпеть, то сделайте сами несколько сальто. Талант у вас к этому, безусловно, есть, потому что ваш вид позволяет предположить, что вы совсем недавно выскочили из обезьянника.

— Парень, ты слишком рискуешь! Сами мы, правда, охотно шутим, однако не позволяем смеяться над собой.

— Так, значит, вы относитесь к избалованным павианам. К сожалению, по вас этого не скажешь, а следовательно, вы меня, пожалуй, извините. Можно ли узнать, какие имена вы получили от своих почтенных родителей?

Эти слова были произнесены с таким располагающим дружелюбием, что бородач воздержался от очередной грубости и спокойно ответил:

— Меня зовут Стюарт, а имена моих спутников можно не называть. Вы же их наверняка не запомните, так как ваши головы, кажется, ничего не способны удержать в памяти. Откуда, собственно говоря, вы сюда прибыли?

— Из тех мест, что лежат позади нас.

— А куда направляетесь?

— В места, находящиеся перед нами.

— Так! Это очень остроумно сказано. Значит, в отношении ваших бедных голов я не ошибся. Как видно, вы направляетесь в Хельмерс-Хоум? — спросил Стюарт.

— Да, поскольку он к нам не идет. Вот и приходится добираться нам самим. Вы хотите поехать с нами?

— Большое спасибо! С нашей стороны было бы очень неосмотрительно ехать с вами, потому что глупость может быть заразной.

— Она только тогда заражает, когда к этому уже есть предрасположение, а я нисколько не сомневаюсь, что таковое у вас имеется. Мы еще издали увидели, как вы очень тщательно разглядывали почву. Что вы искали? Может быть, тут рассыпаны стодолларовые купюры?

— Нет. Мы искали осла, а нашли сразу двух в вашем лице, потому что только осел может задавать подобные вопросы. Разве вы не обратили внимание на следы, все время убегавшие впереди ваших носов?

— Какое нам дело до этих следов! Возможно, их оставили люди, ехавшие в Хельмерс-Хоум, но мы это знаменитое место найдем и сами.

— Вы проезжали мимо трупа?

— Да.

— Что вы об этом думаете?

— Сразу заметно, что человек мертв. А то, что мертво, к нам не имеет отношения. Если люди ломают себе шеи, пусть они продолжают этим заниматься. Нас это не касается.

Стюарт бросил долгий, испытующий взгляд на Джима и Тима. Он, казалось, не очень-то поверил их словам. Носатые были известны как дельные вестмены. Могли ли они на самом деле проехать мимо мертвеца, тщательно не осмотрев его, не сделав для себя никаких выводов? Не заметив ни малейшего следа скрытого подозрения на их лицах, он сказал:

— И мы видели мертвых мужчину и его лошадь. Было бы жалко оставлять гнить седло и сбрую. Поэтому мы сняли то и другое. Вы ведь не посчитаете это кражей?

— Нам это и в голову не придет! Если бы мы проехали там раньше вас, то сделали бы то же самое.

— Совершенно справедливо. Потом мы направились по лошадиным следам, хотя они вели совсем не туда, куда нам было нужно ехать. И вот в этом месте мы потеряли след и до сих пор не можем его отыскать.

— Это меня удивляет. Вестмен должен уметь находить потерянный след!

— Это, конечно, верно. Если бы эта каменистая площадка не была

такой большой, можно было бы объехать вокруг нее, и след нашелся бы на более податливой почве; но эта местность простирается отсюда на целые часы конной езды к югу, западу и северу. Поиски потребуют много часов, а времени до темноты осталось очень мало. Поэтому мы решили прекратить розыск следов и ехать старым своим путем.

— А куда вы едете?

— Вниз, в Форт-Чэдберн.

— Это на окраине Льяно. Вы что — хотите пересечь пустыню?

— Да, мы хотели бы попасть в Эль-Пасо, а потом еще дальше, в Аризону.

— Хотите найти алмазы?

— Ну, нет. От этой лихорадки мы уберемся. Мы честные и скромные фермеры. У нас там родственники, которые купили для нас хорошие участки. Мы будем осваивать эти земли, а драгоценные камни пусть ищут другие. Пусть ферма приносит небольшой, но зато верный доход.

— Каждому — свое! Так вы всего лишь фермеры. Тогда меня не удивляет, почему вы не отыскивали следы. Дельный скаут⁵³ не стал бы долго с этим возиться.

— Но вы-то известны именно как скауты. Так поищите следы! Любопытно посмотреть, удастся ли вам найти их.

Стюарт сказал это с насмешкой в голосе, но Джим спокойно ответил:

— Мы легко могли бы это сделать, хотя нас эти следы совершенно не интересуют. Вы должны только получить доказательство, что мы всегда находим то, что ищем.

Он спешил, и Тим сделал то же. Оба носатых стали ходить широкими кругами возле того места, где только что шел разговор. Тихим свистом они подозвали мулов, следовавших за своими хозяевами подобно собакам. Братья слишком мало доверяли случайному обществу, чтобы оставить на его попечение своих животных.

Шестерка горожан уже давно молча прислушивалась к разговору. Теперь, после того как носатые удалились, Стюарт спросил у них:

— Вы приехали с этими носатыми, но, кажется, не водите с ними компании? Не добавите ли нам что-нибудь к их рассказу?

— Охотно, — ответил Джибсон. — Мы встретились с ними у обезображенного трупа, где, пообщавшись и поговорив, мы завязали с ними дружеские отношения.

— Это вы правильно сделали. Вообще-то носатые не пользуются хорошей репутацией, но я бы поостерегся сказать им это в лицо. Нас

предупреждали, что они опасны. Видимо, они помогают бандитам, нападающим на путешественников в Льяно. Совсем недавно недалеко отсюда какая-то банда ограбила и убила четыре семьи. Раз здесь появились носатые, можно с полным основанием предположить, что они участвовали в этом ограблении, а теперь ищут новые жертвы. Но с нами у них ничего не выйдет!

— Так я и думал! С первого мгновения я им не поверил. Они пытались уговорить нас ехать с ними.

— Куда?

— В Хельмерс-Хоум, а потом через Льяно в Аризону.

— Нужно отказаться от этого, сэр! Вы бы не доехали. В Аризону вы едете искать алмазы?

— Нет, не искать. Мы хотим их скупать.

Стюарт бросил на своих спутников быстрый многозначительный взгляд, а потом равнодушно заметил:

— Больших успехов вы там не добьетесь, сэр. У скупщиков алмазов должно быть очень много денег.

— Конечно, и такие деньги у нас имеются.

— Но связь Аризоны с Фриско ненадежна. Естественно, я предполагаю, что деньги вам вышлют из Фриско. Но может случиться так, что денег не окажется как раз тогда, когда они больше всего будут необходимы. Нам также придется заплатить значительные суммы за купленные земли, но вместо того, чтобы ждать перевод из Фриско, мы предпочли взять деньги с собой. Это гораздо надежнее.

— Ну, не одни вы такие сообразительные. И мы везем деньги с собой.

— Это очень разумно. Конечно, деньги надо хорошенько спрятать, поскольку не знаешь, что случится в дороге. Мы, например, зашили их в одежде. Пусть-ка отыщут их там бродяги из Льяно! Я, как уже сказано, не доверяю этим носатым. Они знают, куда мы направляемся, и поторопятся сообщить об этом своим дружкам, а те подкараулят нас. Но мы достаточно умны и не поедем сразу в Форт-Чэдберн. Мы выберем совсем другой путь. Советую вам сделать то же и довериться порядочному и осмотрительному проводнику.

— Мы уже сделали это. Он ждет нас в Хельмерс-Хоум.

— Кто же он?

— Его зовут Плутиска Фред.

— Плутиска Фред? — воскликнул Стюарт с хорошо наигранным ужасом. — Вы что, сэр, спятили?

— Почему спятили?

— Потому что этот человек — известный мошенник. Уже одно его прозвище должно было вам показаться подозрительным. Он занимается всякого рода махинациями и повсюду слывет шулером. Я бы поклялся в том, что он в сговоре с обоими носатыми.

— Вы утверждаете это, даже не повидав его.

— И вы ему верите? Сэр, не обижайтесь на меня, но признаков большой мудрости у вас не заметно! Конечно, носатые отрекутся от него; но он находится сейчас в Хельмерс-Хоум, а носатые тоже направляются туда. Разве не ясно, что они хотят там встретиться? Потом вы уедете вместе с ними, а в Льяно-Эстакадо вас укокошат. Конечно, нам до вас нет дела, но, несмотря на это, я, как честный человек, намерен выполнить свой долг и предупредить вас.

Он сказал это все так искренне и беззаботно, что Джибсон позволил себя обмануть. Он смущенно покачал головой и сказал:

— Нам это крайне неприятно. Мы благодарны вам за предупреждение и хотели бы также поверить, что оно справедливо; однако мы не можем обойтись без проводника. Где же нам взять другого, надежного?

— Это, конечно, плохо, но я вообще не понимаю, зачем вам нужен этот Хельмерс-Хоум. Осмотрительный человек не построит свою ферму так близко к опасному Льяно! Меня это наводит на мысль, что пресловутый Хельмерс связан с бандитами, из-за которых Льяно стало небезопасным! Он содержит лавку и скупает у бандитов награбленное, а они в обмен получают все необходимое. Это же само собой разумеется. Ни одному человеку я не рекомендовал бы посетить этот дом, который зовется так задушевно и соблазнительно: Хельмерс-Хоум. За этой красивой вывеской скрываются лица целой банды убийц.

— Черт побери, сэр! Вы на многое раскрыли нам глаза. Нам не остается ничего иного, как повернуть обратно и поискать какого-нибудь другого проводника, потому что этого Плутишку Фреда мы больше не хотим знать. Может быть, вы что-то нам посоветуете?

— Нам проводник не нужен, потому что двое моих спутников очень хорошо знают Льяно. На них мы можем положиться.

— Хорошо! А не могли бы мы поехать с вами?

— Это возможно, но замечу, что вы опять поступаете необдуманно. Вы же нас совершенно не знаете.

— О! Да один ваш вид убеждает в честности ваших намерений, хотя носатые хотели нам внушить, что вы разбойники.

— Они так говорили?

— Да.

— Почему же?

— Они очень тщательно изучили место, на котором лежал труп. Они сказали, что вы преследовали двух индейцев. Один из них был убит. Потом другой застрелил вашего товарища, и вы изуродовали его лицо до неузнаваемости.

— Тысяча чертей! Они это говорили? — смущенно спросил Стюарт. — А нас они убеждали, что не интересовались мертвецом. Вот вам и доказательство, что этим лжецам нельзя верить! Так скрытно и коварно не ведет себя ни один порядочный человек. Мы совершенно случайно проезжали мимо этого места. За то, что мы взяли седло и сбрую, нас никто не может упрекнуть. Таков закон прерий. Потом вы увидели, как мы здесь искали следы. Но это же делалось только из предусмотрительности. Разве мы поступали бы так, если бы были убийцами?

— Нет, конечно же, нет! Вам не надо утруждать себя оправданиями. Мы видим, что вы честные люди, и прониклись к вам полным доверием. Итак, скажите, можно ли нам поехать с вами?

— Хм! — задумчиво буркнул и пожал плечами Стюарт. — Хочу быть откровенным. Мы столь же мало знаем вас, как и вы нас. Здесь, на Диком Западе, не рекомендуется так быстро, без предварительного знакомства, заводить дружбу с людьми. Нас радует, что вы нам доверяете, однако все же лучше будет, если мы останемся сами по себе, а вы выберете свой путь. Даже по этому ответу вы можете понять, что мы не грабители, как уверяли носатые. Если бы мы действительно были мошенниками, то мы обрадовались бы и взяли вас с собой, чтобы похитить ваши деньги. Но вы легко можете снова попасть в руки какого-нибудь негодяя, и я хочу дать вам один хороший совет. Мы как раз повстречались с большой компанией путешественников, желающих пересечь Льяно, чтобы купить недвижимость на той стороне. В большинстве своем это немцы из Богемии и Гессена⁵⁴. Они расстались с нами вчера, а сегодня вечером намеревались стать лагерем недалеко отсюда, потому что завтра утром к ним должен прибыть проводник. Это известнейший и надежнейший знаток Льяно, скромный и очень набожный человек по имени Тобайас Прайзеготт Бартон. Присоединяйтесь к этим переселенцам, и вы будете в безопасности. Там так много вооруженных людей, что никто не решится на них напасть.

— Вы полагаете? Хм! Очень хорошо! Но как мы найдем их?

— Очень легко. Если вы отсюда направитесь прямо на юг и немножко подстегнете своих лошадей, то примерно через полчаса вы увидите перед собой одинокую вершину округлой формы, у подножия которой бежит ручеек, исчезающий на востоке, в маленькой долине, в отложенных им же

песках. У этого ручейка и расположились переселенцы. Даже если стемнеет, вы не проедете мимо, так как лагерные огни должны быть видны издали. Если вы последуете моему совету, я уже вижу вас в окружении надежных, порядочных людей.

— Благодарю вас, сэр! Вы помогаете нам выпутаться из очень затруднительного положения. Мы, конечно, отправимся в путь немедленно, чтобы присоединиться к этим немцам. Мы поедем к месту их стоянки.

— Что я должен сказать носатым, если они спросят, куда вы уехали?

— Скажите любое, что придет вам в голову!

— Хорошо! Но должен вас предупредить, что вы должны обмануть их в выборе направления вашего пути. Если вы не сделаете этого, они последуют за вами, и вы попадете к ним прямо в руки. Итак, для видимости отступите немного назад, чтобы сбить их с толку, и только потом поверните на юг. Если они меня спросят, почему вы вернулись, я уж найду ответ, который их удовлетворит.

Так и сделали. Обе группы так тепло расстались, словно они были старыми друзьями. Шестерка горожан поскакала в обратном направлении, по собственным следам, не удостоив носатых ни словом, ни взглядом. Когда они были уже достаточно далеко, чтобы не слышать слов Стюарта, тот с презрительной усмешкой обернулся к своим спутникам:

— Хорошенькие я им дал советы? Они наверняка попадут к нам в руки. Скупать алмазы! Да для этого надо иметь по меньшей мере пятьдесят тысяч долларов. Очень приличная сумма, если положить ее к себе в карман! А что вы скажете об этих носатых?

— Мерзавцы! — ответил кто-то.

— Да. А какие ханжеские были у них лица! Они вели себя так, словно не умеют сосчитать до трех, а между тем обо всем догадались. Как говорится, смекалистые парни. Они удивительно точно прочли всю эту историю по следам. Они даже знают, что индейцев было двое и что именно мы сделали нашего товарища неузнаваемым. Их проницательность очень опасна для нас. Мы должны их убить.

— Но как, когда и где? На это у нас не остается времени. Нам же надо ехать, чтобы переставить столбы и сбить людей с дороги в Льяно-Эстакадо.

— Да, изрядным запасом времени мы не располагаем. Если теперь мы позволим этим двоим уйти, то упустим последнюю возможность. В Хельмерс-Хоум они встретят Плутишку Фреда, а, может быть, и этого вечно недостижимого Кровавого Лиса, самого главного и самого опасного из наших противников. Собравшись вместе, эта четверка в состоянии, пожалуй, в самый последний момент украсть лакомый кусок, на который

мы рассчитываем.

— Давай попросту пристрелим носатых братьев!

— Конечно, это было бы самым лучшим, но...

— Что «но»? — спросил другой бандит. — По-моему, ничего лучшего мы придумать не сможем. Нас пятеро, а их только двое. Что они могут против нас? Они лягут от наших пуль, не успев наставить на нас свои ружья.

— Ты думаешь? Ну-ка посмотри на них и попробуй в них выстрелить! Мне очень интересно, как ты справишься с этим.

Стюарт показал на братьев, которые, по всей видимости, все еще прилежно искали следы, нимало не интересуясь опасной шайкой. Отъезд шестерки тоже вроде бы нисколько не привлек их внимания.

— Черт возьми! — выругался парень. — Ты прав. Я только теперь заметил, как хитро поступили эти негодяи, чтобы мы в них не попали.

— Да, они так точно удерживают своих животных между собой и нами, что мы, выстрелив, смогли бы попасть только в скотину. Они ходят по кругу. И разве ты не видишь, что правую руку они все время держат на спуске? Достаточно только одному из нас прицелиться в них, он сразу же падет от их пуль. Они оказались чертовски хитрыми парнями. В их мулах тоже сидит целая сотня чертей. Животные словно понимают свою задачу — прикрывать людей. Они ни на шаг не отстают от своих хозяев и ни на мгновение не теряют окружающих из поля своего зрения.

Все было именно так, как говорил Стюарт; бандитам нельзя было стрелять. И теперь, когда носатые прекратили свои поиски, они, медленно приближаясь, все еще держали свои ружья так, чтобы в случае нужды мгновенно выстрелить. Мулы следовали за ними, как будто выдрессированные, что, пожалуй, так и было.

— Что я вижу? Искатели приключений уехали! — удивился Джим, как будто только теперь заметив исчезновение шестерки.

— Да, — ответил Стюарт. — Оглянитесь, их еще видно.

— Куда же?

— Назад, как видите.

— Конечно, вижу. Но они же хотели ехать с нами до Хельмерс-Хоум! Почему они повернули назад?

— Потому что глупые или неопытные. В их неосторожность просто нельзя поверить: подумайте только, они потеряли деньги.

— А! У них были деньги?

— Да! Один из них сунул кошелек с банкнотами в седельную сумку. Пока они вас ждали, он заметил, что шов этой сумки разошелся и кошелек

выпал. Это, естественно, вызвало панику среди них. Они мгновенно повернули назад, даже не поговорив с вами. На скаку они крикнули нам, чтобы мы вам передали: завтра к вечеру, самое позднее — послезавтра утром, они придут в Хельмерс-Хоум и сразу же после этого намерены отправиться с Плутишкой Фредом в Льяно.

— Прекрасно! Не будем ломать себе голову над истинной причиной их исчезновения.

— Вы считаете, что они нас обманули?

— Не они вас, а вы нас. У меня нет желания верить в потерянный кошелек. Наши носы достаточно длинны, и не надо нас еще водить за них. Я убежден, что они выберут другое направление, как только скроются из наших глаз.

— Мастер, вы опять стали оскорблять?

— О нет. Я высказал вам только свои соображения, а они никогда не могут оскорблять. Впрочем, я хочу дать вам хороший совет, мастер Стюарт. Если вы снова станете кого-нибудь поучать, о чем не должны знать другие, не фехтуйте так руками, потому что жестикуляция в иных обстоятельствах может быть столь же понятной, как и слова.

— Я и в самом деле жестикулировал?

— И даже очень.

— А я и не замечал этого.

— Вы так махали руками, что я боялся даже, как бы они не отлетели.

— Ну, до такой беды не дошло бы. Впрочем, вы могли наблюдать за моими движениями. Каждый мог слышать все, о чем мы говорили. В этом не было никакой тайны. Мы беседовали о потерянных следах.

— Ах, вот что! Значит, вы считаете, что следы отыщутся там, на юге?

— На юге? Как это вам пришло в голову?

— Эта мысль мне пришла на ум, когда я смотрел на ваши руки, двигавшиеся словно крылья ветряной мельницы.левой рукой вы показывали на юг, а правой при этом делали такие движения, словно хотели показать очертания горы. Потом вы опять отвели руку прямо от себя, что означало, естественно, равнину. Еще позже вы показали назад, на восток, а оттуда — снова на юг. Все это было настолько ясно, что я вам могу даже рассказать, куда они поехали.

— Сделайте милость!

— Весьма охотно! Шестерка поехала на восток, а сейчас, когда я уже не могу разглядеть всадников, они наверняка повернули к югу. Там, справа отсюда, есть гора, к которой примыкает довольно ровная местность. К этой горе и должны подъехать парни. Так как со здешними местами они

незнакомы, а вы их туда направили, несмотря на наступающую темноту, то эта равнина не должна быть слишком далеко. Я знаю там, внизу, одну маленькую песчаную площадку, куда с горы стекает ручей, который теряется в песках. Туда можно было бы доехать за три четверти часа, и мне очень хочется разбить там на ночь свой лагерь.

При этих словах он твердо посмотрел Стюарту в лицо. Тот не смог полностью овладеть собой: было заметно, что Стюарт испугался.

— Делайте, что хотите, мастер, — грубо закричал он, — но не рассказывайте нам сказки. Нам совершенно наплевать, где вы захотите выпасться. Вы поступаете так, словно считаете себя всезнайкой. Скажите-ка нам лучше, нашли ли вы следы?

— Конечно, нашли.

— Где?

— Пойдемте с нами! Я их вам покажу. Еще достаточно светло, чтобы можно было различить следы.

— Так идите вперед!

— Это я сделаю. Но Тим, мой брат, пойдет позади всех.

— Это еще зачем?

— Чтобы проследить, не придет ли вашему ружью мыслишка сделать глупость. Итак, следите за своими стреляющими дровами! Если им захочется выстрелить, пуля Тима сразу же, и наверняка, найдет обладателя ружья.

— Мастер! Слишком уж вы дерзки!

— О нет. Предупреждая, я думаю только о добрых отношениях с вами. Ну, пошли!

Он двинулся первым, другие последовали за ним, а шествие замыкал Тим, держа в руках изготовленное к стрельбе ружье и зорко следя за каждым движением пятерки.

Вскоре Джим остановился, показал на землю и спросил:

— Мастер Стюарт, что вы здесь видите?

Разбойник наклонился, чтобы рассмотреть указанное место, и ответил:

— Здесь, на скале, лежал камушек, раздробленный копытом лошади.

— Могло ли раздробить такой камушек подкованное копыто?

— Нет. Эта лошадь была неподкованной.

— Значит, индейская лошадь. Пошли дальше!

Они нашли еще много таких раздавленных камушков.

— Это, конечно, след, — сказал Джим. — Прямая линия между этими осколками указывает на запад. Туда и поскакал индеец.

— Индеец? Откуда вы знаете, что это был индеец? — язвительно

спросил Стюарт.

— Хо-о! — ответил Джим. — Простоватые искатели алмазов наверняка проболтались, что я вас раскусил. Значит, нам не надо больше ломать комедию. Вы — грифы Льяно, а мы честные охотники, которых вам трудно обмануть и с которыми вам не удастся справиться. Я не хочу спрашивать, каким образом вы добились полного доверия наивных горожан. Но, несомненно, вы их просто обманули. Нам безразлично, что вы с ними сделаете. Мы не погонимся за ними на юг, чтобы еще раз их предупредить. Кажется, они задались единственной целью — попасть в Льяно и там дать себя убить. И нам не придется в голову лишать их этого удовольствия. Мы выполнили свой долг и теперь должны заботиться о самих себе. Здесь, в этом месте, ваша дорога скрестилась с нашей. Вы уедете раньше нас, и притом немедленно! Скачите за своим индейцем, но поостерегитесь направлять ружейное дуло на нас! Мы отлично умеем управляться с такими типами, как вы. Дула наших ружей пока глядят вверх, но еще только одно резкое слово с вашей стороны или подозрительное движение — и мы стреляем! Повернитесь, повесьте ружья на луки седел — и на коней! Будьте здоровы и старайтесь больше не попадаться нам на глаза!

Он стал возле Тима, и оба вскинули свои ружья.

— Мастер Джим! — в крайней ярости выкрикнул Стюарт. — Вы не имеете права нас оскорблять. Мы...

— Мошенники вы! — прервал его Тим. — Я говорю вам: тому, кто скажет еще хотя бы одно слово, я немедленно всажу в голову пулю! У нас в стволах четыре заряда, а вас пятеро; последнего мы добьем прикладами. Если через минуту вы еще будете здесь, вам придет конец!

Это было сказано тоном, не оставлявшим никакого сомнения в том, что братья настроены серьезно и будут стрелять. Пятеро разбойников поняли, что каждый из них при малейшем движении, хоть отдаленно похожем на сопротивление, может стать трупом. Еле владея собой от бешенства, они вынуждены были повернуться, повесить ружья на луки седел, сесть на лошадей и, не говоря ни слова, удалиться. Один из них прицепил позади себя трофейные сбрую и седло.

Только преодолев быстрым аллюром приличное расстояние, они пустили лошадей шагом и обернулись. Они увидели, что Джим и Тим все еще стоят на том же месте, однако уже опустили ружья.

— Чтoб вы сдохли! — выругался Стюарт. — Ничего подобного со мной еще не случалось! Могут ли пятеро крепких мужчин, не боящихся самого черта, удирать от двух таких задрипанных длинноносых обезьян?

Но даю голову на отсечение, что эти носатые действительно выстрелили бы в нас при одном-единственном слове. Вы так не думаете?

Все его спутники с ним согласились.

— Действительно, они выглядят всезнающими. Даже по движениям моей руки мошенники угадали суть разговора! Если бы только знать, что они будут теперь делать.

— Об этом легко догадаться, — сказал один из бандитов.

— Ну, и что ты думаешь?

— Они попытаются снова догнать тех парней, чтобы еще раз их предупредить о грозящей опасности.

— В этом я сомневаюсь. Их предупреждение однажды уже пустили по ветру, а носатые не те парни, которые дважды напрашиваются на помощь и совет. Поэтому нам надо действовать. Мы повернем на юг. Как только мы увидим костер переселенцев, остановимся и расставим посты, линию которых может миновать только наш набожный Прайзеготт Бартон. Естественно, переселенцы не должны догадываться о нашем присутствии. Если приедут носатые — на что я не рассчитываю, — мы их просто пристрелим. Индейца мы, разумеется, теперь вынуждены отпустить, хотя я бы охотно отнял у него лошадь. В нашем братстве она стоит триста долларов, а может быть, и еще больше.

— Собственно говоря, из-за двух лошадей бессмысленно было связываться с краснокожими. Одна теперь убита, да и другой у нас все равно нет. Зато за нами пойдут носатые. Они переночуют где-то поблизости, а рано утром, как только рассветет, пойдут по нашему следу. Они встретятся с переселенцами и загубят все наше так великолепно задуманное дело.

— Нет, так они не поступят. Горожане оскорбили их, и носатые больше не станут о них беспокоиться. Во всяком случае, они отправятся в Хельмерс-Хоум, где расскажут о своей встрече с нами. К сожалению, мы не узнаем, к какому решению они придут. Нам не остается ничего другого, как уговорить Бартона выступить с первыми лучами солнца и сделать очень приличный дневной переход, чтобы возможно быстрее увести переселенцев подальше отсюда. Мы, естественно, исчезнем еще раньше.

Они проехали еще немного на запад, а потом повернули на юг.

Джим и Тим отложили свои ружья не раньше, чем всадники оказались на пределах досягаемости их пуль. Тогда Джим растянул рот как можно шире, довольно рассмеялся и сказал:

— Ну, старина Тим, как тебе это понравилось?

— Так же, как и тебе, — ответил его брат с точно таким же довольным

лицом.

— Разве общение с этой шайкой не доставило тебе высочайшего из наслаждений?

— Самое высочайшее! Если такие парни вынуждены удирать от двух скромных охотников, словно пуделя, упавшие в ведро с молоком, этому можно только порадоваться. А точно ли дело шло о нашей жизни?

— Совершенно точно! Это видно было по их взглядам и движениям. Ты же не веришь, что искатели алмазов потеряли свои деньги?

— Такое мне и в голову не пришло. Они уехали туда, на юг. Почему и зачем — это нас больше совершенно не касается. Мы их предупреждали, и наша совесть теперь чиста. Они считают себя чрезвычайно умными и мудрыми. Этот Джибсон даже изучал юриспруденцию. Я не понимаю, зачем мы должны буквально навязывать им нашу помощь. Если они в своей наивной слепоте мчатся прямо на стенку головой, то мы могли бы посмотреть, как они с этой стенкой справятся без нашей помощи. Но я думаю, что в нашей помощи нуждается больше бедный индеец, и он заслужил ее своим мужеством.

— Конечно. Значит, поищем его?

— Да. Мы знаем, в каком направлении он на самом деле поскакал — направо, в окрестности старого серебряного рудника. Фокусы с двумя камушками, которые мы сами растерли, служили только для того, чтобы ввести в заблуждение этих мошенников. Я отчетливо видел капли крови и был бы очень удивлен, если бы мы не нашли индейца на руднике.

Они покинули место недавних событий, каждый вел мула за собою. Братья не садились в седло, чтобы иметь возможность тщательно рассматривать почву; теперь это стало куда труднее, потому что быстро темнело.

Пройдя немного, они увидели на земле маленький предмет: это была красная, тщательно выделанная головка от калюме⁵⁵. Джим поднял ее, сунул себе в карман и удовлетворенно сказал:

— Мы на верном пути. Эта голова отвалилась от трубки и незаметно выпала. Скоро мы узнаем, кому принадлежит эта трубка — раненому старику или молодому индейцу.

— Наверняка старику. Молодой человек вряд ли уже побывал в Миннесоте⁵⁶, чтобы достать себе в священных каменоломнях глину для своей трубки.

— А вдруг он захватил трубку как добычу? Он мог просто взять ее на время, но только не мог получить в наследство.

— Разве индеец когда-нибудь наследует трубку? Ее же всегда хоронят вместе с владельцем.

— Есть племена, у которых это, к сожалению, соблюдается не так строго. Благостное влияние добросердечных бледнолицых проявляется и здесь. Вообще-то, судя по тотемному⁵⁷ знаку, вырезанному на головке, трубка принадлежала команчу, и притом вождю. Хорошо, что мы знаем их язык. Мы сможем окликнуть их, иначе бы нам пришлось опасаться приветствия пульей, а это совсем не высочайшее из наслаждений.

Путь теперь пошел в гору. Слева от братьев был горный склон, а справа — скальная осыпь. В пространство между ними едва-едва мог протиснуться человек, и с еще большим трудом — верховое животное. Они шли по единственно возможной тропе и, таким образом, могли с определенной долей уверенности полагать, что индейцы тоже проследовали здесь.

Потом братья остановились перед высокой осыпью из отработанной породы. Это был щебень, выбранный из шахты и набросанный перед нею. Как высок был этот отвал, понять было нельзя, так как уже стало темно.

Братья слезли с лошадей и привязали их за два тяжелых камня. Потом они стали медленно взбираться по отвалу. При этом они не пытались идти бесшумно — напротив, нарочно шли так, чтобы был слышен хруст щебня под их ногами. Но после каждого шага они останавливались и прислушивались. Им надо было узнать, есть ли кто-нибудь наверху, кто должен был окликнуть их, прежде чем применить свое оружие.

Во время одной такой паузы они услышали шум камешка, скатившегося сверху.

— Слушай! — прошептал Джим. — Значит, мы верно предположили, что наверху могут быть индейцы. Они начеку. Раненый, если он вообще еще жив, лежит где-то в штольне, а молодой индеец несет вахту снаружи. Окликни его, Тим!

Тим выполнил это указание, крикнув вверх внятно, но не слишком громко:

— Tuguoil, omi gay nina; tau umi tsah!⁵⁸

Теперь они ждали ответа. Прошло немного времени, потом они услышали вопрос:

— Naki bit?⁵⁹

Прозвучало только три коротких слога, но их было достаточно, чтобы понять, кто стоит наверху, потому что оба слова были взяты из языка, которым пользовались свободно бродящие команчи в переговорах со

своими бывшими врагами, а теперешними союзниками — кайова⁶⁰.

— Gia ati masslok akona⁶¹, — ответил Тим.

— Bite uma upe!⁶² — после некоторого раздумья раздалось сверху.

Они поднялись выше. Достигнув верхушки отвала, они увидели, несмотря на темноту, неподвижную фигуру. Незнакомец стоял, выпрямившись, держа ружье на изготовку.

— Naha o nu neshuano!⁶³

Братья увидели, что это был действительно, как они и предполагали, молодой индеец. Тим успокоил его:

— Моему юному краснокожему брату не надо стрелять. Мы пришли ему помочь.

— Мои белые братья одни?

— Да.

— Вы шли по следам моей лошади?

— Мы случайно оказались на месте схватки и прочитали по следам о том, что произошло. Мы шли по следам, твоим и твоих врагов, чтобы защитить вас от дурных белых людей. Вы — храбрые краснокожие воины, а они — трусливые бандиты, постыдно бежавшие от нас, хотя их было больше.

— Мой брат говорит правду?

— Я не лгу. В знак того, что мы пришли как твои друзья, мы положим свое оружие перед тобой, а потом ты сам можешь решить — забрать нам его назад или нет.

Братья положили ножи и ружья. Индеец, все еще державший ружье наведенным на них, сказал:

— У бледнолицых мед на губах, но в сердце — злоба. Они кладут оружие, чтобы пробудить доверие, а потом придут еще трое ваших товарищей и принесут сюда смерть.

— Ты считаешь, что мы из тех бандитов, что тебя преследовали? Однако ты ошибаешься.

— Так скажите мне, где находится эта шайка? Вы должны это знать, потому что шли по их следам.

— Мы нашли их в тот момент, когда они внизу искали на камнях твой след, который они потеряли. Мы сначала заговорили по-дружески, чтобы сбить их с толку. Они не могли отыскать следы. Но мы-то сразу обнаружили капли крови, стекавшие из раны твоего спутника. Однако, не сказав об этом ни слова, мы сделали ложный след, по которому вся пятерка поскакала на запад. На прощанье сказали им, что считаем их разбойниками

и убийцами, и направили свои ружья прямо на них, как теперь ты направил свое ружье на нас. Тогда они позорно бежали.

— Почему же вы их не убили?

— Потому что они нам ничего не сделали. Мы стреляем только тогда, когда вынуждены защищать свою жизнь.

— В ваших словах я чувствую доброту. Мое сердце приказывает доверять вам, но другой голос призывает меня быть осторожным.

— Не следуй этому голосу, доверься своему сердцу! Мы хорошо к тебе относимся. Спроси себя сам, зачем бы нам за тобой идти. Ты ничего нам не сделал, следовательно, мы не хотим причинить тебе зло. Мы знаем, что тебя преследовали. По следам было видно, что твой спутник ранен, поэтому мы пошли за тобой, намереваясь предложить помощь. Если у тебя это вызывает подозрение, мы сейчас же уйдем, потому что не привыкли кому-либо навязываться.

Прошло немного времени, прежде чем братья дождались ответа. Казалось, индеец раздумывал. Потом он сказал:

— Мне не нужна ваша помощь. Можете уходить.

— Хорошо. Тогда мы тебя покинем. Остается только пожелать, чтобы ты потом не раскаялся.

Они снова взяли свое оружие и принялись опускаться с отвала. Они не успели отойти далеко, когда Тим остановился и тихо спросил:

— Ты ничего не слышишь, старина Джим? Мне показалось, как будто наверху, справа от нас, скатился камушек.

— Я ничего не слышал.

— Там кто-то крадется! Мы должны быть осторожными.

Братья продолжали спускаться. Когда они достигли подножия отвала, прямо перед ними с земли поднялась темная фигура.

— Стой, парень! — крикнул Джим, наводя ружье. — Ни шага, а то стреляю!

— Почему бледнолицый хочет стрелять? Ведь я же пришел с дружеским намерением, — послышалось возражение.

Джим узнал голос молодого индейца, с которым только что разговаривал.

— А, это ты? — спросил Джим. — Ты спускался вместе с нами? Так это тебя слышал Тим! Из-под твоей ноги упал камень. Что тебе здесь надо?

— Я хотел посмотреть, насколько правдивы слова белых людей. Если бы вы были врагами, то не оставили бы меня. Но вы исполнили мое пожелание, ничего не предприняв против меня, значит, вы выдержали испытание. Вы не принадлежите к моим преследователям, и я прошу вас

пойти со мной, чтобы посмотреть Тевуа-шое, моего отца.

— Здесь находится Тевуа-шое, Огненная Звезда, знаменитый вождь команчей? — удивленно спросил Тим.

— Да, он здесь. Он мертв. Я Шибба-бикк, Железное Сердце, его младший сын, пролью его кровь над убийцами. Бледнолицые могут пойти за мной.

И он опять полез наверх по отвалу. Белые карабкались за ним.

Взобравшись, индеец подошел к скальной стене и протиснулся в расщелину, знакомую и братьям, которые были здесь уже не в первый раз. Это был вход в старый, заброшенный серебряный рудник.

Их встретил слабый странноватый запах. Пройдя шагов тридцать от входа, они увидели небольшой костер. Охапка старательно собранных сучьев лежала возле огня. Пламя должно было только освещать мертвеца, поднятого в сидячее положение и опиравшегося спиной о скалу.

Железное Сердце положил свое ружье и сел напротив мертвеца. Он кинул ветку в огонь, согнул ноги и положил на колени подбородок. В таком положении он безмолвно глядел на труп.

Оба белых, не проронив ни слова, сели рядом. Они отлично знали индейский обычай, запрещавший оскорблять сыновнюю боль словами. Лица обоих индейцев не были размалеваны — верный знак того, что они поехали в путь не с враждебными намерениями. Вождь команчей был красивым мужчиной, что вообще отличает всех команчей. Его лицо, даже у мертвого, блестело подобно светлой бронзе. Глаза его были закрыты, а губы плотно сжаты, потому что смерть вождя была мучительной. Нижняя часть охотничьей рубашки была распахнута, так что виднелось обнаженное тело в том месте, куда вошла вражеская пуля. Сведенные судорогой руки лежали на бедрах — еще одно доказательство болей, перенесенных вождем в последние мгновения жизни.

Джим и Тим сидели очень тихо, словно боялись даже малейшим шорохом нарушить покой убитого.

Прошло немало времени, прежде чем Шибба-бикк поднял голову, взглянул на братьев и сказал:

— Вы слышали об Огненной Звезде, вожде команчей? Тогда вы знаете, что он был храбрым воином.

— Да, — ответил Джим. — Мы узнали вождя сразу же, как только его увидели. Мы познакомились с ним на Рио-Боско, где он помог нам отбиться от толпы пауни⁶⁴.

— Тогда вы знаете, что в Стране Вечной Охоты он будет повелевать

многими воинами. Но Маниту⁶⁵ призвал его не в битве. Вождь команчей был злодейски убит.

— Теми, кто вас преследовал?

— Да.

— Как это случилось и как вы потом попали сюда?

— Мы углубились в страну бледнолицых. Воины команчей закопали свои топоры войны и жили последнее время в мире с белыми. Мы не боялись входить в города белых людей. Огненная Звезда охотился вместе со своими воинами на реке, которую белые называют Рио-Пекос. Там мы наткнулись на белых людей, которые стремились попасть в далекий город. Они называли его Остин. Так как путь туда небезопасен из-за вставших на тропу войны краснокожих, они попросили Огненную Звезду дать им опытного проводника. Он решил сам сопровождать этих белых и взял с собой меня, чтобы я мог посмотреть города и дома бледнолицых. Мы удачно добрались до Остина, а потом повернули назад. Сегодня, когда началась последняя треть пути, нас встретила эта шайка. Вначале они потребовали наших лошадей. Когда мы им отказали, один из этих убийц выстрелил Огненной Звезде в живот. Лошадь вождя испугалась и понесла. Я вынужден был броситься за ним вдогонку, потому что вождь был ранен, и не смог сразиться с бледнолицыми. Если вы видели следы, то уже знаете, что произошло дальше.

— Да, ты убил одного из этих бандитов и снял с него скальп.

— Это так. Кожа с его головы висит здесь, на поясе. Но я получу и скальпы других убийц. Ночью я буду оплакивать отца и пропою надгробную песню вождей. Утром я похороню его среди этих скал — это будет его временная могила, а потом я приведу сюда воинов-команчей, которые соорудят ему гробницу, отвечающую достоинству и храбрости вождя. Но как только я скрою мертвого от глаз солнца, я разыщу след убийц. И я скажу вам, что Шиб-бикк не стал еще знаменитым воином — с момента его рождения прошло не много зим, — но он сын знаменитого вождя, и беда бледнолицым, на следы которых он направит свои глаза!

Он встал, подошел к своему отцу, положил ему руку на голову и продолжил:

— Бледнолицые клянутся — команч, разумеется, говорит без клятв. Итак, запомните мою речь: когда могильный холм над Огненной Звездой будет закончен, на его верхушке должны повиснуть все шесть скальпов его убийц. Железное Сердце сказал это, и так должно произойти!

Глава третья. ЧАС ДУХОВ

В обеденный час следующего дня Хельмерс снова сидел за столом перед своим домом. Рядом расположились Плутишка Фред и Хромой Фрэнк. Негра Боба с ними не было. Он торчал в хлеву вместе с черным слугой фермера.

А три мастера беседовали о вчерашнем происшествии, о дуэли между Кровавым Лисом и незнакомцем и о его смерти. Неудивительно, что разговор незаметно перешел на всякие потусторонние темы, связанные со смертью, а потом — на духов и призраков.

Хельмерс и Фред решительно не верили в возможность того, чтобы душа умершего могла вернуться, стать видимой, а то и разговаривать. Фрэнк, напротив, весьма энергично защищал существование привидений, а поскольку оба его собеседника все же остались при своем мнении, он гневно воскликнул:

— Оба вы глупы, и даже очень! Вам нельзя помочь, потому что корове безразличны мускатные орехи. Для ореха бессмысленной жизни, то есть для всего, что надземно и в то же время подземно, существует только тот, у кого крепкие зубы, кто уже с самой ранней юности имел дело с находящимися и по ту и по эту сторону проявлениями духа. Но с вами этого не случилось, а поэтому мне, собственно говоря, не следует злиться и удивляться тому, что в ваших ничтожных мыслительных коробках нет места даже духам и привидениям. Если бы я был мертвецом — чего пока, к счастью, не случилось — я бы уж навалился на вас своим нездешним обликом сегодня же ночью. Это внушило бы вам другое, лучшее, мнение о духах!

— Приведи хотя бы одно доказательство, одно-единственное! — рассмеялся Фред. — Тогда мы тебе поверим.

— Хоть одно доказательство? Чушь! Доказательство совершенно ни в чем не убеждает! Если в мире существуют доказательства каким-то явлениям, то мне вовсе не надо убеждать одним-единственным фактом. Надо все видеть парой своих собственных глаз. Это так называемое итальянское доказательство окулиром, которое совершенно не сравнимо с каким-либо другим. Кроме того, мы, ученые, единодушно...

— Ты, верно, хотел сказать не «окулир», а «окуляр»? — прервал его речь Фред.

— Помолчи-ка ты, погубитель иудеев, — вспылил Фрэнк. — Ты же не

будешь поучать меня своими подспудными языковыми познаниями, с которыми я уже лет тридцать назад свыкся! Я ведь с самого рождения наделен солнечными протуберанцами языковых познаний, Грудным младенцем я кричал по-китайски, спал по-арамейски и пил из санскритского рожка полинезийское молоко. Этот человек сказал, что я оговорился! Парень, пожалуй, не знает, какова разница между окуляром и окулиром! Окулировать — значит прививать. Это я, как звезда лесной науки, знаю весьма точно. И если теперь я тебе привью одно доказательство, то это как раз будет окулированное доказательство. Понимаете, pong Ami⁶⁶. И вот с эдаким окулированным доказательством я могу привести подтверждение существования духов.

— Значит, ты одного из них видел?

— О, не только одно, но добрых полкопы⁶⁷. Вокруг меня все время крутятся духи, потому что я остроумный мирмидон⁶⁸. Впрочем, я доказываю эту дилемму чисто филологически. Если существует слово, то должно также существовать и то, обозначением чему служит это слово. Вот Арлекин поет в цирке:

Эй, Давид, вокруг все глухо,
Нынче места нет луне,
Август в час полночных духов
Занял место в вышине.

Именно это должно дать абсолютное доказательство существования привидений. Слово «дух» в куплете есть, а следовательно, то, что обозначается этим словом, ходит по сеновалу. Это же ясно, как Божий день. Морицбургский классный наставник, которому я благодарен за свое гениальное образование, тоже верил в духов.

— Та-ак! Как же звали этого знаменитого человека?

— Его имя Элиас Функельмайер⁶⁹.

— Ах, так Nomen et omen!⁷⁰

— Только, пожалуйста, не говори по-португальски! Это тебе совершенно не идет! Как можешь ты этого героя эвфемистического⁷¹ знания назвать знаменитым человеком! Его нужно называть знаменитейшим! Сегодня это знает каждый типографский ученик. Но тебя, кажется, совершенно не коснулись достижения великого прогресса последнего десятилетия. Ты остался висеть на клейстере дохристианского средневековья, и над твоей колыбелью не пел ни один дружественный трубадур:

Gaudeamus, Igelkur.

Juvenal kaut humus.⁷²

Тут Фред захохотал так, что слезы побежали по его щекам, а хозяин подхватил этот раскатистый смех.

— Что здесь смешного? — спросил Фрэнк. — Трубадуры были все же не смешнее лапландских крестовых походов. Они под предводительством Готфрида фон Олеума взяли приступом Иерусалим, а два года спустя, когда Парменио сказал: «Мне надо воевать Штральзунд»⁷³ и когда он в цепях висел на небе, тут они ответили: «Не будь смешным, старый швед! Гвардия умирает, но не отдается!»⁷⁴. И над такими героями вы смеетесь? Есть ли у вас хоть какое-то понимание этих лютых образов оскорбленной мировой и военной истории?

— О, над трубадурами мы не смеемся, — ответил Фред, — нас развеселил твой «Гаудеамус».

— Я вынужден заявить протест! Эту песню я выучил, как таблицу умножения. Второе двустипение гласит:

Gaugamela, Inventur,

Pflaumenboom ist Prunus⁷⁵.

Впрочем, ты со своими чрезмерными морфологическими замечаниями совершенно увел меня от первоначальной темы. Мы говорили о привидениях и...

Он прервался, увидев подъезжающего всадника, одетого в форму драгуна американской армии. Знаки различия говорили, что перед ними офицер.

Этот человек примчался с юга самым отчаянным галопом и остановил лошадь прямо перед тремя собеседниками.

— День добрый! — приветствовал он их. — Я попал на ферму, которую называют Хельмерс-Хоум?

— Да, сэр! — ответил Хельмерс. — Я тот человек, которому принадлежит этот дом.

— Сам Хельмерс? Я рад с вами встретиться, потому что приехал навести справки.

— О чем?

— Это долгая история. Позвольте мне присесть.

Он спрыгнул с лошади и занял место за столом. Собеседники разглядывали его во все глаза, прибывший делал вид, что не замечает этого. Он был коренаст, крепко сложен и носил густую черную бороду. Взгляд у него был пронизателен и колюч; губы были скрыты под опущенными усами.

— Я прибыл сюда, так сказать, в качестве разведчика, — небрежно начал он. — Мы стоим вверху, у Форт-Силла, и намерены передислоцироваться в Льяно.

— Зачем? — спросил Хельмерс.

— Федеральное правительство оповещено о том, сколько злодеяний совершено в последнее время на Равнинах. Естественно, бандиты должны быть быстро и строго наказаны. Весьма вероятно, что преступники как-то связаны между собой. Отдельные преступления столь похожи одно на другое, что приходится предположить о существовании хорошо организованной банды. Ей надо нанести сокрушительный удар. Два эскадрона драгун выделены для этой операции, а также для полного освобождения Равнин и их окрестностей от всякого подозрительного сброда. Драгуны, как уже сказано, ждут у Форт-Силла, а я послан вперед, чтобы произвести разведку и связаться с добропорядочными поселенцами. Разумеется, мы исходим из убеждения, что каждый честный человек нас поддержит.

— Это разумеется само собой, сэр! Меня очень радует, что вы ко мне заглянули, и вы вскоре сможете убедиться, что я буду помогать армии из всех сил. Джон Хельмерс известен как человек, на которого всякий порядочный человек может положиться.

— Это я слышал, поэтому и приехал к вам.

— Прекрасно! Но позвольте вас спросить, почему вы приехали с юга? Ведь Форт-Силл расположен к северу отсюда. Как это понимать?

— Я приехал не прямо из форта, а сначала спустился вниз по реке, проехав потом по окраине Льяно, чтобы осмотреть окрестности.

— В одиночку? Почему же командующий не дал вам людей?

— Он точно так же, как и я, не считает это разумным. Большой отряд привлечет внимание, чего мы, естественно, хотели бы избежать.

— Но два-три всадника проедут так же незаметно, как и один. Как легко с вами может что-нибудь случиться! Тогда вы не сможете вернуться, а ваши товарищи не узнают, что с вами произошло.

— О, об этом не стоит беспокоиться. Майор уверен в том, что на меня можно положиться. Вы же знаете, что в разведчики берут только таких людей, которые проявили способности к подобной службе, да к тому же в совершенстве знают Дикий Запад.

— Вы уже здесь когда-то бывали?

— И даже многократно.

— Хм! Может быть, поэтому мне показалось, будто мы уже однажды виделись. Возможно ли это?

Офицер окинул Хельмерса долгим, испытующим взглядом и ответил:

— Нет, сэр.

— Тогда вы, верно, не забирались слишком далеко вниз?

— О, собственно говоря, я был еще дальше внизу, только не с этой стороны Льяно. На той стороне я доезжал до Чиуауа и даже дальше.

— Как солдат?

— Нет, вы же знаете, что пересекать границу в форме запрещено.

— Это верно. Значит, вы ездили в Мексику по своим делам? Ну, я тоже бывал на той стороне много раз, и там, верно, могло случиться, что я мельком вас видел, а вы меня не заметили. Когда вы должны вернуться в свою часть?

— Это определится обстоятельствами. Как только я соберу нужные сведения, я должен буду ехать — так гласит приказ. Но если я не узнаю ничего важного, придется на свой страх отправиться в Льяно. В этом случае я должен через неделю появиться в Хельмерс-Хоум, где оба эскадрона намерены немного отдохнуть.

— Значит, у меня? Это же хорошо. И когда кончится эта неделя?

— Послезавтра. В этот или на следующий день сюда придут мои товарищи.

— Значит, поскольку вы не вернулись, следует предположить, что вы не узнали ничего важного?

— Да. К сожалению, я должен признаться, что моя трудная поездка была бесполезной. Успеха я не достиг, потому что в незаселенных краях не встретил людей, от которых мог бы хоть что-то узнать.

— Это, конечно, большая неудача. Обитатели Льяно могли бы рассказать вам много полезного, и я не понимаю, как вы их не разыскали.

— Не считаю, что вы правы, сэр. Говорят, что именно эти обитатели связаны с бандой. Расспросы такого фермера могли привести к тому, что преступники были бы оповещены о близости военных, что, естественно, поставило бы под вопрос успех нашей разведки.

— Но именно здесь вы, сэр, совершили очень большую ошибку! Прошу не обижаться.

— Какую ошибку?

— Вы не сняли свою форму. Если вы были очень заинтересованы в том, чтобы никто не догадался о присутствии ваших войск, вы должны были бы переодеться в штатское.

— В этом вы правы. Но я солдат и должен делать то, что мне приказано. Впрочем, я надеюсь по меньшей мере в конце поездки узнать от вас о действиях грифов Льяно.

— Это можно. Всего две недели назад отсюда уехали четыре семьи, намереваясь перебраться через Равнины. В Льяно на них напали и убили.

— Тысяча чертей! Вы это точно знаете?

— Да. Один негодник по фамилии Бартон приехал вчера и рассказал об этом. Он видел трупы и пришел в такой ужас, что вынужден был искать у меня приют.

— Где этот человек? Я сейчас же с ним поговорю!

— Это невозможно, так как он снова уехал, сэр. Впрочем, вам и не нужно говорить непосредственно с ним. Он все нам рассказал, и мы можем передать это вам столь же точно, как и он сам. Кажется, как раз сейчас что-то там закрутилось. Было бы очень хорошо, если бы ваши драгуны поскорее прибыли.

— А почему вы предполагаете новое нападение?

— Потому что вчера здесь было двое парней, которые намеревались что-нибудь здесь выведать.

— Как? Что? Не шпионы ли это грифов Льяно?

— Вероятнее всего, это были именно они, сэр. Одному удалось улизнуть от нас, но у другого дела пошли хуже. Ему суждено было умереть.

— Это очень важно! Рассказывайте, сэр, рассказывайте!

Хельмерс проникся к офицеру полным доверием. Прежде всего он пересказал то, что слышал от торговца, а потом сообщил о вчерашней дуэли и смерти незнакомца.

Офицер слушал его очень внимательно. Лицо его оставалось неподвижным, но глаза сверкали. Хельмерс решил приписать это интересу, с каким солдат воспринял известие о поединке. Однако менее беспечный наблюдатель, может быть, заметил бы, что это был изо всех сил сдерживаемый гнев. Офицерский кулак сжал эфес сабли, но сам офицер внешне оставался спокойным, прилагая все усилия, дабы не выказать других чувств, кроме как сосредоточенное внимание, которое должен вызывать такой рассказ в каждом слушателе.

Рассказав о дуэли, Хельмерс перешел к описанию здешних нравов и опасностей Льяно-Эстакадо, а закончил заявлением, мол, двум эскадронам кавалерии крайне трудно, если вообще возможно, пересечь Равнины: там ведь нет ни пищи для людей, ни корма для животных, а самое главное — нет воды. Если все брать с собой, то понадобится очень много вьючных лошадей, что затруднит путь, да и взятые про запас продукты пойдут на прокорм скоту.

— Возможно, вы правы, — согласился офицер. — Меня это не касается. Такие вопросы решает командир. Но скажите-ка мне, хозяин, что

это за штука такая — Дух Льяно-Эстакадо? Я столько наслышался об этом таинственном существе, но пока ничего достоверного.

— У меня, как и у других, примерно одинаковые представления. Каждый слышал что-то о Духе, но никто не знает ничего определенного. Свои сведения о нем я могу передать в немногих словах. Духом Льяно-Эстакадо называют таинственного всадника, которого никто из оставшихся после встречи с ним в живых еще не видел вблизи. Каждый, кому удавалось увидеть его лицо, сейчас же должен был заплатить за это жизнью и умереть от пули, поражавшей его в самую середину лба. Правда, мертвые эти всегда оказывались преступниками, из-за которых Льяно и стало опасным. Значит, этот Дух мстит за совершенные в Льяно преступления.

— Выходит, это человек?

— Безусловно!

— Как же ему удастся бывать повсюду, оставаясь невидимым? Ему надо есть и пить, нужны корм и вода для лошади! Откуда он все это берет?

— Вот именно это и непонятно.

— А почему же его никто не встретил?

— Хм! Вы слишком много хотите узнать, сэр. Его же видели, но только издалека. Он мелькает словно уносимый бурей. Часто перед ним и позади него летят искры. Знал я одного человека, который его видел ночью. Этот человек уверял, подтверждая свои слова доброй тысячей клятв, что голова, плечи, локти, ствол ружья у всадника, а также морда, уши и хвост лошади оторочены маленькими огоньками.

— Ерунда!

— Может быть. Но мой знакомый — правдолюб. Из уст его я еще не слышал ни лжи, ни хвастовства.

Теперь, когда затронули тему о потустороннем, слово взял Хромой Фрэнк. Говорили по-английски, поэтому его речь была рассудительной и ровной.

— Вот оно что! — выкрикнул он. — Никто не хочет верить в действительность сверхъестественного. Я утверждаю, что Дух Льяно-Эстакадо не может быть человеком. Это — таинственное существо, наследник греческих фурий⁷⁶, которое поселилось в уединенном Льяно, словно старый отшельник в пустыне. Я охотно верю, что Дух разбрасывает искры и пламя. Мы, смертные люди, выпускаем обычно табачный дым изо рта. Почему же Дух не может изрыгать огонь?

— Но может ли Дух стрелять из ружья? — спросил офицер, бросая на Хромого Фрэнка презрительный взгляд.

— А почему же нет? В одном ярмарочном балагане я видел курицу,

стрелявшую из маленькой пушки; то же самое может проделать заяц. Тем более доступно Духу то, что возможно для курицы или зайца.

— Вы пользуетесь странным способом доказательств, сэр. Разумеется, большого ума и проницательности вы при этом не обнаруживаете.

Эти слова обидели Фрэнка. Он резко возразил:

— Да, вы правы. Однако у меня есть основания не стараться говорить по-ученому, как я мог бы, ибо у вас такое глупое лицо, что я боялся: вы меня не поймете, если я буду использовать такие речевые обороты, которые лишь слегка превышают умственный горизонт школьника.

— Мастер, — взорвался офицер. — Как вы осмелились в таком тоне говорить с капитаном правительственных войск!

— Хо! Не волнуйтесь! Капитан вы или фонарщик — мне это все равно. Вы сами начали с оскорблений, и теперь вам придется спокойно выслушать мой ответ. Не хотите — ну что же! Я готов уладить дело с помощью доброй ружейной пули. Вестмену ваш чин не импонирует.

По всему виду офицера было заметно, что он с большим трудом сдерживает свой гнев; однако ему удалось ответить спокойно:

— Мне было бы жаль пристрелить вас. Я в совершенстве владею ружьем, но ведь я не забияка и притом дерусь только с офицерами. Впрочем, я проявил бы неуважение к мастеру Хельмерсу, проливая кровь в его доме. Я собираюсь остаться здесь, пока не подойдет моя часть, а поэтому для меня важно сохранить здесь мир.

— За это я вам благодарен, сэр, — сказал Хельмерс. — Если вы хотите остановиться у меня, я отведу лучшую комнату, а для вашей лошади найдется хорошее стойло и корм.

— Рад этому. Я сейчас отведу коня на конюшню. Как туда пройти?

— Я провожу вас, а потом познакомлю со своей женой, и она покажет вам комнату.

Хельмерс встал, офицер — тоже, и оба отправились в сторону конюшни, ведя в поводу лошадь. Чуть позже хозяин вернулся один и сообщил своим собеседникам, что капитан удалился отдыхать в свою комнату. Хельмерс был явно рад такому гостю и обещанному скорому прибытию драгун. Но Фрэнк, качая головой, сказал, и притом по-немецки:

— Мне совсем не нравится этот человек. Что-то в его лице вызывает во мне подозрение. Его глаза появились передо мной, словно два жировых блеска в постном бульоне. Они глядят на собеседника так злобно, да притом в этом взгляде нет ничего разумного. Я мог бы и не проверять, честный ли он парень. Не думаю, что он мог бы выговорить пароль «шибебокк»⁷⁷.

— Шибебокк? Почему именно это слово? — спросил Плутишка Фред.

— Не знаешь? Ну, да что тут удивляться, ведь я еще не встречал ни одного бывшего гимназиста, который запомнил бы много вещей. Хорошо уже то, что Хромой Фрэнк обладает такой колоссальной памятью и может выручить вас, невежественных студентов, с вашими жалкими познаниями. Что же касается слова «шибебокк», что означает, собственно говоря, тачку, то времена Фемистокла, когда гунны хотели формировать Эльбу⁷⁸, оно сыграло огромную роль. Гунны, как известно, были толпой пехотинцев. Они часто возили с собой в обозе «шибебокки». Однажды они хотели переправиться через Эльбу, полагая сделать это инкогнито и выдавая себя за бразильских арабов. Но тут старый фельдмаршал Дерфлингер⁷⁹ встал у кромки воды и заставлял каждого подходящего произносить слово «шибебокк». Кто не мог произнести этого слова, немедленно прощался с головой. А так как у гуннов в гортани не было соответствующего инструмента, чтобы внятно произнести «ш», то все выговаривали «сибебокк», в результате чего их армия потеряла так много голов, что магараджа⁸⁰ Дели под Торгау на Эльбе из этих голов воздвиг знаменитую пирамиду черепов, ту самую, что позднее развалил Тимурленг.

Оба слушателя смотрели на говорившего во все глаза. Они не знали, смеяться им или плакать.

Фрэнк говорил бы еще и дальше, до бесконечности, если бы его не прервали. Но Хельмерс неожиданно показал на север, и, когда оба его собеседника посмотрели в этом направлении, они увидели троих медленно приближающихся всадников. Хромой Фрэнк вскрикнул от радости и быстро поднялся с места.

— Ты знаешь этих людей? — спросил его Фред.

— Еще бы! — последовал ответ. — Это... хм, лучше я не буду называть их имен — посмотрю сначала, как они вам понравятся.

Среди тройки всадников один был очень мал и толст, другой — очень высок и худ, а третий — хорошо сложен, к тому же скакал он на великолепном вороном жеребце. Плутишка Фред приставил руку к глазам, зорко вгляделся в подъезжающих, а потом воскликнул:

— Фрэнк, ты утаил имена, чтобы удивить нас. Но я бы не был вестменом, если бы сразу же не догадался, кто эти трое мужчин.

— Ну, так кто же?

— Те двое, один из которых такой толстый, а другой такой худой, один, маленький, на высокой кляче, а другой, длинный, на крошечном муле, могут быть только Длинным Дейви и Толстым Джемми. А третий,

естественно, Олд Шеттерхэнд.

— А почему ты думаешь, что это именно они?

— Разве ты сам не сказал, что Олд Шеттерхэнд появится вместе с Джемми? Разве Олд Шеттерхэнд не ездит всегда на черном жеребце, как это мог знать каждый, кто слышал о нем?

— Хм! Да, ты всегда был толковым парнем, хотя в языковом и в научном отношениях еще не достиг совершенства.

— Так скажи, прав ли я?

— Да, на этот раз ты прав — это именно те люди. Правда, прибыли они гораздо раньше, чем я думал. Надеюсь, вы поприветствуете их с должным почтением.

Всадники уже подъехали, остановились и спешили. На них была та же одежда, с ними было то же оружие, что во время знаменитой поездки в национальный парк. Хельмерс и Фред не сводили глаз с Олд Шеттерхэнда, самого знаменитого среди степных охотников. А он, даже не узнав ничего у Фрэнка о его собеседниках, подошел к Хельмерсу, протянул ему руку и сказал по-немецки:

— Я могу считать, что нам заказаны номера у вас, мастер Хельмерс? Надеюсь, вы нам рады.

Хельмерс пожал ему руку и ответил:

— Хромой Фрэнк, конечно, сказал мне, что он встретил вас, сэр, и это принесло мне бесконечную радость. Я предоставляю в ваше распоряжение весь мой дом. Устраивайтесь поудобнее и оставайтесь здесь так долго, сколько захочется.

— Ну, навсегда мы не собираемся оставаться. Мы намерены пересечь Льяно, чтобы встретиться на той стороне с одним нашим другом.

— С Виннету?

— Да! Фрэнк вам об этом сказал?

— Он сказал об этом, и я хотел бы... я мог бы отправиться вместе с вами, чтобы увидеть вождя апачей. Но скажите-ка, сэр, откуда вы меня знаете? Вы ведь сразу же назвали меня по имени.

— А вы полагаете, что необходима исключительная проницательность, чтобы узнать в вас владельца Хельмерс-Хоум? Вы одеты в домашнее платье и в точности соответствуете тому описанию, которое мне дали.

— Так вы справлялись обо мне?

— Конечно! На Диком Западе почитается разумным по возможности заранее узнавать о людях, которых разыскиваешь. Я услышал, что вы немец, и поэтому обратился к вам на родном языке. Могу я узнать, кто этот второй мастер?

— Обычно меня называют Плутишкой Фредом, — ответил бывший фокусник. — Я простой степной скиталец, сэр, и думаю, что вам неизвестно мое имя.

— Почему же нет? Кто столь долго, как я, скитается по Западу, тот уж, пожалуй, слышал о Плутишке Фреде. Вы — хороший следопыт и — что еще лучше — честный парень. Вот моя рука. Давайте будем добрыми друзьями, пока нам суждено оставаться вместе. Не так ли, сэр?

Хотя на Диком Западе нет различия в чинах, однако наиболее известных людей все же принято отличать особым вниманием. На счастливо улыбающемся лице Фреда появилась гордость, которую он почувствовал, будучи отмеченным Олд Шеттерхэндом. Он схватил протянутую руку, горячо пожал ее и ответил:

— Если вы говорите о дружбе, то это для меня честь, которую я еще должен заслужить. Я хотел бы... я мог бы очень долго не разлучаться с вами, чтобы многому от вас научиться. Я тоже намерен ехать через Льяно. Если позволите к вам присоединиться, я буду чрезвычайно благодарен.

— Почему же нет? Через Льяно лучше всего ехать как можно большей компанией. Поэтому, если вы присоединитесь, нам это подойдет. Естественно, я предполагаю, что один не будет ждать отъезда другого. Когда вы хотите выехать?

— Я нанят в проводники компанией парней, собравшихся за алмазами. Эти люди хотели приехать сюда сегодня.

— Это меня устраивает, потому что я отправлюсь отсюда утром. Так как вы упомянули об алмазах, могу я предположить, что ваша цель — Аризона?

— Разумеется, сэр!

— Ну, тогда вы, пожалуй, и Виннету увидите. Место, где я с ним должен встретиться, находится по дороге туда. А теперь я мог бы представить обоих своих спутников.

— Я их уже узнал, потому что их внешность — самые лучшие визитные карточки, которые только можно придумать. Впрочем, Фрэнк уже назвал нам их имена.

Тем временем Хельмерс поздоровался с Джемми и Дейви. Подошел негр Боб, чтобы заняться лошадьми. Спустя некоторое время все уселись за стол, и Хельмерс пошел в дом за достойной закуской для видных гостей. Прихватил он с собой и выпивку, и мужчины расселись поудобнее, чтобы обсудить события вчерашнего дня, о которых, разумеется, надо было рассказать прежде всего.

Драгунский офицер сказал, что он хочет отдохнуть. Но когда ему

указали одну из чердачных комнат, он не подумал об отдыхе. Он закрылся на задвижку и в раздумье заходил по комнате. Окна ее выходили на север, и так получилось, что он заметил прибытие всадников. Он подошел к окну и стал внимательно разглядывать их.

«Что это за люди и куда они направляются? — спрашивал он себя. — Вероятнее всего, они тоже намерены ехать через Льяно. Это внушает опасения. Один из них поразительно хорошо держится в седле. Он производит впечатление бывалого человека, знающего Дикий Запад. Если эти люди нападут на следы немецких переселенцев, они очень легко могут испортить нам все удовольствие. Одного Плутишки Фреда уже следует остерегаться. Просто счастье, что шестерка искателей алмазов не попадет в Хельмерс-Хоум! Он будет ждать их приезда так долго, что уже больше не сможет нам навредить. Я должен попытаться и вновь приезжих оставить здесь, пока мы не уладим свое дельце. Форма у меня настоящая, и если Хельмерс ничего не заподозрил, то новым гостям также не придет в голову предполагать, что перед ними переодетый предводитель грифов Льяно».

Он еще немного подождал, а потом спустился, чтобы присоединиться к мужчинам, усевшимся трапезничать перед домом.

Этот переодетый драгун и был тем самым Стюартом, который вчера со своими людьми напал на двоих команчей и преследовал их, а потом встретился с носатыми. Свою приметную заячью губу он скрыл свисающими усами.

Когда он оказался внизу, Олд Шеттерхэнду уже рассказали о вчерашних событиях, и Хельмерс только что упомянул о прибытии офицера. Увидев его, хозяин продолжал:

— Вот и кэпт'н⁸¹. Значит, он сам может рассказать, с какой целью находится здесь. О-ля, хозяйка! Еще одну тарелку, для офицера!

Последний возглас относился к хозяйке дома, появившейся у окна и посматривающей на гостей. Тарелку принесли, и офицер тоже уселся за стол. Он немало испугался, увидев троих недавно появившихся гостей, и теперь прилагал все силы, чтобы скрыть свои опасения. Ничто не было так некстати для осуществления его планов, как появление Олд Шеттерхэнда. Офицер окинул его испытующим взглядом. Знаменитый охотник благожелательно отнесся к его появлению, но вел себя так, словно вообще не заметил столь повышенного интереса, притворившись, будто личности офицера он уделяет очень мало внимания.

А тот повторил уже сказанное им сразу же по своем прибытии, причем от офицера не ускользнуло, что Олд Шеттерхэнд поглубже надвинул свою шляпу и из-под полей ее скрытно наблюдал за говорившим. Когда тот

окончил свой рассказ, охотник благодушно спросил:

— Где, вы сказали, располагается ваша часть, сэр?

— Близ Форт-Силла.

— И вы оттуда начали свою разведку?

— Да!

— Итак, вы были в Форт-Силле и хорошо знаете его окрестности и тамошнюю обстановку?

— Конечно.

— Однажды, много лет назад, я бывал там. Тогда фортом командовал полковник Олмерс. А как зовут нынешнего командира?

— Полковник Блейн.

— Я не знаю этого человека. Вы его видели, говорили с ним?

— Само собой разумеется.

— И ваши драгуны на днях придут сюда? Как жалко, что их здесь нет сегодня и не будет завтра! Мы бы могли поехать в Льяно вместе с ними. Это бы нам очень подошло — из соображений безопасности.

— Так дождитесь их прибытия!

— Для этого у меня, к сожалению, нет ни времени, ни желания.

— Ну, один день вы, пожалуй, могли бы потерять. Ожидание будет с лихвой возмещено тем преимуществом, которое даст вам наша защита.

— Один день? Хм! Вы и в самом деле считаете, что речь идет только об одном дне?

— Да, самое большее — двух.

— Здесь наши мнения очень даже разнятся!

— Почему?

— Потому что я убежден, что ваши драгуны никогда здесь не покажутся.

— Как это, сэр?

— Мне очень хорошо известно, что ни в самом Форт-Силле, ни возле него нет никаких войск, которые могли бы получить приказ отправиться в Льяно.

— Ого! Должен ли я понимать, что вы намерены уличить меня во лжи? — вспыхливо спросил офицер.

— Да, именно так! Я заявляю, что вы — лжец, — ответил Олд Шеттерхэнд так же спокойно, как и раньше.

— Тысяча чертей! Да знаете ли вы, что это — оскорбление, которое можно смыть только кровью?

— Да, собственно говоря, нам пришлось бы драться... если бы, конечно, вы действительно были офицером войск Соединенных Штатов.

— Что такое! — крикнул Стюарт, угрожающе поднимаясь. — Даю вам свое честное слово, что я офицер. К тому же моя форма свидетельствует, что вы видите перед собой офицера. Если вы все еще этому не верите, я вынужден попросить вас взяться за оружие!

Олд Шеттерхэнд, смеясь, посмотрел ему в глаза и ответил:

— Не волнуйтесь, сэр! Если вы когда-нибудь слышали мое имя, то знали бы, что ошибаюсь я весьма редко. Я не дерусь с мошенниками, но если вы тем не менее настаиваете на поединке, я готов единственным приемом скрутить вам шею.

— Парень! — крикнул Стюарт, выхватывая из-за пояса один из двух своих пистолетов. — Скажи еще только одно слово, и я заткну тебе глотку пулей!

Он еще не успел до конца произнести свою угрозу, а Олд Шеттерхэнд уже оказался перед ним, вырвав один пистолет у переодетого бандита из рук, а другой — из-за пояса, после чего сказал, но уже совсем иным тоном:

— Не стоит так торопиться, парень! Обычно тот, кто вздумает направлять на меня оружие, проигрывает. На этот раз я еще делаю снисхождение, потому что у меня нет против вас ни одного прямого доказательства. Прежде всего я хочу обезвредить ваши стреляющие игрушки.

Он разрядил оба пистолета и продолжал:

— А теперь я хочу вам сообщить, что еду прямо из Форт-Силла и очень хорошо знаю тамошнего командира. Предыдущего и вправду звали Блейном, но прошло уже три недели, как его отозвали, заменив майором Оуэнсом, чего вы, кажется, еще не знаете. Не прошло и недели, как вы уехали из Форт-Силла — это по вашим собственным словам. Если бы это было правдой, вы должны были бы знать о назначении майора Оуэнса. Ну, а раз вы этого не знаете, значит, вас там и не было, а история с драгунами и их предполагаемым походом в Льяно-Эстакадо — сплошной обман!

Стюарт оказался в крайне затруднительном положении; он попытался скрыть свое смущение и сказал:

— Ну, хорошо... Я согласен, что моя часть расположена вовсе не в Форт-Силле. Но разве этого достаточно, чтобы все считать обманом? Мне нужно быть осторожным, и я не могу выдавать истинное местонахождение моих людей.

— Не болтайте чепухи! Со мной вам нельзя быть неоткровенным. Думаю, что каждый офицер был бы рад довериться Олд Шеттерхэнду. Впрочем, кажется, я вижу вас не в первый раз. Не сидели ли вы под следствием в Лас-Анимас по обвинению в нападении на поезд. С помощью

нескольких негодяев вам удалось тогда представить алиби. Разумеется, вы были виновны, хотя вам и вернули свободу, но уцелели вы только в результате поспешного бегства от суда Линча⁸².

— Это был не я!

— Не лгите! Вас звали тогда Стюарт или как-то в этом роде. Как теперь вас зовут и с какой целью затеян сегодняшний маскарад — этого я не знаю, да и не хочу знать. Поднимите-ка кончики своих усов! Убежден, что под ними окажется заячья губа.

— Кто дал вам право учинять мне допрос? — в бессильном гневе спросил Стюарт.

— Я сам. Впрочем, мне и не надо видеть ваш рот. Я и без того знаю, как с вами поступить. Вот ваше оружие. Убирайтесь отсюда побыстрее и радуйтесь, что и на этот раз так легко отделались! Но берегитесь еще раз попасться на моем пути! Следующая встреча может оказаться для вас менее приятной.

Олд Шеттерхэнд бросил мнимому офицеру под ноги разряженные пистолеты. Стюарт поднял их, засунул за пояс и сказал:

— То, что вы говорили обо мне, неправда. Во всяком случае, вы спутали меня с кем-то другим. Поэтому я прощаю вас. Мои бумаги наверху, в комнате, и я их принесу. Убежден, что вы попросите у меня прощения.

— И не воображайте! Вестмен только посмеется над вашими бумагами, которые, вероятнее всего, украдены. Но позабудьте всех, достаньте их сверху и покажите другим. Мне-то и смотреть на них не надо.

Стюарт ушел.

— Какая сцена! — сказал Хельмерс. — Вы действительно уверены в своей правоте, сэр?

— Абсолютно, — ответил Олд Шеттерхэнд.

— Я бы этого не подумал, — вмешался Хромой Фрэнк. — У парня совершенно противозаконное лицо. Я ему уже сообщал свое мнение, но он словесным маневром вывернулся. Однако наш брат и в Аркадии побывал, и на Гиппократа поднимался, чтобы в плотнейших человеческих знаниях свое...

— Гиппогриф, Гиппогриф⁸³, а не Гиппократ! — крикнул ему Джемми.

— Замолчи, старый ипподром! Смотрите-ка, едва появился здесь, а уже опять начинает спор! Ты не можешь не злиться на меня, потому что я умнее тебя. Все слова, которые начинаются с «гиппо — », происходят из санскрита, а в этом языке я ориентируюсь куда лучше тебя.

— Нет! «Гиппо — » — из греческого языка!

— Греческого?.. Будьте так добры, господин Джемми Пфедферкорн! Что ты понимаешь в греческом! Может быть, ты знаешь, как называл Александр Великий своего белого коня?

— Ну и как же?

— Естественно, Минотавром!

— Ах, так! А я-то думал Буцефалом⁴⁵!⁸⁴

— Тут ты, разумеется, заблуждаешься. Буцефал — это просто эвфемистическая конъюгация⁸⁵ олимпийских гор с карфагенской юстицией. Буцефал был тем самым владельцем фабрики швейных машин в Карфагене⁸⁶, который послал телеграмму в Цинциннати своему кассиру, бежавшему с несгораемым сейфом: «Отдавай мои миллионы!» Нет, коня звали Минотавром. Это тот же самый белый жеребец, которого некоторое время спустя шталмейстер Фробен убил в битве при Каннах⁸⁷.

— Но, Фрэнк, это же произошло в битве при Фербеллине⁸⁸.

— Ерунда! В битве при Фербеллине Андреас Хофер победил вестготов, о чем говорится в чудесной придворной песенке:

Смерть гнал до горных он долин

От городишка Фербеллин.

Стволы теперь пусты —

Тироль, прощай же ты!

А если ты не хочешь поверить моему всепроникающему интеллекту, то спроси милейшего господина Олд Шеттерхэнда. Он во всех науках и искусствах au plaid⁸⁹ и может решить, кто прав — ты или я.

— Давайте не будем заниматься такими научными вопросами, — сказал знаменитый охотник и улыбнулся. — Есть и другие дела, требующие нашего внимания.

— Совершенно верно! Битва при Фербеллине, правда, довольно важна, но здесь, в Льяно-Эстакадо, она все же не достигает верхней ступеньки иерархической лестницы. Мы стоим на той телескопической периферии, с которой должны отскакивать искры подземной молнии по известному закону, что простофиля в точности равен глупцу⁹⁰, что может видеть по движению шаров каждый бильярдист. Мы должны приноровиться к жестокостям серно — и азотнокислой земной жизни и не имеем права не помнить, что каждый час должен приносить нам сонет старого жителя Дессау⁹¹ или даже монолог братьев Туссэн-Лангенштейдт⁹². Напротив, взяв быка за рога, мы должны поскорее воспользоваться случаем. Мы предназначены для практической жизни, как сказал Шиллер в своем

ноктюрне о московской колокольне⁹³.

Бросаешься слепо в неласковый мир —
Так должен толкаться, искать свой кумир,
То корчить гримасы, то тупо глазеть —
Чтоб горстку монет в кошельке заиметь.
Ты должен то спорить, а то рисковать,
С голодным желудком ложиться в кровать
И гладить жужжащим веретеном
Убийц перед самым последним их сном.
Как раз так мы и сделаем с грифами Льяно-Эстакадо.

Может быть, он надекламировал бы еще множество таких жутких рифмованных строк, если бы Толстый Джемми не крикнул ему:

— Перестань! Остановись! Ты хочешь всех нас обречь на гибель! Дай бедному поэту насладиться вечным покоем. Нам, как ты слышал, надо поговорить о насыщенных вещах.

Фрэнк уже готовился гневно возразить, но Олд Шеттерхэнд отрезал:

— Совершенно верно! Хотя наш бравый Хромой Фрэнк снова оправдал свою репутацию отличного знатока немецкой литературы, однако, как ни значительны собранные в его памяти сокровища, ничего из этих ценностей в нашем теперешнем положении почерпнуть мы не можем. У нас для этого нет времени, и мы вынуждены отказаться от красивых научных рассуждений, занявшись неотложными делами.

Беседа теперь перешла на серьезные дела. Олд Шеттерхэнд обстоятельно справился о происшедшем накануне, особенно о Кровавом Лисе, которым он, казалось, очень заинтересовался. Он спросил и об искателях алмазов, которых ожидал Плутиска Фред, чтобы провести через Льяно. Тогда все стали рассказывать о пустыне страшные истории, и беседа, пожалуй, тянулась бы еще долго, если бы не появился негр Боб с чернокожим слугой Хельмерса. Именно слуга прервал беседу, справившись у своего хозяина:

— Я хочу спросить массу Хельмерса, куда нам деть так много лошадей, когда они сюда придут?

— Каких лошадей? — удивился хозяин.

— Солдатских. Офицер уже ускакал и скоро приведет их.

— А! Так он все-таки уехал.

— Да, уехал. Раньше мне сказали, что он намерен привести в Хельмерс-Хоум много всадников.

— Так значит, он тайно удрал! Это доказывает, что у него нечистая совесть. Куда же он ускакал?..

— Надев на лошадь сбрую, вывел ее из конюшни, вскочил в седло...
Объехал вокруг конюшни... а потом прочь, туда...

С последними словами негр указал на север.

— Это подозрительно. Надо бы поехать за ним. Он сказал, что солдаты придут наверное, что здесь он должен их ожидать, и все же поскачем навстречу. С огромным удовольствием я бы повидал его снова, чтобы спросить, почему он не предупредил нас о своем отъезде.

— Вряд ли вы найдете его, — смеясь, сказал Олд Шеттерхэнд. — Вы бы недалеко заехали на север.

— Почему?

— Потому что северное направление, о котором он говорил, — всего лишь обман. Этот человек вовсе не офицер, хотя и носит офицерскую форму. Его лицо вызывает подозрение. Он увидел, что его разоблачили, и посчитал разумным поскорее скрыться. Конечно, поначалу он избрал совсем другое направление, чем то, куда ему нужно.

— А куда ему нужно? К западу и юго-западу простирается Льяно; на юге он был, потому что приехал оттуда; на востоке ему делать нечего; значит, остается только север, куда он и поскакал.

— Мастер Хельмерс, не сердитесь на меня, если я продолжаю утверждать, что вы заблуждаетесь. Я предполагаю прямо противоположное тому, что сказал этот человек. Он будто бы был на юге, а отправился на север. Хорошо. Значит, я убежден, что он намерен ехать на юг. Бьюсь об заклад, что мы, если поедem по его следам, очень скоро заметим: следы эти ведут на юг. Все, что он здесь говорил о военных, — обман.

— В этом я и сам убежден. Но почему же вы тогда отпустили его?

— Потому что я не волен ему приказывать и потому что не могу доказать его незаконные действия.

— Тогда скажите мне, по крайней мере, зачем же он сюда приезжал?

— Кажется, вы считаете меня всезнающим. Я могу только делать предположения. Для меня совершенно ясно, что он приезжал сюда, чтобы что-то разведать, что-то выведать. Что бы это могло быть? Ваша ферма стала для многих исходным пунктом путешествия через Льяно. Я предполагаю, что он хотел проверить, есть ли сейчас здесь люди, собирающиеся в подобное путешествие. Видимо, он интересуется такими людьми и надеется извлечь пользу из собранных сведений. Теперь скажите-ка мне, какого рода могут быть этот интерес, эта польза?

— Хм! — буркнул Хельмерс. — Я знаю, вы считаете этого человека разбойником.

— Конечно, я так считаю.

— Тогда нам не следовало его отпускать. Надо было его обезвредить. Но, разумеется, без доказательств такое было бы невозможным. Он узнал, что Плутишка Фред ожидает приезд искателей алмазов. Возможно, теперь он уехал, чтобы заняться приготовлениями к нападению на них.

— Это кажется мне не только вероятным, но и несомненным. Но явно, что в здешних местах этот человек появился не один. В любом случае с ним приехали и другие, которые ждут где-то с ним встречи. Мы бы ничего не смогли ему сделать; мне не удалось бы его задержать: я знал, что он ускользнет. Ну, раз уж он уехал, я по меньшей мере убедился, что рассуждал верно. Я пойду по его следу. Когда он уехал?

— С час назад, а может быть, и с полтора, — ответил негр, к которому был обращен этот вопрос.

— Значит, мы должны поторопиться. Есть у кого-нибудь желание присоединиться ко мне?

Вызвались все. Олд Шеттерхэнд выбрал Плутишку Фреда — возможно, для того, чтобы лучше его узнать. Во время подобной поездки появилась бы возможность подвергнуть его маленькому испытанию. Этим решением был очень недоволен Фрэнк. Он сказал знаменитому охотнику:

— Но, почтеннейший, взять с собой кого-то другого — значит, проявить не слишком большую любезность к человеку с моими заслугами. Вы что, придерживаетесь мнения, будто я не могу быть полезным при чтении следов? Если бы я мог поехать с вами, то расценивал бы это как совершенно особую награду.

— Даже так? — улыбнулся Олд Шеттерхэнд. — Чем же вы заслужили такую награду?

— Прежде всего — моим земным существованием вообще. Во-вторых, тем обстоятельством, что я не менее любопытен, чем другие. И, в-третьих, как раз тем, что я мог еще чему-нибудь научиться, если бы вы соблаговолили взять меня с собой.

— Вы и в самом деле думаете, что могли бы поучиться еще чему-нибудь? Такую скромность следует вознаградить. Значит, вы должны ехать.

— Прекрасно, — кивнул Фрэнк. — Сим я посвящаю вам свое благосклоннейшее «*Merci, Monsieur!*»⁹⁴. Своей достойной похвалы скромностью я хотел дать другим блестящий пример для терпеливого подражания, *quod Eduard demonschtrandus!*⁹⁵

Он гордо отошел, направляясь в конюшню, к своей лошади. Хельмерс сказал Олд Шеттерхэнду, что может выделить для поездки несколько хороших, отдохнувших лошадей, и охотник с удовольствием принял это

предложение. Оба негра должны были привести трех лошадей, пасшихся на лугу, и оседлать их, а потом Олд Шеттерхэнд, Фред и Фрэнк ускакали прямо от конюшни, направившись по следу офицера.

Лишь вначале этот след уходил на север, потом свернул к востоку, затем к югу и, наконец, пошел в юго-западном направлении. Таким образом, Стюарт на своей лошади описал почти три четверти окружности, хотя и очень небольшого диаметра.

Олд Шеттерхэнд скакал впереди, низко наклонившись, чтобы не потерять след. Когда он убедился, что придерживаются они верного направления, он остановил лошадь и спросил:

— Мастер Фред, что вы скажете об этих следах? Можно ли им доверять?

— Непременно, сэр, — слышалось в ответ. Фред, вероятно, догадался, что Олд Шеттерхэнд хочет его испытать. — Теперь парень выдал себя. Он скачет прямехонько в Льяно и... — Он в задумчивости замолчал.

— Ну и... ?

— Кажется, он очень спешит. Окружность, которую он описал вокруг Хельмерс-Хоума, очень малого диаметра! У него просто не было времени сделать более широкий круг. И скакал он размашистым галопом. Что-то должно было торопить его.

— И что бы это могло быть?

— Если бы я мог это сказать, сэр! К сожалению, мои познания на этом кончились. Может быть, вы отгадаете это за меня.

— Я не хочу пускаться в гадания. Лучше мы будем действовать наверняка. У нас ведь есть время, и парой часов мы можем рискнуть. Мы поедем по следу как можно быстрее.

Они пустили своих лошадей галопом. Это стало возможным, потому что след был достаточно отчетливым.

Очень скоро оказалось, что Хельмерс-Хоум находился у самой границы пригодных для возделывания земель. Местность очень быстро меняла свой характер.

Севернее поселения еще рос лес. Южнее виднелись уже только отдельные деревья, а вскоре и их не стало. Кустарник сделался хилым и редким, вместо бизоньей травы пошла медвежья — верный признак уменьшения плодородия почвы. Потом все чаще стал появляться голый сухой песок, и волнистая до сих пор поверхность степи перешла в настоящую пустыню.

Пошел сплошной песок: повсюду — песок, только временами

прерываемый островками медвежьей травы, над которой возвышались темно-бурые початки кровавистой колючки.

Позже даже, и эта трава исчезла, остались лишь плотные колючие кактусы да удлинённые ползучие виды *Sereus*, очень похожие на змей. Стюарт объезжал эти поросшие кактусами места. Потому что кактусовые иголки могли представить опасность для лошади. Своему четвероногому он только изредка позволял недолго передохнуть; потом, как это показывали глубокие следы, лошадь была вынуждена опять идти галопом.

Охотники ехали все дальше и дальше. Прошло уже более двух часов, с тех пор как три всадника оставили Хельмерс-Хоум. Они проехали по меньшей мере пятнадцать английских миль, и все же им не удалось увидеть беглеца. Лошади Хельмерса были не в состоянии догнать уехавшего далеко вперед Стюарта.

Внезапно преследователи заметили темную полосу, вдававшуюся слева, под острым углом, в песчаную равнину. Это был отлогий склон, прикрытый плодородной почвой, но росли на нем только невзыскательные мескито⁹⁶. Следы вели к этому, напоминающему язык возвышению, достигнуть которого все трое должны были минуты через две. У подножия холма Олд Шеттерхэнд придержал свою лошадь, показал вперед и сказал:

— Осторожнее! Кажется, там, за кустами, есть люди. Разве вы ничего не видели?

— Нет, — ответил Фред.

— А мне показалось, будто там что-то шевельнулось. Давайте примем левее, чтобы кустарник постоянно отделял нас от них.

Описав небольшую дугу, они заторопили своих лошадей, чтобы как можно скорее оставить за собой открытое пространство, где их так отчетливо было видно. Когда трое снова достигли зарослей, Олд Шеттерхэнд спешился.

— Оставайтесь здесь и держите мою лошадь! — сказал он. — Я пойду на разведку. Оружие держите в руках и будьте осторожны. Если мне придется стрелять, немедленно скачите ко мне!

Он нагнулся, пролез между кустами и исчез в зарослях. Не прошло и трех минут, как Олд Шеттерхэнд вернулся. Довольная улыбка играла на его губах.

— Это не офицер, — сказал он. — И не его товарищи. Думаю, нам предстоит очень интересное знакомство. Мастер Фред, может, вы что-то слышали о двух носатых братьях?

— О носатых? Да я не только слышал, но и знаю их.

— В самом деле? Ну, тогда слезайте и пойдемте со мной! Сам я их

никогда не видел, но, судя по носам, это должны быть именно они.

— Как они одеты?

— Шерстяные штаны и рубашки, ботинки на шнурках и бобровые шляпы, пояса из кожи гремучей змеи, а с плеч у них свисают, подобно плащам, одеяла.

— Это они! Вы видели их лошадей?

— У них не лошади, а мулы.

— Ну, тогда нет никаких сомнений! Это они — Джим и Тим на своих Полли и Молли. Вот это неожиданность! Я...

— Тише, тише! — предупредил Олд Шеттерхэнд. — Они не одни. С ними молодой индеец.

— Бросьте осторожничать, сэр! Кто едет с носатыми, тот мне не опасен. Целые месяцы проводил я с ними, охотясь на бобров там, наверху, в Черных горах. Для того чтобы издали узнать друг друга, мы придумали особый знак. Сейчас я подам им этот знак — увидим, как они себя поведут. Что они сейчас делают?

— Сидят и отдыхают в тени кустарников.

— А их мулы?

— Ощипывают последние листочки на ветках.

— Мулы привязаны?

— Нет.

— Тогда вы сейчас узнаете, что Полли и Молли столь же умны, как и их хозяева. Спорим, что оба мула по моему сигналу окажутся здесь, рядом со мной, еще быстрее своих хозяев. Слушайте, сэр!

Он сунул два пальца в рот и издал продолжительный переливчатый свист. Ответа не было.

— Они слишком удивились, — предположил Фред. — Ну-ка еще раз!

Он засвистел снова, и почти сразу же в ответ послышался истошный, двухголосый, трубный рев; в кустах затрещало, и, круша все, что попадалось им на пути, из зарослей вырвались оба мула. Вдогонку им неся громкий голос:

— Эй! Что там случилось? Подобный свист в безлюдном Льяно! Возможно ли это? Плутиска Фред!

— Да, Плутиска! Это он! — послышался другой голос. — А ну давай вперед! Я иду следом. Это он, Фред, — скотинка его уже признала и побежала к нему.

Снова затрещали кусты, а потом из них вырвались оба брата: Джим впереди, Тим — за ним.

Увидев Фреда, они, не обращая внимания на остальных, поспешили к

нему и принялись его обнимать.

— Стойте, парни, не задавите меня до смерти, — сказал, отбиваясь от них, бывший цирковой наездник. — Я охотно позволю себя обнять даже двум таким медведям, как вы, но поодиночке, поодиночке, а не одновременно.

— Не беспокойся! Мы тебя не задавим, — сказал Джим. — Подумать только! Плутиска Фред здесь, да так неожиданно! Это поистине удивительно! И как это тебе пришла в голову мысль посвистеть? Разве ты знал, что мы торчим там, за кустами?

— Конечно! Вы для меня истинные обитатели Запада! Позволяете подкрасться к себе, смотреть на себя, наблюдать за собой и даже несколько этого не замечаете! Надо надеяться, вы удивились, увидев меня здесь, в Льяно?

— Не так уж сильно, старина. Конечно, мы удивились, встретив тебя здесь, но вообще-то мы знали, что ты находишься где-то поблизости.

— Знали? Откуда? От кого же?

— А, теперь ты удивляешься, не так ли? Известны ли тебе шестеро горожан, которых возглавляет юрист по фамилии Джибсон?

— Да, я ждал их в Хельмерс-Хоум, потому что должен провести эту компанию через Льяно. Вы встретились с ними?

— Конечно. Они назвали нам твое имя. Мы не посчитали нужным сказать им, что хорошо знаем тебя, однако сообщили, что слышали о тебе.

— Так вы отреклись от меня, проказники! Куда же подевались те парни? И что вас привело сюда и заставило прятаться в этих кустах?

— Об этом позже. Теперь же мы прежде всего хотели бы знать, кто такие два этих мастера, стоящие рядом с тобой?

— Это вы сейчас узнаете. Вот этот сэр со шляпой амазонки на голове прозывается Хромым Фрэнком и...

— Не тот ли это знаменитый немецкий ученый, который был в Йеллоустоунском парке вместе с Виннету и Олд Шеттерхэндом? — прервал его Тим. — Того, кажется, тоже звали Хромым Фрэнком.

«Знаменитый немецкий ученый» — эти слова Тим высказал в шутку, но Фрэнк принял услышанное на свой счет совершенно серьезно и поэтому ответил сам:

— Да, я и есть Хромой Фрэнк, сэр. Откуда вы меня знаете?

— В горах, на Блэкберд-Ривер, мы слышали о ваших приключениях, сэр, и очень восхищались вашими поступками. А кто такой другой господин?

Тим взглянул на Олд Шеттерхэнда.

— Этот сэр? — ответил Фред. — Посмотрите-ка на него повнимательней. И кто бы это мог быть?

В это самое время из-за кустов вышел юный команч Железное Сердце. Он увидел стоящего Олд Шеттерхэнда, услышал слова Фреда и сказал:

— Нина-нонтон, Дробящая Рука! Шибба-бикк, сын команчей, слишком молод, чтобы смотреть в лицо такому знаменитому воину.

Он отвернулся в сторону — по индейскому обычаю. Но Олд Шеттерхэнд быстро подошел к нему, положил руку на плечо и сказал:

— Узнаю тебя, хотя прошло много зим, с тех пор как я тебя видел, и ты подрос. Ты сын моего друга Тевуа-шое, вождя команчей, с которым я курил трубку мира. Он — храбрый воин и друг белых. Где он теперь разбил свою палатку?

— Его дух находится на пути в Страну Вечной Охоты, куда он сможет войти только тогда, когда я сниму скальпы с его убийц.

— Что я слышу! Огненная Звезда мертв? Убит? — воскликнул Олд Шеттерхэнд. — Скажи, кто эти злодеи?

— Шибба-бикк не скажет об этом. Спроси моих белых друзей, которые видели его труп и сегодня утром помогли при погребении.

Он опять скрылся в кустах. Когда Олд Шеттерхэнд обернулся к братьям, он увидел, что носатые во все глаза уважительно рассматривают его. Он протянул им руки и сказал:

— Кажется, вам есть что рассказать. Огненная Звезда был одним из моих краснокожих друзей, и я должен знать, кто его убил. Здесь слишком палит солнце. Поищем тень, в которой вы сидели прежде. Там вы сможете рассказать мне о случившемся.

Джим и Тим пошли напрямик через кусты. Остальные повели своих лошадей в обход зарослей. Молодой команч уже сидел на прежнем месте. Белые устроились рядом с ним, и Джим стал рассказывать о вчерашних приключениях.

Говорили по-английски, поэтому рассказчик без помех добрался до конца своего повествования. Если бы он воспользовался немецким языком, Хромой Фрэнк наверняка постарался бы то здесь, то там вставить одно из своих прославленных замечаний. Рассказав о своей встрече с молодым команчем, Джим продолжил:

— Когда наступило утро, мы приготовили временную могилу для мертвого вождя, где он должен будет лежать, пока не придут его воины, чтобы соорудить ему достойную гробницу. Потом мы отправились преследовать убийц.

— Я думал, что вы направитесь в Хельмерс-Хоум, — заметил Олд

Шеттерхэнд.

— Да, таково и было наше первоначальное намерение. Но потом наши планы изменились. Мы подружились с Железным Сердцем, молодым, храбрым воином, и, естественно, его дело стало нашим; он сгорал от желания немедленно отправиться по следам убийц. Вот почему мы отказались от заезда в Хельмерс-Хоум и отправились с индейцем.

— Такие действия можно только похвалить. Удалось ли вам найти след?

— Да, хотя, конечно, и были трудности. Бандиты поскакали на юг, до того места, в котором они разделились, образовав подобие сторожевой цепи для охраны какого-то лагеря.

— Кто в нем расположился?

— Точно сказать мы не можем. Предположительно, это были переселенцы. Мы видели следы волов и фургонов, а также множества лошадей. Там расположились на ночлег примерно пятьдесят человек.

— А не больше?.. В каком направлении они уехали?

— На юго-запад.

— Значит, в сторону Льяно? На фургонах? Тысяча чертей! Либо их сопровождают отменные проводники, либо есть намерение заманить их в ужасную ловушку. Что вы думаете, Джим?

— Я предполагаю худшее.

— Почему?

— Потому что здесь приложили руки пятеро убийц Огненной Звезды. Искатели алмазов тоже встретились с ними. Судя по следам, уже вскоре после полуночи люди из лагеря должны были отправиться в путь. Это бросается в глаза. Людей хотели побыстрее отправить из окрестностей Хельмерс-Хоум.

— Надеюсь, вы последовали за ними?

— Нет, сэр. Мы имеем дело только с убийцами вождя. Ну, а они, как можно прочесть по следам, не присоединились к каравану, а поскакали на запад. Естественно, мы поехали по их следам. Впрочем, мы наткнулись и на след одного-единственного всадника, который еще вечером должен был в окрестностях Хельмерс-Хоум присоединиться к каравану.

— Так! Еще вечером? Это, конечно, был почтеннейший мормонский миссионер Тобайас Прайзеготт Бартон. Дело начинает проясняться. Дальше, мастер Джим! Что говорили следы?

— Разбойники ехали очень быстро, и потому след хорошо читался. Потом нас обеспокоило, что один из пятерки отделился от остальных. Его след пошел прямо на север. Мы были вынуждены немного пройти и по

этому следу.

— Хм! Об этом стоит подумать. Я мог бы предположить, что этот след принадлежал нашему офицеру.

— Офицеру? — спросил Джим. — Но у них не было никакого офицера.

— Я это знаю! Но, может быть, парни прихватили с собой офицерскую форму. Мы еще выясним это. Вы ведь говорили с этими людьми. Не было ли там коренастого крепыша с лицом, обрамленным темной бородой?

— Это описание подходит к их вожаку!

— Он начесывает усы вниз, словно хочет прикрыть губы. Вы заметили какую-либо особенность?

— Конечно! У него заячья губа. Правда, не очень бросающаяся в глаза, но я ее видел отчетливо.

— Прекрасно! Теперь все ясно! Это он! Ему пришлось отправиться в Хельмерс-Хоум, чтобы узнать, не грозит ли его делу опасность. Дальше!

— Вообще-то дальше я бы мог и не рассказывать. Отвечать за собственную глупость — маленькое удовольствие. Лучше ты, старина Тим, доскажи историю до конца.

— Спасибо! — отозвался Тим. — Кто ел хорошее мясо, должен потом и кости разгрызть. Почему я должен продолжать рассказ там, где начинается глупость?

— Потому что у тебя такие прекрасные манеры, что даже недостаток ты можешь представить как преимущество.

— Да, так уж повелось! Я всегда должен искупать грехи других. Но поскольку ты мой брат, попытаюсь это сделать. Знаете, джентльмены, случилось так, что следы мы потеряли и, сколько ни искали, найти их не смогли.

— Невероятно! — удивился Олд Шеттерхэнд.

— Говорю вам, что это так, сэр!

— Носатые потеряли след? Если бы мне сказал это кто другой, я бы обвинил его во лжи.

— Благодарю вас, сэр! Но так как это говорит сам носатый Тим, придется поверить!

— Разумеется. Как же это произошло?

— Да проще не бывает. Там, вдалеке, где кончаются заросли мескито, идет скалистый грунт, простираясь на многие мили к востоку и западу. Вы увидите это место, сэр, и поймете, как можно потерять след.

— Я знаю это место. Мексиканцы, которым прежде принадлежали здешние места, называли этот скалистый участок, да и сейчас еще

называют — El Piano del Diablo, Чертова плита.

— Верно! Вы его знаете? Вы там уже бывали?

— Даже дважды.

— Ну, это успокаивает меня, потому что тогда вы не посчитаете нас желторотыми, когда я откровенно признаюсь, что след как ветром сдуло.

— Хм! Четверых всадников никто не сможет сдуть.

— Конечно. Но если лошади на этой твердой, как железо, гладкой породе не оставляют отпечатков, то не видно никаких следов, сэр. Наш команч, несмотря на свою молодость, прослыл знаменитым следопытом, но и он встал в тупик.

— Хотелось бы знать, не вышло ли бы у меня по-другому?

— Но так то вы! Вы же совсем другой человек, не то что какие-то носатые! Вы и Виннету нашли бы следы даже тогда, когда лошади скакали бы по воздуху! И можно почти поверить, что здесь так и случилось. Говорю вам, не попало даже вывороченного камешка, ни одной жалкой царапинки, которую бы оставила подкова на скале. Конечно, мы сделали то, что в таком случае предпринял бы любой другой вестмен: мы поехали вдоль кромки скал, чтобы найти место, в котором парни оставят каменную плиту и снова окажутся на песчаном грунте. Но двигались мы так медленно, что еще не покончили с этим делом, хотя уже оказались севернее той точки, в которой один всадник отделился от четверых других, чтобы поскакать в Хельмерс-Хоум, как вы сказали. Впрочем, издалека мы видели одинокого всадника, галопом мчавшегося на юг, а когда потом мы добрались до этих зарослей, то заметили, что он здесь останавливался.

Олд Шеттерхэнд насторожился. Казалось, он на короткое время задумался, потом поднялся со своего места, сравнил различные отпечатки копыт на краю зарослей мескито и при этом несколько удалился от остальных, которые вскоре услышали его крик:

— Мастер Тим, вы или Джим были и здесь, на том месте, где я теперь стою?

— Нет, сэр, — слышалось в ответ.

— Так подойдите же сюда!

Все подчинились приглашению Олд Шеттерхэнда. Когда они подошли, Олд Шеттерхэнд показал на кусты и сказал:

— Здесь вы можете совершенно отчетливо видеть, что кто-то проник в заросли. Вот сломана веточка, а обломанная поверхность еще не успела подсохнуть. Значит, это случилось не так давно. Пойдемте за мной, джентльмены!

Он медленно углублялся в густые заросли, тщательно осматривая

каждую веточку и каждую пядь земли, пока не остановился перед песчаной площадкой. Она была довольно просторна — как в длину, так и в ширину. На песке не было видно и следа растительности. Ни малейшего стебелька, самого жалкого, там не росло. Олд Шеттерхэнд опустился на колени, и казалось, будто он хочет изучить каждую песчинку в отдельности. Наконец Олд Шеттерхэнд поднялся с довольной улыбкой и осмотрел со всех сторон заросли, ограничивающие площадку. Потом он показал на какое-то место и сказал:

— И здесь кто-то прятался. Бьюсь об заклад, что тот, кого мы ищем, именно здесь, перед кустарником, спешил. А теперь скажите мне, мастер Тим! Одинокий всадник отделился от четверки южнее этой площадки?

— Юго-восточнее, сэр!

— Прекрасно! А тот человек, которого отсюда видели, был в военной форме?

— Нет.

— Тогда для меня ясно следующее: вожак пятерки, оставив сообщников, поскакал сюда, чтобы выкопать форму и появиться в Хельмерс-Хоум в мундире офицера. Когда он бежал от нас, он поскакал опять сюда, чтобы эту форму снять.

— Что вы говорите, сэр! Вы считаете это место гардеробной?

— По меньшей мере — убежищем, *cache*⁹⁷, как называет бобровый охотник нору, в которой зверек прячет свою шкуру. Достаньте свои ножи и копайте! По состоянию песка отчетливо видно, что его недавно старательно заравнивали.

Носатые удивленно смотрели на Олд Шеттерхэнда. Хромой Фрэнк опустился на землю и стал так старательно разрывать песок голыми руками, словно он надеялся найти все сокровища мира. Это побудило других последовать его примеру.

Песок летел во все стороны. Фрэнк едва углубился на десяток дюймов, как закричал, и притом по-немецки:

— Вот оно, господин Шеттерхэнд! Мои пальцы наткнулись на что-то твердое.

— Ройте дальше! — призывал его Джим тоже по-немецки. — Это может оказаться и камень.

— Что! — воскликнул Фрэнк. — Вы тоже используете в качестве родного языка немецкий? Значит, вы тоже родились между Монбланом и Фегезакком?⁹⁸

— Моя фамилия Хофман. Пока для знакомства этого достаточно.

Копайте же дальше!

— Я и так роюсь, как крот или вервольф⁹⁹... Это вовсе не камень, а дерево. Вот оно! Чистые тонкие трубочки.

— Это кактусовые стволы, — объяснил Олд Шеттерхэнд, — которые так соединены между собой, что образуют широкую плоскость, ставшую крышкой тайника.

Его предположение оказалось верным. Прямые, как линейки, трубки были так переплетены, что образовалась прямоугольная крышка, закрывающая неглубокую квадратную яму. Эта яма была вырыта в длину и ширину больше, чем на два локтя, и до краев заполнена всевозможными вещами.

Прежде всего охотники увидели саблю и... военную форму, прикрытую сложенной вдвое старой газетой.

— Офицерский мундир да сабля рыцаря-грабителя, — сказал Фрэнк, вынув клинок из ножен и рубанув им воздух. — Если бы мерзавец оказался здесь, я всадил бы ему в голову порядочное шило.

— Ты, верно, имеешь в виду приму?¹⁰⁰ — уточнил Плутишка Фред.

— Ничего я не имел в виду, по крайней мере — ничего для тебя, старый хвостун и всезнайка! Я достаточно хорошо знаю, что должны означать фехтовальные термины. Еще зеленым отроком я вырезал из дерева саблю, а позднее выучил все связанные с нею технические термины и профессиональные словечки, которые называет *Thermopylus polytechnikus*¹⁰¹. Удар сверху называется «шилом», удар снизу — «шкваркой», почему часто говорят: «Он схлопотал шкварку» — вместо того, чтобы просто сказать: «Его поколотили». Я как лесной деятель в прошлом знаю, пожалуй, лучше тебя, что...

— Пожалуйста, милый Фрэнк, бумагу! — прервал его Олд Шеттерхэнд.

— Прекрасно! Сейчас! Я могу прочесть Фреду нравоучения и позже, когда мы опорожним эту нору убийцы.

Он передал Олд Шеттерхэнду газетный лист. Знаменитый охотник развернул его. Там оказалась написанная карандашом записка, гласившая: «*Venid pronto en nuestro escondite! Precaution! Old Schatterhand esta en casa de Helmers*».

— Что это означает? — спросил Фред. — Ну, Фрэнк, ты же знаток языков.

— Конечно, — послышалось в ответ. — Речь идет об Олд Шеттерхэнде и Хельмерсе. Но этот еврейский текст так искажен

индейскими префиксами и суффиксами¹⁰² и проеден такими индогерманскими трихинами¹⁰³, что у меня с первого же слова все внутри перевернулось. Я умываю руки и лучше уж займусь осмотром офицерской формы.

И он стал весьма старательно обыскивать карманы мундира, а Олд Шеттерхэнд перевел вслух испанский текст:

«Приходите к нашему тайнику! Будьте осторожны! Олд Шеттерхэнд находится у Хельмерса».

Никто не хотел объяснять смысл этих слов. Всем не терпелось узнать, что же находится в яме. А там лежали поношенные, но все еще годные одежды различного фасона, цвета и размера; ружья, пистолеты, ножи, свинцовые заряды, жестяные коробки с пистонами и даже бочонок, наполовину заполненный порохом. Все карманы в одеждах были пусты.

— Одежду мы сожжем, — сказал Олд Шеттерхэнд. — Все прочее — хорошая добыча, и каждый может себе взять все, что ему понравится, оставшееся отвезем к Хельмерсу. Убежден, что у разбойников еще много таких тайников, где они хранят свои трофеи. Форма, вероятнее всего, принадлежала какому-нибудь офицеру, убитому ими. Из всего найденного для меня ценна только записка. Что бы вы сказали о ее содержании, мастер Джим?

— Две вещи, — ответил носатый. — Первое — что парень испытывает перед вами прямо-таки языческое поклонение. Во всяком случае, он бы еще надолго остался в Хельмерс-Хоум, если бы не встретил там вас. Правда, я не знаю, что там произошло, но таково мое мнение.

— А еще какие у вас соображения?

— А во-вторых, с ним были еще сообщники, которых этой запиской он хотел предупредить. Они тоже отправляются в Эстакадо. Но прежде они приедут сюда, чтобы вскрыть эту яму. Он вызвал их в условленное место, обозначенное им также как «тайник». Мне кажется, под этим словом он имеет в виду их секретное место сборищ.

— Таково и мое предположение. Теперь вы можете понять, что потерянные следы искать больше не надо. Этот человек непременно снова встретится с четырьмя своими сообщниками. Чтобы попасть на место встречи, вам надо только отправиться за мошенником. Отсюда его след виден очень отчетливо. В любом случае он ведет к укрытию, о котором упомянуто в записке. А могли бы вы сказать, почему он вызвал туда своих людей?

— Это же понятно, сэр! Главарь банды хочет вместе с другими

разбойниками напасть на переселенцев.

— Я тоже так думаю. К тому же он очень торопится совершить это нападение, о чем свидетельствует его спешка. Он опасается меня, зная, как подозрительно мы к нему отнеслись. Видимо, он убоился, что мы раскроем его замыслы, и вот поэтому он будет, по возможности, торопиться с исполнением своего плана.

— Тогда и мы должны спешить, сэр! Могу ли я рассчитывать на вашу помощь?

— Конечно, но прежде я поговорю с вами об убийстве вождя. Речь идет о том, чтобы предотвратить новое злодеяние. Что здесь предпринять? Что вы нам предложите?

— Я вам? Хм! Носатый Джим должен что-то предлагать самому Олд Шеттерхэнду! Да это же высочайшее из наслаждений! Мы только последуем за вами, сэр, не так ли, старина Тим?

— Да! — согласился его брат. — Ведь Олд Шеттерхэнд очень долго находился в самом центре здешних событий, тогда как мы еще долго будем во всем разбираться. Или ты мог бы что-нибудь предложить, Фред?

— Нет, — ответил тот. — Для придумок я не очень-то подхожу. Но кое-что высказать можно. Самым разумным было бы немедленно поскакать за парнем. Разве не так? Он ведь вожак, то есть душа всего замысла. Если мы его поймем, все расстроится.

— Тут надо все хорошенько обдумать, — ответил Олд Шеттерхэнд. — Он представляет пятерку бандитов. Мы не знаем, действительно ли он главарь всех грифов Льяно. Только поймав вожака, мы обезвредим всех этих стервятников. Впрочем, я не верю, что мы догоним этого парня. Наши лошади устали, а солнце клонится к закату. Прежде чем мы его настигнем, наступит ночь. Нет, пусть он сегодня спокойно скачет — завтра его следы будут видны. Вы заночуете здесь, чтобы схватить тех, кому была предназначена найденная нами записка... Если они, конечно, подъедут. Я с тремя лошадьми вернусь в Хельмерс-Хоум, а потом присоединюсь к вам вместе с Джемми, Дейви и Бобом. На рассвете мы выступим отсюда, и я думаю, что наша поездка не будет напрасной. Тогда нас будет девять человек, и я убежден, что мы справимся с двадцатью, а то и с тридцатью бандитами.

Такое предложение встретило всеобщее одобрение. Каждый выбрал себе то, что ему понравилось из оружия и боеприпасов. Одежду вынесли на свободную площадку и сожгли вместе с сухими ветками мескито. Костер еще дымился, когда Олд Шеттерхэнд вскочил на лошадь. Он обещал позаботиться о провизии, а также о небольшом запасе воды и заметил,

отъезжая и указывая рукой на запад:

— Мне кажется, оттуда что-то приближается — буря или что-то вроде нее. Это — воздушная дыра, которая в Льяно, к сожалению, никогда не приносит дождя.

Он уехал рысью на север, забрав с собой трех лошадей. Оставшиеся принялись внимательно рассматривать западный свод неба, где повыше солнца появилось легкое облако, окрашенное в красновато-серый цвет и сформировавшееся в своеобразное кольцо, в середине которого сфокусировались золотые отблески. Облако выглядело совсем не опасным, и слова Олд Шеттерхэнда показались мимолетным замечанием. Один лишь команч в задумчивости поглядывал на облако, бормоча себе под нос:

— Temb metan!¹⁰⁴

Наконец охотники уселись и в подробностях рассказали братьям о происшедшем в Хельмерс-Хоум, что, естественно, вызвало самое обстоятельное обсуждение. Время летело быстро, и люди не обращали внимания на небосклон, принявший теперь совсем другую окраску. Только команч, молча сидевший в сторонке, отметил это изменение.

Кольцевое облако раскрылось внизу, приняв форму подковы, края которой прямо на глазах удлинялись, образуя две вытянутые узкие полоски, почти достававшие до горизонта. Между полосками виднелось чистое небо. Потом ближняя полоска опустилась, и тогда южный край неба подернулся оранжево-красной дымкой. Казалось, что там бушует буря, вздыбившая вверх, к небу, тучи песка.

На востоке стало темно, хотя никаких облаков не было видно. Внезапно команч вскочил и, забыв про свое самообладание, высшую добродетель индейца, крикнул, указывая на вздыбившуюся с восточной стороны черную стену:

— Mano-timb-yuavah!¹⁰⁵

Вся компания разом вскочила. Только теперь они заметили, что все изменилось вокруг, но когда они посмотрели туда, куда показывал Железное Сердце, ужас парализовал их.

Над самым горизонтом неба мчался всадник, размеры которого, казалось, втрое превосходили человеческие. На темном фоне, в том самом месте, где находилась конная фигура, появилось круглое светлое пятно, перемешавшееся вместе с всадником и с той же скоростью, так что он виделся темным силуэтом в светлой рамке. Его контур, как и контур лошадиного тела, был сверхъестественно большим. Отчетливо различалась вся фигура. В правой руке всадник держал поводья, а левой схватился за

поля шляпы; висевшее за спиной ружье подпрыгивало то вверх, то вниз. Грива и хвост лошади развевались на ветру. Призрачное животное летело по небу, словно вырвавшись из преисподней.

И это происходило днем, за целый час до захода солнца. Удивительное явление произвело неопишное впечатление на оцепеневших от ужаса зрителей. Ни один из них не произнес ни слова, не издал ни малейшего звука.

Черная стена резко, строго вертикально обрывалась к югу. Туда же направлялся всадник. Он приближался к краю черноты. Еще десять скачков лошади... еще пять... еще один — животное прыгнуло в пустоту и исчезло вместе со всадником. Не было больше видно и светлого круга.

Мужчины все еще безмолвно стояли друг подле Друга. Они то переглядывались, то смотрели туда, где появилось и исчезло видение. Тут Джим вздрогнул, как будто в ознобе, и сказал:

— О, Господи! Если это не был Дух Льяно-Эстакадо, пусть меня больше никогда не назовут носатым! Я всегда думал, что эти рассказы — ерунда, но теперь оказался бы свихнувшимся тот, кто стал бы сомневаться. У меня стало как-то мутно на душе. А ты как себя чувствуешь, Тим?

— Примерно так, словно я стал кошельком, в котором нельзя отыскать ни единого цента. Я опустошен, выжат до дна, остались только кожа и воздух. А посмотрите, как быстро изменился цвет неба! Такого еще никогда не бывало!

Действительно, верхняя кромка упомянутой черной стены окрасилась кроваво-красным; огненные клочья над ней то взлетали, то опадали. Один край облачной подковы опустился. И чем ниже он опускался, тем шире и темнее становился. На юге клубилось море пыли и дыма, как бы взбитое бурей. Оно приближалось. Солнце скрылось за плотной завесой, которая ежесекундно расширялась и поднималась. Темная облачная пелена теперь казалась буквально падающей с неба. Испуганных людей внезапно обдало необычайным холодом. В отдалении послышался резкий вой.

— Ради Бога, к лошадям! — закричал Плутишка Фред. — Быстрее! Иначе они удерут! Повалите их! Они должны лежать. Держите их прочно, да и сами плотнее прижмитесь к земле!

Вся пятерка подскочила к трем оставшимся животным, испуганно храпевшим, но не сопротивлявшимся, когда их рванули вниз. Животные залегли в кустарнике, забившись головой под ветки. И едва успели найти укрытие для себя, как разразилась буря. Послышались свист, вой и рев, не поддающиеся никакому описанию. У людей было такое чувство, словно на них внезапно упала плита весом в добрый центнер — с такой силой их

прижало к земле. Подняться было совершенно невозможно. Ледяной холод объял всех. Глаза, носы, рты и уши были словно забиты жутко холодной водой. Люди не могли дышать, они уже совсем задохнулись. А потом их снова пронзило чем-то раскаленным, горячим, и воющие голоса Льяно-Эстакадо замерли вдалеке. Лошади моментально вскочили и громко заржали. Внезапно наступившую темную и холодную ночь сменило светлое солнечное сияние и живящее тепло. Можно было открыть рот, выплюнуть песок и начать снова дышать. Люди задвигались, протерли глаза и огляделись.

Они были покрыты слоем песка толщиной в фут. Таким покровом укутал их торнадо.

Да, это пролетел над ними среднеамериканский вихрь торнадо, разрушительная сила которого ужасна. Скорость ветра достигает в нем ста километров в час, и чаще всего этот вихрь сопровождается электризацией воздуха, которая еще сохраняется после прохождения торнадо. Даже у самума африканских пустынь нет такой силы, и только ужасающие снежные и песчаные бури дикой Гоби достигают такой мощи, которую можно сравнить со стихией торнадо.

Охотники поднялись и стряхнули песок со своей одежды. Кустарник задержал несшийся песок, отложившийся перед зарослями валом высотой примерно в два метра.

— Слава Богу, что все это так легко обошлось, — сказал Джим. — Горе тем, кто оказался в такую бурю на открытой равнине! Вряд ли кто из них спасся.

— Некоторым везет, — возразил Фред. — Подобные ужасные вихри захватывают, к счастью, пространство шириной только в половину английской мили. Зато тем яростнее их сила. Этот неистовый воздушный поток задел нас только краешком. Если бы мы оказались в его центре, то нас вместе с нашими лошадьми унесло бы Бог знает куда, и в конце концов мы бы погибли.

— Верно! — кивнул Тим. — Я знаю об этом, так как однажды на Рио-Кончос видел, что там натворил торнадо. В девственном лесу ураган проложил просеку, прямую, как стрела. Гигантские деревья, метра по два в поперечнике, были вырваны с корнем и лежали в диком беспорядке, одно на другом. Эта просека, естественно, непроходимая, была очень резко ограничена по бокам, так что деревья, стоявшие справа и слева от нее, оказались едва задетыми. Янки называют эти бури hurricane¹⁰⁶ и точно так же зовут поваленные ими полосы леса.

— Это было довольно ужасно! — сказал Хромой Фрэнк. — У меня

кончался запас воздуха, и мои кларнеты свистели почти уже на последнем отверстии. У нас, в Саксонии, тоже бывают иногда бури, но они не такие дикие и необузданные, как здесь. Наш саксонский суперураган предстанет по сравнению с американским торнадо легчайшим майским ветерком, достаточным как раз для того, чтобы остудить черный кофе. И к тому же ваши лошаки затоптали меня до полусмерти. Они под конец бури не хотели лежать и странным образом приняли мою благородную фигуру за...

— Вы, наверное, хотели сказать мулы, — прервал его Джим.

— Не-е, я говорю: лошаки! Если они так обтоптали меня, то это самые крупные ослы, которые могут быть¹⁰⁷. Они истоптали всю артистическую конструкцию моего остготского тела¹⁰⁸. Собственно говоря, я должен потребовать от вас возмещения убытков; но такого единственного в мире, как я, не заменить. Поэтому на этот раз я вас помилую, но на будущий Futurum¹⁰⁹ я должен строжайшим образом запретить такое лошаковство. Fixi et salvavi animal!

— Правильно надо же говорить «dixi» и «animam»! — крикнул Фред¹¹⁰.

— Помолчи-ка! Когда я говорю по-арабски, мне на твое мнение полностью наплевать, — с гневом набросился на него Фрэнк. — Не хватало еще, чтобы такие вот бывшие фокусники позволяли себе подобные замечания на полях! Учи тому, что сам умеешь. Я ведь очень хочу дружить с тобой, но, если ты подобным образом станешь меня злить, я разорву тебя и выброшу во Вселенную, чтобы ты во веки веков летал там чистильщиком падающих звезд. Fixi и еще трижды — fixi, что означает: «Я сказал это» — я, Хромой Фрэнк. Запомни это!

Он перебросил свое ружье с плеча на плечо и, полный достоинства, зашагал прочь — ну, прямо разгневанный Ахилл¹¹¹.

Остальные с улыбками покивали головами, но ни слова не сказали, чтобы еще больше не разозлить его. Фред был уверен, что маленький саксонец скоро вернется.

Солнце, так недавно еще скрытое облаками, снова посылало вниз свои лучи, окрашенные своеобразным, каким-то шафраново-желтым цветом. Горизонт расплылся в этой красочной дымке, и казалось, что справа и слева он несколько приподнят. Получалось, что люди находятся как бы внутри большого полого шара, в самой нижней его точке.

Верховые животные все никак не могли успокоиться. Они боязливо похрапывали и били землю копытами. Они все порывались умчаться прочь, поэтому пришлось их привязать, да покрепче. Воздух был насыщен чем-то

таким, что было просто невозможно дышать. То были не только микроскопические песчинки, а нечто неопределенное, не поддающееся определению.

Команч расстелил свое одеяло на песке и улегся. Даже сейчас, пережив такое грозное явление природы, он хранил сдержанное молчание, так характерное для индейского воина. Трое белых расположились поблизости от него, и Джим спросил:

— Мой юный краснокожий брат уже когда-то переносил подобное испытание?

— И не раз, — ответил юноша. — Железное Сердце был унесен *pinayandan*¹¹² далеко-далеко и погребен в песке, но воины-команчи отыскали его. Он видел вырванные с корнем могучие деревья, стволы которых не могли бы охватить и шестеро взрослых мужчин.

— Но Духа Льяно-Эстакадо ты еще не видел?

— Железное Сердце видел его три зимы назад, когда он пересекал вместе со своим отцом Льяно. Они услышали выстрел. Когда они приблизились к месту, где этот выстрел раздался, то увидели, как оттуда на черном коне ускакал Дух. А на месте остался лежать бледнолицый с дыркой во лбу. Вождь команчей знал убитого. Это был бандит.

— И как же выглядел Дух?

— У него были голова и туловище белого бизона. Вокруг шеи дыбом стояла косматая грива. Он выглядел устрашающе. И тем не менее это — добрый Дух, иначе он не принял бы образ нашего священного животного. Команчи очень хорошо знают, что он убивает только плохих людей, тогда как добрые находятся под его защитой. Железное Сердце знает двух команчей, которые заблудились в Льяно и уже умирали от жажды. Дух пришел к ним ночью, дал воды и мяса, а потом вывел на правильную дорогу.

— Он говорил с ними?

— Он говорил с ними на языке команчей. Добрый Дух говорит на всех языках, которым обучил его Великий Дух. Хуг!

Команч отвернулся. Последнее слово означало, что сказал он уже достаточно, а теперь хочет помолчать.

Фрэнк в это время стоял в сторонке, но когда заметил, что Джим и команч разговаривают, то стал поглядывать на них в каком-то тоскливом ожидании. По своей натуре он просто не мог оставаться в стороне в то время, как другим выпало счастье общения в беседе. Немного помучившись, он медленно подошел и сказал Фреду:

— Я дал тебе время постучаться в свою душу и облагородить ее. Надо

надеяться, ты понял, что тяжко согрешил против моего метода. Ответишь ли ты мне откровенно?

— Да, — ответил Фред с наигранной серьезностью. — Мы же хорошо понимаем, что ты далеко нас обставил.

— Тогда в будущем веди себя мирно и не позволяй столь часто увлекать себя своему необузданному темпераменту. После того, что мы пережили, я думаю, что ты вдвойне готов к примирению. Среди белого дня увидеть живое привидение — это почти рисковать головой. Я чуть не умер от страха.

Он подсел к Фреду, и тот, улыбаясь, сказал:

— Не надо так уже пугаться. Явление, свидетелями которого мы все были, можно, видимо, вполне разумно объяснить. Вспомни о призраке, чье возникновение так убедительно доказал специалист по привидениям Незе!

— Незе? Знаю я такого. Сын его — известный инженер и живет в Блазевице. Он имел честь встретить меня как-то на прогулке в Морицбурге и как раз зачитал мне свой достойный всяческого уважения доклад о привидениях. По его мнению, таковые представляют собой обогащенные смолой воздушные явления, наполовину состоящие из кислорода, наполовину — из озона, которые сгущаются в атмосферных условиях, а потом растворяются туманом и выпадают раскаленными градинами. Но здесь, в Льяно, мы встретились с настоящим Духом. Мы видели его летящим по небу. Это был не воздух и не туман, но зримый образ подлинного сверхъестественного существа. Как можно в этом случае предполагать какой-то оптический обман?

— Хм! Раньше, когда я был фокусником, то сам показывал призраков.

— Помолчал бы уж лучше об этом, потому что изготовление призраков — чистое мошенничество! Каким же это образом ты их показывал?

— Использовал или фотокамеру, или простое оконное стекло.

— Так я тоже умею. Однажды я даже сам сделал camera obscuriosa¹¹³; в общем и целом она мне удалась, но я, к сожалению, забыл сделать дырку, куда вставляют линзы окуляра. Впрочем, этот сорт линз я никак не мог получить от зеленщика. Пришлось до поры до времени оставить эту штуку недоделанной.

При этих словах Фред и оба носатых брата разразились таким звучным смехом, что серьезный команч мигом повернулся и удивленно посмотрел на них. Фрэнк моментально обиделся и прикинул:

— Silicium!¹¹⁴ Тихо! Если вы сейчас же не прекратите свой

издевательский смех, я учиню вам, булочные братья, кровавую расправу — не хуже чем Мохаммед Второй обошелся с карфагенянами!¹¹⁵ Вы, верно, считаете себя умными и мудрыми? Скажу вам прямо, что в вашей потертой философии уже прорвались петли, и весь ваш ум отдает помадой из касторового масла. Вам бы совершенно не стоило смеяться над моей самегра ргосига. Она была сконструирована, и просто я, обычный лесной служащий, не нашел времени сам для себя изготовить линзы. Я вас давно раскусил, но ваше невежество выносил с великодушием, потому что еще надеялся сделать из вас что-нибудь приличное. Теперь я, однако, убедился, что вы неисправимы. Я еще раз покидаю вас и стряхиваю пыль со своих ног. Ваши издевки надобно отомстить. Я уйду, но... manus manum lavendat¹¹⁶, что по-немецки означает: «Моя рука уже моет вам головы лавандой». Теперь ждите! Ху-ху-у-хуг!

Казалось, он сам раздувал собственный гнев, он топал ногами по песку, неистово жестикулировал, а бросив последнее индейское слово, поспешил укрыться за кустами и тем самым примерно наказать остальных, лишив их лицемерия своей драгоценной персоны.

Таким рассерженным его еще не видели. Смех оборвался, и Фред удивленно заметил:

— Я не думал, что он так сильно обидится. Наши насмешки мы должны загладить исключительно вежливым обхождением. Он душа-человек, а его всем известная болтовня только забавляет, не причиняя людям никакого вреда.

Фред рассказал братьям много интересного о Хромом Фрэнке, что, естественно, расположило их к маленькому оригиналу. Ну, а потом, конечно, речь снова зашла о торнадо и о предшествовавшем ему явлении Духа Льяно-Эстакадо. Все были достаточно образованными людьми, в особенности Фред, естественно-научные познания которого были куда выше среднего уровня вестменов. Они были убеждены, что столкнулись с каким-то оптическим явлением, но не могли научно объяснить его.

За разговором время шло быстро, и наступила ночь. Стало так темно, что в пяти шагах нельзя было ничего увидеть. Опять подошел Фрэнк. В такой темноте, да еще в таком пустынном месте, он не хотел оставаться один, однако гнев его еще не полностью испарился. Не говоря ни слова, он улегся, но не подле других, а в некотором отдалении, крайне внимательно прислушиваясь к разговору. Временами он вскакивал, вставляя возражение, когда кто-нибудь, по его мнению, обнаруживал незнание или непонимание чего-либо, но потом опять укладывался. Желание выглядеть обиженным

пересиливало его всегдашнее влечение похвастаться своими обширными, хотя и не всегда точными, познаниями.

Между тем воздух снова стал прозрачным, и дышать стало легче. Слабый ветерок потянул с юго-запада, что было очень приятным облегчением после дневной жары. На небе выступили звезды, по которым можно было легко сориентироваться.

Они больше не говорили между собой, пытаясь уснуть. Появление какого-нибудь врага казалось в этих местах невероятным, а Олд Шеттерхэнда ждать было еще рано. Белые постепенно заснули, а команч устался широко открытыми глазами в небо, хотя минувшей ночью он не соснул ни минуты. Смерть, точнее, задуманное убийство занимало все его существо и требовало от него мести.

Так уходили минуты. Внезапно спящих разбудил громкий вскрик индейца. Они испуганно вскочили.

— Mava tuhschta!¹¹⁷ — сказал он, показывая на юг.

Несмотря на темноту, белые увидели его вытянутую руку и посмотрели в указанном направлении. У горизонта, где сходились земля и небо, показалось светлое пятно. Вроде бы в этом не было ничего необыкновенного, но оно приковало к себе внимание мужчин.

— Хм! — проворчал Джим. — Если бы это было на востоке, я бы поверил, что мы так долго проспали и там начало светать.

— Нет, — сказал его брат Тим, — утренние сумерки выглядят по-другому. Границы этого светлого пятна слишком резкие.

— Это потому, что стоит темная ночь.

— Но ведь именно поэтому еще не должно рассветать. День и ночь переходят друг в друга постепенно. Там же — резкие контуры.

— Может, это пожар?

— Пожар в Льяно, где нет деревьев? Хм! Что там может гореть? Песок, что ли? Это было бы изрядной новостью.

— Да уж! Если бы еще и песок загорелся, это было бы, разумеется, весьма удивительно. Тогда нам оставалось бы только сесть поскорее в седла и скакать прочь отсюда. А как бы ты мог иначе объяснить это пятно?

— Объяснений у меня тоже нет. Впрочем, пятно это растет, а ветер при этом поворачивает. Прежде он дул с юго-запада, а теперь перешел на западный, становясь все сильнее и холодней. Что бы это значило?

— Только не северное сияние, — сказал Фред. — А южного сияния здесь еще, пожалуй, и вовсе не бывало.

Фрэнк до сих пор молчал. Теперь терпение его кончилось, и он должен был говорить, иначе его сердце не выдержало бы.

— Это светлое место у горизонта кое-что означает, — сказал он. — Во всяком случае, оно связано с Мстящим Духом. Сначала он поскакал на юг. Может быть, там расположен его вигвам, и теперь Дух сидит у своего костра.

Остальные опять бы охотнее всего рассмеялись, однако они подавили в себе это желание, а Фред возразил:

— Ты полагаешь, что Дух палит костры?

— А почему бы и нет? На таком, как сейчас, холодном ветру...

Ветер и вправду стал пронизывающим. Он все сильнее поворачивал к северу. А светлое пятно на юге все больше разрасталось вверх. Казалось, что восходил диск какого-то огромного небесного светила. Сияние образовало теперь почти полукруг с кроваво-красным ядром внутри. К краям интенсивность окраски убывала. Пятно замыкалось резкой кривой линией, по которой, отчетливо выделяясь на темном фоне облаков, перекачивались искристые огненные шары.

Все это представлялось одновременно и жутким, и роскошным зрелищем. Пятеро мужчин застыли в изумлении. Они едва отваживались говорить.

Ветер теперь дул прямо с севера. В какую-то четверть часа он обошел с полгоризонта. При этом, однако, не наблюдалось никакого шума или рева. Ветер, скорее, тихонько веял в коварной тишине по столь великолепно освещенной долине. И при том ветер был таким холодным, что хотелось укутаться в меховую одежду.

— Олд Шеттерхэнд должен бы видеть это! — сказал Плутишка Фред. — К сожалению, он еще не вернулся, потому что теперь еще только полночь.

— Полночь! — воскликнул Хромой Фрэнк. — Да это же час духов. Верно, там, где горит, может случиться что-то ужасное!

— Что же ужасного там может произойти, кроме пожара?

— Не задавай бессмысленных вопросов. Около полуночи открывается преисподняя, и духи выходят наружу. В течение целого часа они безобразят. Я знаю это, потому что у меня даже ночью глаза открыты. Как у каждого народа в разных странах есть свой характер, так и у духов в любой местности есть свой темперамент и свои особые наклонности. В одной стране духи крутят людям шеи, в другой — душат их на перекрестках дорог. Саксонцы — самые добродушные и приветливые люди в мире, а поэтому у нас обитают с давних времен добродушнейшие привидения. Их проделки воспел поэт эльбинского края:

На Камне Вороньем лишайном

Под Перне и Кенигштайном
Духи толпой нелюбезной
Играют в кегли над бездной.

Но кто же знает, какие особые увлечения у здешних духов? А они могут быть из самых худших, самых опасных. Поэтому мы должны остерегаться... Батюшки-светы! Ну разве я был не прав? Посмотрите-ка вон туда! Там проскакал Он!

Последнюю фразу Фрэнк выкрикнул испуганным голосом. Но то, что он увидел, на самом деле могло бы нагнать страху на самого отважного человека. Снова появился Дух Льяно-Эстакадо.

Как уже было сказано, странное светлое пятно образовало теперь огромный полукруг в южной стороне небосклона. И вот там, — где дуга этого полукруга прикасалась слева к горизонту, снова показался всадник. Лошадь его была черной, а сам он — белым. Силуэт всадника напоминал бизона. Отчетливо виделись голова, украшенная рогами, шея с не очень длинной, но растрепанной, развевающейся по ветру гривой, и тело, смыкавшееся с задней частью лошадиного крупа. Контуры этой странной фигуры были окаймлены огненными линиями.

Лошадь летела бешеным галопом, причем двигалась не прямолинейно, то есть по видимому диаметру этого пылающего полукруга, а как бы приподнимаясь по дуге. Но под ногами у нее постоянно оставалась земля.

Так лошадь домчалась до верхней точки таинственного пятна, а потом начала спуск по правой дуге сияющего диска к тому месту, где дуга эта касалась горизонта. Там видение исчезло так же внезапно, как и появилось.

Зрителей бросало то в жар, то в холод. Не помогал и ветер, обвевавший их холодным воздухом. Надо ли было думать об оптическом обмане? Нет, виденное было неоспоримой действительностью. Люди не находили слов для выражения своих чувств. Даже степенный команч вышел из себя и постоянно повторял «Уф-ф!».

Мужчины застыли в неподвижности, ожидая, не повторится ли еще раз то же самое явление — но напрасно. Еще некоторое время небесный полукруг пылал во всю силу, потом край его потерял прежнюю резкость, и свет стал бледнеть.

И тут где-то сзади послышались мягкие удары копыт по песку. Подъехавшие всадники остановились возле застывшей группки и спешили. Первым подошел Олд Шеттерхэнд.

— Слава Богу, что вы еще живы! — воскликнул он. — Я уже считал вас погибшими и думал, что придется выкапывать из песка ваши трупы.

— Такого зла торнадо нам все же не причинил, — ответил Фред. — Он

только слегка задел нас, сэр. Вы, должно быть, весьма торопились — мы не надеялись на такое быстрое ваше возвращение.

— Да, за нами парфорсная скачка¹¹⁸. Речь шла о вашем спасении. Поэтому и мастер Хельмерс поехал со своими людьми, как видите. Мы очень беспокоились о вас. Торнадо прошел вплотную к Хельмерс-Хоум. Мы видели причиненные им опустошения. А так как он двигался в вашем направлении, то мы предположили, что он и вас задел. К счастью, он еще благосклонно обошелся с вами.

Все приехавшие тоже выражали свою радость. Это были Джемми, Дейви, Боб и Хельмерс с несколькими своими людьми. Первые двое из названных узнали от Олд Шеттерхэнда о носатых братьях. Они радовались встрече с ними, но мало говорили об этом, потому что прежде надо было обсудить более важные дела.

Фред вкратце сообщил о двукратном появлении Духа. Джемми и Дейви молча покачали головами. Они не хотели обидеть рассказчика своим недоверием. А Хельмерс сказал:

— То, что вы нам сказали, сэр, должно быть правдой, потому что это видели многие. Разумеется, понять и объяснить это я не могу. Пожалуй, нет ни одного человека, который смог бы неопровержимо доказать, имеем ли мы дело с призраком или с реальным существом.

— О, такой человек есть! Это — я! — ответил Хромой Фрэнк. — Не может быть и речи о призраке, потому что мы ясно разглядели фигуру всадника. Это какое-то неземное существо, которое может скакать по воздуху. В этот момент мы как раз оказались в самой середине полночного часа духов. Это обстоятельство все объясняет и является вернейшим доказательством того, что мы имеем дело с некой усопшей душой, приходящей с того света. Не думаю, чтобы кто-нибудь решился опровергнуть мое мнение.

Он ошибся, потому что Олд Шеттерхэнд хлопнул его по плечу и сказал, хотя и очень дружески:

— И чего же можно ожидать, милый Фрэнк, если кто-то осмелится вам возражать?

— Хм... разного... в зависимости от личности. Любого другого я бы буквально убил своими доказательствами, так что его земное существование было бы навеки разрушено. Но если бы вы отважились на один маленький скромный вопросик, то я в виде исключения готов дать с максимальной любезностью желаемое разъяснение.

— Разъяснений я от вас не требую. То, что явление во второй раз произошло в полуночный час, еще не служит доказательством его

неземного происхождения, тем более — вы подобное видели прежде, в дневное время. Если вы дадите мне подробное описание того, что произошло, то я убежден, что смогу его объяснить.

— Такие возражения я мог бы опровергнуть, но поскольку имею дело с вами, то опишу это событие, так как из всех присутствующих вы — единственный, кто является серьезным оппонентом.

Маленький саксонец дал превосходное и очень подробное описание двукратного появления Духа. Олд Шеттерхэнд, впрочем, иногда перебивал его рассказ своими вопросами.

Тем временем сияние на южной стороне неба все больше и больше бледнело и размывалось. Казалось, оно вот-вот совсем исчезнет. В продолжение нескольких минут оно еще виднелось тусклым мерцанием, потом стало внезапно светлее, но до прежней высоты никак не поднималось, перемещаясь постепенно к западу, словно проблески искр по тлеющему фитилю. В западной стороне оно остановилось и с чудовищной скоростью излилось в огненное море, осветившее полнеба.

— Тысяча чертей! — завопил Фрэнк. — Опять начинается! Никогда я еще не переживал такого часа духов. Этот огонь сверхъестественного происхождения, так как...

— Ерунда! — прервал его Олд Шеттерхэнд. — Все объясняется очень легко. Это — совершенно естественный огонь.

— Что же там горит?

— Высохшие кактусы. Известно, что в Льяно есть тянущиеся на много миль участки, столь густо покрытые кактусами, что всадник через них не проедет. Когда растения засыхают, достаточно одной-единственной случайной искры, чтобы через несколько мгновений запылало море огня.

— Верно, — согласился Хельмерс, — я точно знаю, что к югу и западу от этого места раскинулись большие заросли кактусов.

— Ну, стало быть, объяснение возникновения пожара у нас есть, а обоих мнимых призраков мы скоро тоже ухватим за шиворот.

— Ого! — вмешался Хромой Фрэнк. — Мнимых призраков? Но духи-то были настоящие. А как это вы догадались, что появлялось два духа?

— Это видно по фигурам. Первый призрак, появившийся днем, был так называемый драгунский офицер. Кто был вторым, я еще, конечно, не могу сказать. Я не знаю никого, кто бы носил белую бизонью шкуру.

— Оставьте-ка теперь меня в покое, господин Олд Шеттерхэнд! Я, правда, признал, что вы — единственный человек, которому я разрешу поправлять мой рассказ, но надо же знать меру. Ни один человек не может заскочить туда, на небо, а это как раз и произошло — мы все впятером это

отчетливо видели.

— Да, отражения перемещались по воздуху, но оригиналы скакали по земле.

— Отражения? Ну, это уже слишком! Я за всю свою жизнь еще не слышал, чтобы отражения могли скакать, да еще при этом по воздуху! Собственно говоря, как же возникли эти отражения?

— При помощи многих различно нагретых потоков воздуха, которые образуются, например, там, у огня.

— Так! Значит, отражения возникают из-за потоков воздуха! Для меня это нечто новое. До сих пор я думал, они могут возникать только при помощи карандаша или фотографии.

— А с помощью зеркала?

— Да, об этом я позабыл.

— Ну вот, при некоторых обстоятельствах воздух действует подобно зеркалу.

— Так! Теперь мне стало яснее, потому что по объяснению природы миражей я самый знаменитый из всех мастеров.

— Прекрасно! Тогда вы согласитесь также, что ваши духи были только воздушными отражениями, миражами, точно так же, как...

Он прервал свою речь на полуслове. Теперь его внимание привлекло зарево пожара, темно-красным огнем окрасившее горизонт, над которым подвижной крышей непрестанно клубились облака. А повыше этих облаков, но с другой стороны горящих кактусов, свободно воспарив в воздушном пространстве, разворачивалось теперь перевернутое изображение ровной местности, освещенной огненно-красным заревом. И вот слева, у самого начала изображения, из темноты выскочил всадник — точно такой же, в бизоньей шкуре, какого пятеро видели прежде, только перевернутый вверх ногами.

— Точно такой же, как вот этот! — продолжил Олд Шеттерхэнд, указывая на мираж.

Он еще не успел договорить, как показался другой всадник, преследующий первого.

— Батюшки-светы! — вскрикнул Хромой Фрэнк. — Это же тот, кто пронесся сегодня под вечер как *tormenado*¹¹⁹.

— Так! Это он? — ответил Олд Шеттерхэнд. — Теперь вы согласитесь со мной, что речь идет о двух различных призраках. А скоро и новые появятся!

И действительно: за уже упомянутой фигурой следовали пять-шесть всадников; все они мчались галопом, но перевернутые головами вниз.

— Это уж слишком! — сказал Хромой Фрэнк. — Будь я один, я бы не поверил своим глазам. Огромное спасибо за такой вот час духов! Я, правда, слышал о привидениях, скачущих по ночам, взяв под мышку собственную башку. Но когда они скачут на головах — с меня этого довольно.

— Но в этом же нет ничего особенного. Прежде отражения преломлялись в воздухе несколько раз, а это — лишь один. Впрочем, сейчас мы познакомимся с этими духами. Скорее на коней, джентльмены! Определенно, первый всадник и есть так называемый Дух Льяно-Эстакадо. Его преследуют остальные, а так как он храбрый парень, мы о нем немного позаботимся.

— Вы с ума сошли! — закричал Фрэнк. — Это было бы настоящим прегрешением перед миром духов. Вдумайтесь в то, что говорит бессмертный Гете:

О человек, богов не искушай
И не пытайся никогда взглянуть
В тот мир, где дух
Своей семье прокладывает путь!

Но его никто не слушал. Все подчинились приказу Олд Шеттерхэнда. Таково было доверие к этому человеку, что все были убеждены: он не потребует от других чего-то недозволенного.

— Лошадей тоже берем с собой? — спросил Хельмерс.

— Да, было бы очень трудно удержать их всех здесь. Впрочем, вы должны были сопровождать нас только до этого места: в теперешних обстоятельствах, однако, вы, пожалуй, проедете с нами еще немного.

— Конечно! Я весьма охотно перекинулся бы словечком с Мстящим Духом.

Две выючные лошади, прихваченные с собой Хельмерсом, были взяты его людьми за поводья. Фрэнк тоже сел на свою лошадь. Не страх, а извечное стремление к сопротивлению побуждало его возражать.

Небольшой отряд тронулся в путь, а затем карьером помчался по равнине.

Как только всадники оставили прежнее место, исчез и мираж. Лишь были еще видны отсветы пылавшего огня.

Впереди скакал Олд Шеттерхэнд, сразу за ним — оба носатых брата, мулы которых как одержимые следовали за вороным жеребцом знаменитого охотника. Тот скакал не прямо на зарево, а забирал гораздо севернее. Он не мог видеть свою цель — он должен был вычислить ее. А это было очень трудно, так как отражение, уже исчезнувшее к этому времени, не давало верной точки отсчета, и всадники, которых он искал,

удалялись с большой скоростью.

Маленький отряд летел, как молния, Олд Шеттерхэнд вынужден был остановить своего вороного, иначе другие не могли бы поспеть за ним. В какие-нибудь десять минут они оставили за собой, почитай, три мили. Однако еще было незаметно, чтобы они значительно приблизились к огню, яркость которого, скорее, усиливалась, чем ослабевала.

Прошло еще минут десять. Тогда Олд Шеттерхэнд громко закричал, поднял руку и показал направо.

Оттуда приближались две точки: та, что посветлее — впереди, ее преследовала более темная. Еще дальше возникло несколько таких же темных точек, двигавшихся со скоростью, не уступавшей двум передним. Это были всадники, совершенно реальные.

Огненное зарево освещало их сзади и чуть со стороны, что позволяло уже издали различить косматую фигуру переднего наездника. Олд Шеттерхэнд придержал вороного и выскочил из седла.

— Всем спешиться! — крикнул он. — Так как мы едем из темноты, они нас еще не увидели, а сами они у нас прямехонько перед глазами. Прикажете лошадям лечь. Но как только я встану, вы все сделаете то же.

Отряд повиновался его требованию.

Олд Шеттерхэнд благоразумно выбрал небольшое углубление, остававшееся в тени. Лошади легли на землю, а всадники опустились возле них на корточки. Теперь тот, кто бы влетал из освещенного заревом пространства в темноту, не смог бы их увидеть.

Напротив, Олд Шеттерхэнд и его друзья могли удобно наблюдать за раскинувшейся перед ними местностью. Передовой всадник был от них на расстоянии примерно шестисот метров. Еще в половине этой дистанции следовал другой, а далее, точно в таком же отдалении, скакала остальная шестерка.

— Что с ними делать, сэр? — спросил Хельмерс. — Мы их перестреляем?

— Нет. Они нам ничего плохого не сделали, а людскую кровь я проливаю только тогда, когда у меня есть веские причины для этого. С первым преследователем я, конечно, мог бы перекинуться парой словечек. Позволь мне заняться этим сначала одному. Вам пока не надо ничего предпринимать — только отгоните тех шестерых.

Он размотал свое лассо, которое, скрученное, висело у пояса. Один конец, с узлом, он закрепил за луку седла своего спокойно лежавшего на песке жеребца. Другой конец, с петлей, достаточно просторной, чтобы охватить человеческое тело, он сложил в кольцо. Оставшиеся добрых

двадцать локтей длинного ремня он намотал на локоть, потом перехватил в левую руку, оставив петлю в правой и держа ее большим и указательным пальцами.

С изготовкой лассо Олд Шеттерхэнд управился еще до появления всадника. Всадники скакали прямо на ложбинку.

Стал слышен стук копыт первой лошади — высокого вороного коня. На голову всадника был надет череп белого бизона, чья лохматая шерсть просторными складками падала на круп лошади. Череп был так глубоко надвинут на лицо, что сделал его неузнаваемым.

Когда всадник оказался шагах в десяти от ложбинки, Олд Шеттерхэнд поднялся. Всадник сразу же увидел его, но не мог достаточно быстро остановить своего коня, замершего только перед самым Олд Шеттерхэндом.

— Стой! — приказал охотник. — Кто ты?

— Дух Льяно, — глухо вырвалось из-под бизоньего черепа. — А ты кто?

— Я Олд Шеттерхэнд. Слезай! Мы защитим тебя!

— Мстящий Дух не нуждается в защите. Благодарю тебя!

После этих слов он погнал своего вороного дальше. Обмен короткими фразами продолжался всего несколько мгновений. Тем временем приблизился второй всадник. Олд Шеттерхэнд встал над крупом своего лежащего на земле жеребца, одна нога справа от седла, другая — слева, с лассо в обеих руках. Легкое пощелкивание языком — и прекрасно выдрессированный жеребец резко вскочил.

Второй всадник испугался столь внезапно возникшей на его пути фигуры. Он также не смог осадить лошадь так быстро, как хотелось, но справился с этим значительно скорее, чем только что это проделал «дух». Он почти вплотную подъехал к Олд Шеттерхэнду.

— Остановитесь! — приказал тот. — Кто вы такой?

— Гром и молния! Олд Шеттерхэнд! — вырвалось у парня. — Хо! Пошел к черту!

Он пришпорил лошадь, намереваясь ускакать.

— Остановитесь, говорю я! — приказал ему охотник. — Мне хотелось бы взглянуть в ваше лицо.

— Позже, когда меня это больше устроит!

И с этими словами он снова пришпорил лошадь. Олд Шеттерхэнд оказался за его спиной.

Едва незнакомый всадник произнес свои последние слова, как юный команч вскочил с земли.

— Уф-ф! — выкрикнул он. — Этот голос я знаю. Железное Сердце тоже хочет поговорить с этим человеком.

Он вскинул свое ружье, приложился к прикладу щекой и прицелился, но сразу же опять опустил оружие, сказав:

— Олд Шеттерхэнд уже взял его!

Беглецу едва удалось оторваться на десять лошадиных прыжков, как Олд Шеттерхэнд, преследовавший его по пятам, раскрутил сложенное петлей лассо четыре-пять раз над головой, а потом бросил его вслед всаднику. Лассо взлетело в воздух, и петля обвила беглеца точно на высоте плеч. Олд Шеттерхэнд сразу же остановил своего вороного. Так как лассо было закреплено у седла, то ремень туго натянулся, петля спеленала всадника, и того вышибло из седла.

Олд Шеттерхэнд немедленно спрыгнул с коня и поспешил к пленнику. Тот лежал на земле и не мог освободиться от лассо, поскольку руки его были плотно притянуты к телу.

Тем временем остальные подъехали уже близко, и спутники Олд Шеттерхэнда быстро подняли своих лошадей и вскочили в седла. Шестеро парней немало удивились или, скорее, испугались, увидев перед собой превосходящих их числом всадников. Вначале они попробовали свернуть в сторону, чтобы объехать неожиданную преграду. Но увидев, что их вожак выбит из седла, шестерка почувствовала себя слишком слабой для оказания ему помощи, и сразу же рассеялась поодиночке, поскакав в разные стороны.

Этот последний маневр они выполнили, чтобы затруднить преследование, но за ними никто не погнался. Олд Шеттерхэнд не захотел этого делать. Беглецам позволили беспрепятственно удрать, и все отправились к лежащему на земле предводителю шайки.

Того уже разоружил Олд Шеттерхэнд, после чего охотник сказал:

— Вы бы сделали умнее, сэр, если бы подчинились моему приказу! Тот, кому я приказываю остановиться, непременно должен сделать это — добровольно или вынужденно, смотря по выбору. Будете ли вы столь любезны, чтобы назвать мне свое имя?

Ответа не последовало.

— Вы не хотите оказать мне такую любезность? Вы, кажется, стесняетесь сделать это. Ну-ка, посмотрим вам в лицо.

Олд Шеттерхэнд обхватил его своими сильными руками, приподнял и поставил на ноги так, что лицо пленника стало видно в отсветах зарева.

— Черт возьми! — закричал Хельмерс. — Да это же наш знакомый драгунский офицер! Рад, что мы так быстро встретились! А мы тут пока

раскрыли и опорожнили ваш склад в кустарнике, сэр! Вы его плохо охраняли. Мы нашли и вашу форму. Что, по-вашему, мы должны делать с вами?

— Ничего вы мне не сделаете, — пренебрежительно бросил парень. — Кому из вас я сделал хоть малейшее зло?

— Непосредственно нам вы еще ничего не успели сделать. Однако ваши планы были преступными, а поэтому, по закону прерий, мы должны бы наказать вас, но мы не палачи, а значит, позволим вам уйти.

— Вы должны это сделать, потому что ничего плохого я вам не сделал.

— О, кое-что доказать было бы возможно, но в этом нет необходимости. Итак, я повторяю вам, что мы вас отпускаем, именно мы, белые. Но здесь стоит краснокожий, у которого, может быть, есть особый счет к вам. Посмотрите-ка на него!

Команч выступил вперед. Пленник посмотрел на него и сказал:

— Этого парня я не знаю.

— Не лги, мерзавец! — выкрикнул Тим. — Может быть, и меня с братом ты не знаешь? Разве не ваша шайка напала на двух ни в чем не повинных команчей, одного из которых вы убили, другого преследовали до тех пор, пока нам не удалось сбить вас со следа? Потом мы бросились за вами в погоню, и наконец-то ты попался нам в руки. Ты сберег нам много сил. Надеюсь, ты больше не воображаешь, что сможешь вывернуться с помощью лжи? Не тяни время и признай свою вину!

— Я не знаю за собой никакой вины, — сказал пленный.

Тогда Олд Шеттерхэнд положил ему руку на плечо и сказал:

— Вы видите, как обстоят дела, а вас мне охарактеризовали как человека, с которым нельзя шутить. Что вы собирались сделать с переселенцами, которых должен был завести в Льяно набожный мастер Тобайас Прайзеготт Бартон? Где находятся эти люди теперь и зачем вы подожгли кактусы? Если вы ответите мне на эти вопросы в соответствии с истиной, то можете ожидать мягкий приговор.

Но парень был так ожесточен, что упорствовал во лжи, несмотря на все обвинения.

— Не знаю, что вы хотите. Я не знаком с этим индейцем, как и с двумя этими парнями, которых природа наделила ужаснейшими носами. И менее всего я знаю о человеке, которого вы назвали Тобайасом Прайзеготтом Бартоном. О каких-то переселенцах мне тоже ничего не известно.

— Почему вы гнались за Духом Льяно-Эстакадо?

— Какой Дух! Просто смешно! Этот негодяй убил одного из наших, закатив ему пулю прямо в лоб.

— Больше вам сказать нечего?

— Ни единого слова.

— Тогда и я с вами закончил. Ваши планы будут расстроены, потому что мы возьмем переселенцев под свою защиту. Вы, значит, лгали только себе во вред. Теперь пусть мой юный краснокожий брат скажет, в чем он обвиняет вас.

— Этот человек стрелял в вождя Огненную Звезду, моего отца, отчего вождь умер. Хуг!

— Я тебе верю, а поэтому убийца теперь принадлежит тебе. Делай с ним все, что тебе понравится!

— Гром и молния! — закричал пленный. — Справедливым поступком ваши действия не назовешь. Вначале вы связали меня лассо, и, конечно, теперь негодяю будет легко убить меня!

Команч презрительно махнул рукой и сказал:

— Железное Сердце даровых скальпов не берет. Он будет судить убийцу, но при этом станет действовать так, как это подобает храброму воину. Пусть мои братья немного подождут!

Он поспешно умчался в темноту ночи и вскоре вернулся, ведя в поводу лошадь Стюарта. Потеряв всадника, она скоро остановилась, а острое зрение индейца подсказало ему, где ее найти.

Краснокожий снял с себя и отложил в сторону все свое оружие, оставив только нож. Потом он вскочил на лошадь и сказал:

— Мои братья могут развязать этого человека и дать ему в руки нож. Потом он может забраться на свою лошадь и скакать, куда ему вздумается. Железное Сердце последует за ним и будет с ним драться. Оружие равное: нож против ножа, жизнь против жизни. Если через час Железное Сердце не вернется, значит, он лежит мертвый в песках Льяно-Эстакадо.

Так захотел храбрый юноша, и, значит, надо было выполнять его волю. Стюарт был освобожден от пут, ему дали в руки нож, и он, вскочив в седло, немедленно умчался, успев напоследок еще бросить:

— Эй! Не все люди так глупы. Теперь вы ничем не сможете повредить моим планам, а потом — храни вас всех Бог!

Железное Сердце издал пронзительный боевой клич команчей и стрелой полетел на своей лошади за врагом.

Оставшиеся не стали обсуждать происшедшее. Правда, усаживаясь на землю, они перебросились кое-какими замечаниями, но все случившееся оказало на всех такое гнетущее воздействие, что лучше уж было помолчать.

Время текло медленно. Пламя пожара убавило свою силу. Внезапно послышался топот галопом несущихся лошадей. Это возвращался команч,

удерживая за повод лошадь своего врага. У пояса индейца висел только что снятый скальп. Сам индеец невозмутимо восседал в седле, как будто бы ничего не произошло.

— Одного из убийц Железное Сердце послал к своему отцу, — сказал он, спешившись и подходя к ожидающим. — Другие скоро последуют за ним. Хуг!

Это был кровавый конец сегодняшнего часа духов.

Глава четвертая. В ЮАФ-КАЙ

Один из дальних уголков Дикого Запада расположен там, где юго-восточный кусок штата Нью-Мексико вклинивается в Техас. В этом месте соприкасаются земли команчей и апачей — именно это обстоятельство всегда делало эту местность опасной.

Там, где живут рядом команчи и апачи, пожалуй, никогда не будет прочного мира. Обоюдная ненависть угнездилась слишком глубоко, и даже в такие времена, когда топор войны зарыт основательно, пагубный огонь продолжает тлеть под золой и при малейшем поводе может снова вспылать кровавым румянцем.

Лишь на короткое время затихала вражда между ними, а больше всего жертв было, естественно, там, где стыкуются владения соперничающих племен. Конечно, границу образует не прямая линия, тем более, что граница пока вообще не закреплена, поэтому взаимные обвинения в ее нарушении поступали чрезвычайно часто, после чего обычно, если воспользоваться выражением Бисмарка, «ружья разряжались сами собой».

«The shears»¹²⁰ называют вестмены эти опасные места, что кажется очень метким выражением. Пограничные линии подвижны; они открываются и закрываются, словно ножницы, и тот, кто попадет между ними, может благодарить судьбу, если уйдет невредимым. Рискнувший там показаться белый относится либо к очень смелым, либо к чрезвычайно неосторожным людям; в обоих случаях над его головой постоянно кружится «дух смерти».

Со Сьерра-Дьябло, Чертовых гор, течет река Тойа и впадает в Рио-Пекос, которая является границей между областями команчей и апачей. Западнее этой границы местность постепенно повышается к Сьерра-Гвадалупе, Сьерра-Пиларос и Сьерра-Дьябло, тогда как восточнее лежат Стейкед-Плейнз — печально известное Льяно-Эстакадо.

Но Льяно начинается не от берегов Рио-Пекос; оно отделено от реки горной цепью, идущей в юго-восточном направлении то как единый хребет, то несколькими отрогами. Между этими отрогами располагаются продольные долины, чаще всего весьма унылые на вид, и узкие пропасти поперечных лощин, открывающихся в сторону Льяно-Эстакадо.

Благодаря близости реки, особенно там, где имелась почва, появлялась растительность, порой даже буйная. Словом, «пустыня» здесь, так же как в Гоби или Сахаре, нельзя было понимать буквально. Там, где западный край

Льяно-Эстакадо поднимается к упомянутым горам, низвергаются многочисленные мелкие водотоки, которые, правда, по большей части теряются в песках, но по пути дарят столько влаги, так пропитывают прилегающие земли, что на их берегах могут произрастать кусты и даже деревья. Эти зеленые оазисы вдавались подобно языкам или полуостровам в песчаное море Льяно, образуя между собой то более широкие или узкие, то более глубокие или мелкие «бухты», в которых находили влагу травы. Ходила даже молва, что где-то посреди Льяно есть значительный источник питьевой воды, поднимающийся из земных глубин и образующий маленькое озерцо, берега которого обрамлены зарослями кустарников и деревьев. Об этом говорили старые охотники, но сами они никогда не видели ни источника, ни озера. Ученые люди, когда слышали об этом, высказывали мнение, что наличие водоема посреди Льяно нельзя считать гидрологически невозможным.

На берегу речки Тойа сидели четверо мужчин, вид которых не вызывал никакого доверия, их буйные, всклокоченные прически и бороды были наверняка долгое время лишены всякого ухода; одежда их пребывала в том состоянии, которое любой портной объявил бы неисправимым, а их загорелые руки и выдубленные непогодой лица, казалось, месяцами не мылись. Зато вооружены они были прекрасно: возле каждого лежало ружье, заряжающееся с казенной части, а за поясом торчали рядом с ножом по два револьвера.

Трое из сидевших были янки¹²¹. Их длинные худые лица, узкогрудые тела и резко выраженные черты лица доказывали это. Но национальность четвертого определить было труднее.

У этого человека были коренастая фигура, исключительно большие руки и широкое лицо с очень большими, сильно оттопыренными ушами. Кто хоть мимолетом бросал на это лицо взгляд, мог бы принять его хозяина за негра, потому что лицо было черным или, скорее, синевато-черным, но только до уровня глаз. Человеку с таким черным лицом приходилось очень глубоко надвигать на лоб шляпу, а как только он приподнимал ее на затылок, то можно было увидеть, что на лбу кожа была белой.

Несмотря на такой дефект, в лице не было ничего отталкивающего. Всякий, кто вглядывался в него пристальнее, приходил к непоколебимому убеждению, что перед ним добрый парень.

Точно так же обстояло и с тремя другими. Если бы кто увидел их в теперешнем облачении где-то в цивилизованном месте, то непременно бы отошел подальше, но при более близком знакомстве его опасения должны были бы немедленно исчезнуть.

По виду лошадей, которые паслись между кустами, в густой траве, было видно, что они очень устали. Седла и сбруя были старыми, не раз по нужде латанными чем попало.

Хозяева лошадей обедали. По разбросанным вокруг костям можно было понять, что совсем недавно мужчины жарили на костре енота. В угасающем костре еще тлели угольки. Жуя и беседуя, четверка не переставала зорко оглядывать окрестности. Они находились в «ножницах», где рекомендована величайшая осмотрительность.

— Самое время решиться, — говорил янки, казавшийся постарше остальных. — Если поедем через Льяно, так раньше доберемся до цели, зато подвергнемся многим опасностям и съедим последний кусок мяса здесь, возле костра. Выберем дорогу вниз по Рио-Пекос — нам не придется страдать ни от голода, ни от жажды, но на этот объезд у нас уйдет почти неделя. Каково твое мнение, Блаунт?

Сидевший возле него мужчина задумчиво погладил бороду, а потом ответил:

— Подумаю обо всем и все взвесив, я бы предложил ехать через Льяно. Думаю, ты, Портер, со мной согласишься.

— Тогда излагай свои соображения.

— Неделя — слишком долгий срок, и я не хотел бы тратить столько времени. У Рио-Пекос нам придется опасаться команчей и апачей, на Равнинах — грифов Льяно. Так что эти две опасности уравниваются. И потом нам вовсе не надо пересекать Равнины по всей их широте. Если мы будем держать на юго-восток, в направлении на Рио-Кончос¹²², то выберемся на дорогу, ведущую от Форт-Мейсона до Форт-Литона, и тогда нам не стоит бояться ни разбойников, ни голода, ни жажды. Таково мое мнение. Что ты на это скажешь, Фолсер?

— Согласен с тобой, — ответил Фолсер, третий янки. — Я вообще придерживаюсь того мнения, что Льяно и вполтину так не опасно, как это некоторым кажется. Кто хоть раз пересечет его, тот, чтобы как следует прославить себя, расписывает опасности, как будто он прошел суший ад. Я бы охотно познакомился с этими Равнинами.

— Ты так говоришь именно потому, что не знаешь Льяно, — сказал Портер.

— А ты разве уже познакомился с ним?

— Нет, но я слышал, как люди, в правдивости слов которых я несколько не сомневаюсь, так говорили о нем, что у меня мороз шел по коже. Теперь, когда мы оказались на границе Льяно, я осознал, какое рискованное предприятие мы задумали осуществить. Ни один из нас не

знает Льяно. Если мы заблудимся, если у нас кончится вода, если...

— Если, если и еще раз если! — прервал его Блаунт. — Кто называет столько много «если», тот вообще не сможет ничего предпринять. Ты же был смелым парнем. Разве теперь ты чего-то испугался?

— Бояться? Не обижай меня! Между осторожностью и страхом — огромная разница, и я не думаю, чтобы вы когда-нибудь увидели меня испугавшимся. Нас четверо. Мы сделаем то, что решит большинство. Но прежде, чем принять решение, надо все взвесить. Вот чего я хотел, так что это не причина спрашивать у меня, не боюсь ли я. Двое высказали свое мнение; они решили ехать через Льяно. Скажи теперь ты, Бен Новая Луна! Хочешь ты к ним присоединиться или нет?

Этот вопрос был обращен к человеку с лицом, словно обожженным порохом. Тот приложил руку к полям своей шляпы — совсем как солдат, вытянувшийся перед офицером, — и ответил:

— Слушаюсь, мастер Портер! Я поеду куда угодно, даже если бы это место оказалось на кухне у дьявола.

— Это еще ни о чем не говорит. Мне нужен ясный ответ: вниз по Рио-Пекос или через Льяно?

— Тогда, пожалуйста, через Льяно, если это всех устраивает. Я смог бы тогда хорошо познакомиться с этим песчаным карьером.

— Песчаный карьер? Не заблуждайся, старый Лунный Дядюшка! Не воображаешь ли ты, что с этой стороны можно спрыгнуть в него, а с той — запросто подняться? Дело наверняка обстоит несколько сложнее, чем ты это себе представляешь. Ты можешь скакать и четыре, и пять дней, прежде чем оставишь позади себя эту пустыню. А раз мы будем пересекать ее южную часть, то вполне вероятно, что мы натолкнемся на индейцев.

— Встреча с индейцами меня несколько не пугает. Я еще ни разу в жизни не обидел краснокожего — стало быть, мне нечего бояться этих людей. А если они поведут себя с нами враждебно... что же!.. У нас есть хорошее оружие. Четверо крепких ребят, нанюхавшихся столько пороха, как мы, прекрасно управятся и с двумя десятками индейцев, и с большим отрядом.

— Это-то верно. Правда, что касается запаха пороха, ты опередил нас на целый корпус лошади. У самого твоего носа должна была взорваться целая пороховая бочка!

— Так почти и случилось.

— Как же это произошло? Ты нам об этом еще не рассказывал. Или это тайна?

— Вовсе нет. Но у меня нет никакого желания радоваться этому

событию, поэтому я и не вспоминаю о нем. Тогда дело шло о моей жизни, по меньшей мере — о зрении, и, если бы рядом не оказался мой старый дружок Плутишка Фред, я остался бы слепым, а то и вообще бы умер.

— Мы были добрыми приятелями и обделали вместе с ним немало таких штучек, об одном упоминании о которых другим людям стало бы жутко. Я бы охотно с ним встретился когда-нибудь опять! Он он куда-то запропал. Кто знает, в какой прерии теперь белеют его кости. Я ему очень многим обязан, потому что он разрушил планы Крадущегося Лиса.

— Крадущегося Лиса? — с удивлением спросил Портер. — Значит, ты встречался и с этим известным мошенником?

— К сожалению! Я узнал его даже лучше, чем мне бы хотелось. Парня зовут Генри Фокс. По меньшей мере, так он себя называет. Подлинное ли это имя, я не знаю, но можно предполагать, что он пользуется разными именами. Где только он вынырнет, ни у кого уже не будет уверенности в сохранности лошади, в ненарушенности бобровой ловушки — вообще нельзя будет поручиться за свое имущество. И ни разу еще не удалось положить конец его мошенничествам, потому что он проявлял такую изворотливость, с которой ничто не сравнится. Он всегда исчезал так же быстро, как и появлялся. Если мне когда-нибудь придется с ним встретиться, то я уж сразу с ним посчитаюсь. Он бы уже наверняка получил пулю, потому что я... Слушайте!

Он прервал свою речь, выпрямился наполовину, вслушиваясь в неясные звуки, рождавшиеся где-то вверху по реке. Стоявшие поблизости лошади тоже наострили уши. Наконец вблизи раздался топот копыт.

Все четверо вскочили и схватились за оружие, готовое к действию.

— Это краснокожие? — прошептал Блаунт.

— Нет, белые... и, видимо, только вдвоем, — ответил Бен Новая Луна, который наблюдал за приближавшимися, укрывшись за кустами. — Одеты на мексиканский манер. Они остановились и разглядывают наши следы. Кажется, они по ним и ехали до сих пор.

К Бену подошел Портер, тоже пожелавший взглянуть на непрошенных гостей. А те нагнулись почти к самой земле, стараясь отыскать следы в глубокой траве. Одежда их и вооружение были и в самом деле мексиканскими: широкие штаны с разрезом, пестрые жилеты, короткие, широкие куртки, отделанные серебряным шнуром, развевающиеся красные шарфы, точно такие же широкие пояса, из-за которых выглядывали рукоятки ножей и пистолетов, широкополые сомбреро и — далеко не самая последняя деталь костюма! — огромные шпоры на пятках.

Их лошади были, казалось, в преотличнейшем состоянии, что могло

удивить в этих краях.

— Их не стоит бояться, — тихо сказал Портер. — Мексиканские кабальеро, которых вполне можно поприветствовать.

Он вышел из-за кустов и крикнул:

— Джентльмены, те, кого вы ищете, находятся здесь. Надеюсь, вы рассматриваете наши следы не с плохими намерениями!

Мексиканцы заметно испугались, услышав это внезапное обращение и увидев долговязого янки. Они быстро сорвали ружья, прикрепленные к седлам.

— Оставьте это! — крикнул Портер. — Мы честные люди, и вам нас нечего бояться.

— Сколько вас? — спросил один из мексиканцев.

— Четверо, а ружья вам не помогли бы, если бы нам доставило удовольствие перестрелять вас. Стало быть, подходите спокойно.

Приезжие обменялись несколькими фразами, а потом медленно тронули своих лошадей. Только увидев остальных янки и с недоверием осмотрев место, они спешили.

— Вы чертовски осторожны, джентльмены, — сказал Портер. — Разве мы выглядим как разбойники?

— Ну сейчас, — ответил, улыбаясь, один из гостей, — особого щегольства в ваших нарядах не заметно. Что же до лошадей, то они, пожалуй, слишком устали для циркового представления. *Saramba*¹²³, вы выглядите опустившимися, сеньоры.

— Можно ли ожидать другого в этих краях? До ближайшего поселения нужно скакать почти неделю. Когда так долго находишься в пути, естественно, выглядишь неподходяще для официального визита супруге господина президента в Вашингтоне. Если, несмотря на это, вы захотите дружески протянуть нам руки, мы будем рады.

— Встреча с порядочными людьми всегда приятна, особенно в этих опасных местах. И мы с удовольствием пожмем ваши руки. Позвольте назвать вам наши имена. Мы братья, а фамилия наша Корхето. Зовите меня Карлос, а моего брата — Эмилио!

Янки тоже назвали свои имена и подали приезжим руки. Портер продолжал расспросы:

— Мы едем из Калифорнии, а направляемся в Остин, сеньоры. Можно ли узнать, по какому делу вас занесло так близко к Льяно?

— Мы не только приблизились к нему, но и хотим пересечь его. Мы состоим на службе в одной *estancia*¹²⁴ возле Сан-Диего в качестве старших

пастухов, и помещик поручил нам получить деньги на той стороне, в Нью-Браунфилде. Опасное дело, не правда ли? Оттого-то мы и поехали вдвоем.

— Особенно опасно будет на обратном пути, когда при вас будут деньги. Это всегда неблагодарное дело — везти через Льяно чужие деньги. Ну, мы-то везем свое — то, что скопили в Калифорнии. Значит, ни перед кем никакой ответственности у нас нет, а поэтому нам лучше, чем вам. Несмотря на это, вашей смелости стоит удивиться. Нас четверо, и то мы размышляли, а не лучше ли объехать эту пустыню. Вас же только двое, и вы решились ехать напрямик через Равнины. Это очень смело!

— Ну, не настолько уж, сеньор, — ответил Карлос. — Вы хорошо знаете Льяно?

— Ни один из нас раньше его не видел.

— Это, конечно, совсем другое дело. Кто не знает Льяно, должен отказаться от попытки пересечь его. Но мы-то ездили через пустыню раз двадцать и уже настолько освоились с ней, что нам не страшны никакие опасности.

— Ах, вот как обстоит дело! Хм! И вы направляетесь в Нью-Браунфилд? Это почти совпадает с нашим маршрутом. Значит, мы могли бы присоединиться к вам, если вы не возражаете.

Когда Портер неосторожно упомянул о деньгах, которые он и его товарищи везли с собой, оба мексиканца обменялись быстрыми взглядами. И теперь Карлос ответил, пожалуй, даже слишком поспешно:

— У нас нет ни малейших возражений. Напротив, мы вам очень рады, потому что чем нас будет больше, тем лучше мы сможем противостоять опасностям.

— Тогда договорились, сеньоры! Мы поедem вместе, и вы не пожалеете, что встретили нас. Какие планы у вас на сегодня?

— Мы бы хотели спуститься до Рио-Пекос, может быть, до начала Юаф-Кай.

— Что это такое?

— Название взято из языка индейцев юта и команчей; оно означает «Поющая долина». Рассказывают, что по ночам в этой долине часто можно слышать непонятные и необъяснимые голоса. Но мы оба, хотя часто ездили там, еще никогда их не слышали. Вы здесь будете располагаться на ночлег?

— Нет, это было бы непростительнейшей тратой времени. Мы тоже хотели бы добраться до Рио-Пекос, а может быть, и проехать вдоль реки, огибая Льяно, но так как теперь мы встретили вас, а вы решили взять нас с собой, то мы поедem напрямик через пустыню. Как вы думаете, мы так столкнемся с индейцами?

— Вряд ли. Такой встречи мы могли бы скорее опасаться здесь, а не на Равнинах. Но так как мы до сих пор не видели ни одного краснокожего, то и позднее вряд ли их встретим. Теперь их здесь не слишком много, потому что между обеими народностями только недавно был зарыт топор войны.

— Об этом приятно слышать. А как обстоит дело с так называемыми грифами Льяно? Они должны быть куда опаснее индейцев.

— Ба! Да не верьте этому! Теперь вы знаете, как часто мы наведываемся в Льяно, но нам еще никогда не удалось увидеть хотя бы одного грифа. Они живут только в фантазиях глупых и трусливых людей.

— А этот Дух Льяно-Эстакадо?

— Да это тоже игра воображения, которая присуща неопытным новичкам. Все это детские сказки! Льяно — пустое песчаное пространство, как и любое другое. Там — море песка, но нет воды. И почва там такая неплодородная, что на ней даже призраки не растут. А что касается недостатка воды, то этому очень легко помочь, потому что хватает кактусов, выделяющих пригодный для питья сок. Выходит, у вас нет никаких причин бояться Равнин.

— Я позволил бы себе сказать обратное, но так как вы знаете эти места, я, естественно, верю вашим словам. Если вы не хотите здесь передохнуть, то мы готовы сразу же отправиться в путь.

— Это будет самое лучшее. Мы поедem дальше. Надеюсь, ваши лошади выдержат?

— Они гораздо выносливей, чем выглядят, а поэтому не стоит медлить.

Внешний вид обоих мексиканцев, разумеется, не вызывал особого недоверия, однако решение янки так быстро и безо всякой проверки ехать с ними было довольно опрометчивым. Только один из четверки не казался столь легковерным, а именно Бен Новая Луна.

Он получил свое прозвище за то, что его круглое черное лицо напоминало спутник нашей планеты во время новолуния. Возможно, он был опытнее и проницательнее своих товарищей. Когда маленький отряд пришел в движение и всадники направились вниз по реке, он ехал позади других и не спускал глаз с мексиканцев. У него не было явной причины не доверять им, однако какое-то инстинктивное чувство подсказывало ему, что с чужими нужно проявлять осторожность. Так они ехали по правому берегу Рио-Тойа. Близость Льяно-Эстакадо пока совершенно не ощущалась. Травы, кустов и деревьев было вполне достаточно, а под вечер деревья стали попадаться так часто, что они даже образовали небольшой лесок, через который река тихо несла свои воды к Рио-Пекос.

Тойа увлекала со своей водой множество глины, песку, которые в устье отлагались пологим валом, потому что в самой Рио-Пекос теперь было очень мало воды. Вал этот прерывался только немногими протоками, и по нему нетрудно было переправиться вброд, правда, переплыв упомянутые протоки.

Было еще совсем не поздно, и поэтому решили переправиться через Рио-Пекос сегодня, а на ночлег остановиться уже на той стороне, в Юаф-Кай. Лошади оказались хорошими пловцами, и всадники переправились без труда, разве что насквозь промочив одежду. Потом отряд поскакал на север, миновав то самое место, где теперь выстроен мост Техаско-Тихоокеанской железной дороги. Затем искатели приключений направились к высоте, ничем не выделявшейся в невысокой гряде, подножие которой поросло зелеными кустами, а вершины оставались лысыми.

Там открылось узкое ущелье, в котором тек мелкий ручеек. Оба мексиканца двинулись туда, сказав, что это и есть Поющая долина. Дальше, к верховьям, она станет значительно шире.

Долина эта врезалась очень глубоко, но поднималась к верховьям она не круто, и уклон ручья был невелик. Дно долины поросло травой, а на склонах виднелись стебли полыни — верный признак приближения песков. Затем скальные стенки ущелья отступили подальше, его дно покрылось осыпями и галькой, и только в непосредственном соседстве с водой росла скудная жиденькая травка.

— Не лучше ли было переночевать внизу, в долине Рио-Пекос? — спросил Бен. — Там есть и корм для лошадей, и хворост для костра. А здесь, в ущелье, этого кажется тем меньше, чем дальше мы едем по нему.

— Подождите немного, сеньор! — ответил Карлос Корхето. — Немного дальше есть место, которое так великолепно подходит для лагеря, что вы еще будете благодарить нас за то, что мы привезли вас сюда. Через каких-нибудь четверть часа мы доедем до этого места.

Прошло указанное время, и долина вдруг расширилась, образовав круглую котловину, имевшую в поперечнике добрую тысячу шагов. Она была окружена скальными стенками, которые, казалось, не оставляли никакого другого выхода. Однако скоро янки увидели, что как раз напротив них в скалах открылась узкая глубокая расселина, через которую, пожалуй, можно было проехать дальше.

Здесь, в этой котловине, и брал начало ручей. Место, где ключ выбивался из-под земли, лежало в западинке, и поэтому тут образовался небольшой пруд, окруженный плотной изгородью. С этой стороны пруда,

ближе к скалам, виднелась группа растений странного вида. Там стояли стебли двух-трехметровой высоты, похожие на огромные канделябры. Некоторые из этих «подсвечников» были еще раза в два выше. Казалось, что у них нет ни веток, ни листьев, а их вытянутые вверх стволы были усыпаны многочисленными наростами, похожими на плоды инжира. Это была колония кактусов *Cereus*, шишкообразные, напоминающие инжир плоды которых можно есть. Эмилио Корхето указал на кактусы и предложил:

— Вон там мы соберем свой ужин, а для лошадей здесь вполне достаточно травы. Думаю, вы будете довольны. Пошли, сеньоры!

Он пустил свою лошадь рысью и подъехал к воде, а остальные последовали за ним. Всадники находились еще на расстоянии в шесть лошадиных корпусов от кустов, как вдруг навстречу им оттуда раздался громкий окрик:

— Стой!

— Кто там? — спросил Портер, разглядывая точно так же, как и остальные, заросли, откуда прозвучал приказ, но не видя ни одной живой души.

— Белые охотники, — послышалось в ответ. — А вы кто?

— Путешественники.

— Откуда вы приехали?

— Из Калифорнии.

— Куда направляетесь?

— На ту сторону, в Техас, в Остин.

— Через Льяно?

— Да.

— У некоторых из вас лица порядочных людей, у других — нет. Однако мы попробуем побеседовать с вами, джентльмены.

Кусты раздвинулись. Вначале показались два ружейных ствола, а потом и хозяева ружей. Один из них был бородатым широкоплечим мужчиной, другой — белокурым безбородым юношей, которому, пожалуй, не было еще и двадцати лет. Одежды их были сшиты из кожи, а головы прикрывали бобровые шапки.

— Черт возьми! — сказал Портер. — Сколько же войска залегло у пруда?

— Там никого больше нет, сэр.

— Вас только двое?

— Да.

— И вы осмеливаетесь противостоять шести хорошо вооруженным

мужчинам, у которых ружья готовы к стрельбе?

— Ба! — ответил тот, что постарше. — Да ведь у нас двустволки. Значит, четверых мы сразу выбьем из седел, а для двоих оставшихся достаточно и револьверов. Мы видели, как вы подъезжали. Как я уже сказал, некоторые из ваших лиц выглядят вполне пристойно, поэтому мы и позволили вам приблизиться. Можешь подъехать к нам, а остальные пусть повернут обратно.

— Вам не кажется, что вы оскорбляете нас?

— Откровенно сказать, оскорблять я не хотел. Впрочем, я ведь не назвал тех, кто мне не нравится. Стало быть, успокойтесь и отправляйтесь к воде!

Шестеро всадников так и сделали, спешившись на берегу пруда. Там, на сочной лужайке, уже паслись лошади незнакомцев. Кучка золы выдавала место недавнего костра. Возле него оба охотника опустили на землю. Они были так похожи друг на друга, что можно было твердо сказать, что это отец и сын.

Они не выглядели новичками Дикого Запада. Отец производил впечатление опытного, мужественного охотника, а юношеское лицо его сына было таким спокойным и рассудительным, что можно было ручаться: он, несмотря на свои молодые годы, уже прошел хорошую школу жизни.

Шестеро изучали охотников с какой-то смесью любопытства и недоверия. Потом все сели вместе и вытащили свою провизию — сушеное мясо.

— Не хотите ли сообщить нам, сэр, как долго вы уже здесь находитесь? — спросил Портер, взявший на себя руководство беседой.

— Со вчерашнего вечера, — ответил старший охотник.

— Ладненько! Я смотрю, вы хотите здесь основательно устроиться. По крайней мере, мне так показалось.

— Вам верно показалось.

— Но, сэр, эти края опасны. Они не подходят для сооружения вигвама.

— Несмотря на это, нам здесь нравится; это место нас устраивает, мастер. Наверху, в горах, у нас назначено свидание. Те, кого мы ожидаем, поедут через Льяно и через эту долину. Но мы прибыли слишком рано, ждать было чересчур долго, и мы поскакали сюда, навстречу нашим друзьям.

— А когда они подъедут?

— Через два-три дня.

— Если вы намерены так долго ждать, то очень легко можете столкнуться с апачами или команчами.

— Не беспокойтесь. Мы живем с ними в мире.

— Мы тоже. Но краснокожим никогда нельзя доверять. Здесь может появиться их много, и, когда окажешься вдвоем, как вы, подобная встреча очень опасна.

— Может быть, но не стоит заботиться о нас. С нами человек, который в случае опасности может справиться с множеством индейцев.

— Стало быть, вас не двое, а трое! Где же этот ваш товарищ?

— Он ускакал на разведку, но скоро уже вернется.

— Он стоит столько же, сколько целая куча индейцев, вы сказали? Тогда он должен быть исключительнейшим охотником, почти таким, как Олд Шеттерхэнд. Знаете его?

— Да. Однако это не он.

— Кто же он?

— Когда он придет, то непременно с ним познакомитесь. Меня зовут Бауман, а этот юный вестмен — мой сын Мартин.

— Спасибо, сэр. Так как вы нам представились, то должны узнать и наши фамилии. Я — Портер, вот эти двое — Блаунт и Фолсер, а человека с темным лунообразным лицом кличут, разумеется, Бен Новая Луна. Два других мастера встретились нам сегодня в полдень. Они едут из поместья в окрестностях Сан-Диего-и-Коб-ледо и хотят пересечь Льяно, чтобы получить деньги для своего хозяина, у которого они служат старшими вакеро¹²⁵. Их зовут Карлос и Эмилио Корхето.

Называя чье-либо имя, Портер показывал на его владельца, а Бауман внимательно рассматривал этого человека. Дольше всего взгляд охотника задержался на мексиканцах. Брови его сошлись, а борода тихо подрагивала. Карлос, должно быть, заметил это и обозлился, потому что сказал:

— Теперь, когда вы знаете наши имена, я хотел бы спросить вас, сеньор Бауман, кто же те люди, лица которых вам не очень понравились?

— Пожалуй, мне не надо о них говорить. Те, кого это касается, очень скоро и так догадаются. Итак, ваше поместье расположено в окрестностях Сан-Диего-и-Кобледо?

— Это — Эстансия-дель-Кучильо.

— Кто ее хозяин?

— Его зовут сеньор... сеньор Монтано.

Прежде чем назвать хозяина, он запнулся, как будто вспоминая его имя, что, конечно, все заметили. Слуга-то ведь обязан хорошо знать, как зовут его хозяина. Бауман, еще ничем не показывая своего недоверия, продолжал расспрашивать дальше:

— И вы старшие вакеро или пеоны¹²⁶ сеньора Монтано?

— Да.

— А другие у него есть?

— Нет. Только мы.

— Ну, — сказал тогда охотник, — теперь я отвечу вам на ваш предыдущий вопрос. Скажу вам прямо, что вы-то оба как раз те самые парни, лица которых мне не понравились.

Оба мексиканца сразу же схватились за ножи.

— Сеньор, это прямое оскорбление. Прежде оно было только косвенным, так что мы его могли молча пропустить мимо ушей.

— И теперь вы его должны вынести. Я привык каждому говорить то, что я о нем думаю, и мне даже не пришло в голову сделать для вас исключение.

— Ну, так что вы о нас думаете?

Бауман вытащил из-за пояса свой револьвер, словно хотел только поиграть с ним, и ответил, в то время как и его сын схватился за револьвер:

— Я думаю, что вы лжецы, по меньшей мере — лжецы, а то и еще что-либо похуже.

Тут оба мексиканца вскочили, выдернув из-за пояса ножи.

— Немедленно возьмите свои слова обратно, сеньор, иначе мы вас к этому вынудим! — потребовал Карлос.

Бауман, оставаясь спокойно лежать, направил дуло маленького, но вместе с тем такого опасного оружия на говорившего и ответил:

— Не приближайтесь ко мне ни на шаг, мастер Корхето. Моя пуля встретит вас, а пуля моего сына — вашего брата. Как только вы схватитесь за свои пистолеты или сделаете иное подозрительное движение, так сразу и отправитесь из этого мира без музыки и пения. Меня зовут Бауман, эта фамилия вам неизвестна. Индейцы-сиу называют меня Мато-пока, команчи Вила-яло, апачи Шош-инсиск, охотники, говорящие по-испански, El Carador del oso, а говорящие по-английски — Bearhunter; все эти имена означают одно и то же: Охотник за медведями. Возможно, теперь вы припомните, что когда-нибудь уже немного слышали обо мне.

— Как? Вы, сэр, Охотник за медведями? — вмешался Бен Новая Луна. — Именно вы тот самый немец, который держит лавку наверху, у самых Черных гор, — гроза гризли в округе?

— Да, это я, сэр.

— Ну тогда я, разумеется, много слышал о вас. Это не вас ли взяли в плен индейцы-сиу и увели с собой на север, в национальный парк?

— Верно, это случилось со мной, но Олд Шеттерхэнд и Виннету

вызвали меня. При этом мой сын был с ними.

— Я слышал рассказы об этой истории, которая стала одним из знаменитейших предприятий Олд Шеттерхэнда. Если вы именно тот человек, то меня очень обрадовала наша встреча, и я надеюсь, что маленькое разногласие с этими сеньорами вы быстро урегулируете. Может быть, вам стоит взять свои слова назад?

— Слово «лжец»? Нет.

— А вы можете это доказать?

— Да. У меня нет привычки утверждать то, чего я не могу доказать. Помещик никогда не пошлет сразу двух старших пастухов в Льяно — в этом я абсолютно уверен. Один из них постоянно нужен ему в имении. Если бы действительно надо было получить деньги, хозяин отправил бы со старшим пастухом одного или нескольких простых вакеро. Кроме того, мы только что месяца два пробыли в краях между Эль-Пасо и Альбукерке и не пропустили ни одной estancia, ни одной асиенды¹²⁷, но под Сан-Диего-и-Кобледо не помним ни Эстансиа-дель-Кучильо, ни помещика по фамилии Монтано.

— Значит, вы проехали мимо нашего имения, — объяснил Эмилио.

— Этого не может быть. Ну, пусть так, проехали, но я бы слышал о таком имении или о его хозяине. Оставьте в покое свои ножи и садитесь! Я не позволю угрожать себе. Я не стану выгонять вас из своего лагеря, потому что вы приехали с людьми, которых я считаю порядочными. Как вы себя будете вести, так с вами и будут обращаться. На окраине Льяно нельзя не быть предельно осторожным, и каждый знает, что здесь приходится гораздо больше опасаться белых, чем краснокожих.

— Может быть, вы считаете нас грифами Льяно?

— На этот вопрос я смогу ответить, когда мы с вами познакомимся поближе; тогда я вас узнаю в полной мере, а мой теперешний приговор опирается только на предположения. Если вы окажетесь действительно хорошими людьми, чего бы я искренне желал, то мы, конечно, расстанемся друзьями.

Мексиканцы вопросительно переглянулись. Для осуществления их тайных планов самым разумным было показать себя миролюбивыми. Поэтому Карлос сказал:

— Ваши последние слова исправят предыдущие. Поскольку мы порядочные люди, то вполне уверены, что очень скоро вы поймете, сколь несправедливо о нас судили.

Он снова уселся, и его брат сделал то же самое. Бауман послал сына к зарослям кактусов, чтобы нарвать плодов, которыми все захотели

полакомиться на десерт.

Пока ужинали, стало совсем темно, и мужчины разожгли костер, тем более топлива для него было предостаточно.

Кроме перехода дня в ночь, стала заметна и другая особенность котловины. Она была отгорожена от равнины высокой скальной грядой. Ветру, гулявшему по равнине, доступ с трех сторон был в котловину закрыт. Только с четвертой, откуда приехали янки и мексиканцы, ветер мог проникать в котловину. Оттуда он и дул тихо и равномерно или же, наоборот, поднимался с возрастающей силой к скальной стенке, где находил — конечно, незначительный — проход через узкую щель, замеченную уже раньше вновь прибывшими, и которая являлась выходом из долины в сторону Льяно. Хотя тяга отчетливо ощущалась, но пламени костра она ни разу не шевельнула. При этом дышалось совсем по-другому, но — странное дело! — нельзя было различить — легче или тяжелее.

Кактусовые плоды были съедены, и Мартин Бауман пошел за новой порцией. Едва он скрылся за кустами, как сразу же послышался голос:

— Что такое?! Джентльмены, подите-ка сюда! Ничего подобного я еще ни разу не видел.

Все поспешили на приглашение. Когда они миновали кусты, им открылось в высшей степени поразительное зрелище.

Весь котлован тонул в глубокой тьме, потому что отблеск костра был слишком ничтожен, чтобы проникнуть сквозь заросли; но там, где поднимались к небу кактусы, видны были многочисленные язычки пламени, поблескивавшие своеобразным бледным бесцветным огнем. Каждый из этих растительных канделябров поддерживал на себе множество таких язычков, каждый «рожок» живого подсвечника нес на кончике своем один огонек. Это было чудесное, почти призрачное явление.

— Что бы это могло быть? — спросил Портер.

— Ничего похожего я еще никогда не видел, — прошептал Фолсер. — Мне даже стало как-то не по себе.

И в этот момент позади них за кустами, у самого костра, где все только что сидели, послышался низкий отчетливый голос:

— Это Ко-харстезеле-ято, огоньки Великого Духа, которые он зажигает, когда хочет предупредить своих детей.

— Caspita!¹²⁸ Кто это за нами? — испуганно вскрикнул Эмилио Корхето. — Неужели мы попали в засаду?

— Нет, — ответил Охотник за медведями. — Это наш товарищ, которого мы ожидали. Он по своему обыкновению появился так, что мы этого не заметили.

Все обернулись. И верно: прямо у костра был виден всадник. Но как же он смог добраться сюда, да еще на лошади, так тихо, что никто его не услышал?

Под всадником был великолепный вороной, взнузданный и оседланный на индейский манер. Индейской была и одежда мужчины, индейскими были также черты его лица, не обнаруживавшего и следа бороды. Зато пышные черные волосы достигали середины спины. В руках он держал двустволку, деревянные части которой были обиты серебряными гвоздями.

Янки и мексиканцы даже вскрикнули — от удивления и восхищения одновременно.

— Кто это? — спросил Портер. — Индеец? А может быть, он привел с собой своих товарищей.

— Нет, он один, — ответил Бауман. — Это Виннету, вождь апачей.

— Виннету! Виннету! — стали повторять все.

Апач, не обращая внимания на всеобщее восхищение, спрыгнул с лошади, вышел из зарослей, показал на огоньки и сказал:

— Бледнолицые находятся в этой замкнутой долине, и они не заметили, что произошло снаружи. Чтобы они это узнали, великий Маниту посылает им этот огненный знак. Виннету не знает, могут ли они это прочесть.

— Что же произошло? — спросил Блаунт.

— Над Льяно прошел 'ntch-kha-n'gul, торнадо. Виннету видел его черное тело на севере. Беда тем, кто ему встретился — смерть пожрала их!

— Торнадо? — переспросил Охотник за медведями. — Мой краснокожий брат точно заметил его путь?

— Виннету рассчитывает движение маленького жука, которого он заметит. Как может он пренебречь движением сильной бури!

— В каком направлении шел торнадо?

— Прямо на восток отсюда, там поднялись в воздух тучи пыли, так что было темно, как в самое глухое время ночи. Солнце охватывало сбоку этот мрак кроваво-красными лучами. Ночь продвинулась на северо-восток, и там она потом исчезла, как это видел Виннету.

— Значит, торнадо перемещался с юга на север?

— Мой брат сказал это.

— Господи, помилуй! Как бы он не задел наших друзей!

— Предчувствия Виннету черны, как лик бури, но наши друзья умны и опыты, Олд Шеттерхэнд разбирается в каждом дуновении ветра, но 'ntch-kha-n'gul приходит внезапно и не высылает впереди себя никаких

вестников, предупреждающих о его появлении. Нет ни одной лошади, которая смогла бы ускакать от него. Олд Шеттерхэнд сегодня должен был достичь Льяно, и копыта его коня коснулись песка пустыни как раз там, откуда прилетел коршун ветра. Возможно, он лежит со своими друзьями погребенным под слоем песка.

— Это было бы ужасно! Мы должны спешить. Мы должны отправиться туда, и немедленно. Быстрее на лошадей!

Виннету предупреждающе поднял руку.

— Мой брат мог бы не слишком торопиться, — сказал он. — Если Олд Шеттерхэнд оказался посреди тропы, которой шла буря, то он мертв, и наша помощь придет слишком поздно. Но если ему посчастливилось оказаться на обочине, то он остался невредимым, и ему теперь угрожает одна опасность — заблудиться, потому что буря так меняет местность, что лик Льяно будет неузнаваем. Мы должны выехать навстречу Олд Шеттерхэнду, но не сейчас, ночью, так как и нам Льяно будет трудно узнать и только дневной свет сможет быть нам проводником. Кто хочет найти заблудившегося, должен обращать внимание на то, чтобы самому не сбиться с пути. Поэтому мои братья могут снова рассесться у костра. Первый проблеск утра увидит наше выступление.

И он устроился у костра. То же самое сделали и все остальные. При этом они невольно оставили свободное место между собой и Виннету — свидетельство почтения к знаменитому вождю. По той же причине все некоторое время молчали. Наконец; первым не смог сдержать свое любопытство Бен Новая Луна. Чтобы узнать кое-что об ожидавших товарищах апача, он обратился к Бауману:

— Как я слышал, вы намерены встретиться с Олд Шеттерхэндом?

— Да, но не только с ним. Там будут и другие его спутники.

— А кто эти люди?

— Толстый Джемми и Длинный Дейви — их имена вам, возможно, приходилось слышать.

— Конечно, я знаю по рассказам разных людей обоих знаменитых вестменов. И что, только они сопровождают Олд Шеттерхэнда?

— Нет. С ними едут еще двое его товарищей, о которых вы тоже, вероятно, слышали, раз вы знаете поход Олд Шеттерхэнда к национальному парку. Это — Хромой Фрэнк и негр Боб. Фрэнк отправился в путь не с нами, а с Олд Шеттерхэндом, чтобы подучиться у него, а Боб присоединился к нему. Вот поэтому-то их нет со мной. Надо ожидать, что еще кто-нибудь воспользуется возможностью пересечь Льяно под началом знаменитого охотника. Тогда он будет в окружении значительного

общества, и это меня успокаивает. Чем больше отряд, тем легче и скорее он сможет оказать помощь другим, подвергшимся нападению торнадо.

— Жаль, очень жаль, что мы, шестеро, уже завтра утром должны продолжить свой путь! Я бы охотно повидал ваших друзей и познакомился с ними.

— Это вряд ли возможно — ведь вы хотите проехать на ту сторону, в Остин. Впрочем, мы выедем тоже завтра, ранним утром. Ну, а теперь не расскажете ли мне, сэр, в чем причина необычного цвета вашего лица и как вы заполучили свое прозвище?

— И тем и другим я обязан одному из величайших негодяев, какие только появлялись на Диком Западе — Крадущемуся Лису.

— Этому мерзавцу? А-а... Долгое время я уже ничего не слышу об этом парне, а хотел бы с ним как-нибудь встретиться.

— Вы уже имели с ним дело?

— Скорее, он со мной. Он украл мою кассу и лишил меня всех сбережений. Тогда его звали Уэллер, но по разным сведениям, собранным мною позднее, я смог заключить, что это был именно Крадущийся Лис. Мне долго не удавалось напасть на его след, но вот недавно, в Нью-Мексико, я услышал, будто бы он еще жив. Теперь его величают Тобайасом Прайзеготтом Бартоном, и он под маской набожного мормонского миссионера завлекает в Льяно компании переселенцев. Один из этих людей узнал его и потребовал от него ответа, после чего негодяй мгновенно исчез.

— У, чтоб он сдох! Если бы я был при этом! От меня бы он не сбежал. Мне уже захотелось остаться здесь подольше, потому что мерзавец должен непременно появиться в этих краях. Я очень хотел бы с ним рассчитаться!

— Это было покушение на вашу жизнь?

— Не только на мою жизнь, но и на мою собственность. Это случилось на Тимпа-Форк, в Колорадо. Я приехал туда из Аризоны, где обтяпал хорошенькое дельце со старателями в Лаймстоун-Спрингс. У меня была порядочная пачка банкнот, которые я выручил от продажи золотого песка и самородков. По пути ко мне прибился один траппер. Ему, как и мне, видите ли, надо было добраться до Форт-Эбри, что на Арканзасе. Внешний вид этого человека и его поведение внушали доверие, а поскольку на Диком Западе никогда не ездят в одиночку, то мне его общество было весьма кстати.

— Вы, верно, сказали ему, что везете с собой деньги?

— Такое мне и в голову не пришло, но он мог сам догадаться, потому что однажды ночью я, к счастью, неожиданно проснулся и поймал его за проверкой моих карманов. Он сразу нашел отговорку — я, мол, стонал во

сне, и ему пришла мысль расстегнуть сюртук, чтобы мне легче дышалось. Конечно, я ему не поверил и с тех пор всегда был настороже. Можете себе представить мое состояние...

— Конечно! Небольшое удовольствие находиться в пустыне с глазу на глаз с мошенником. Пора спать, и заснуть хочется, а приходится все время быть настороже, чтобы на тебя не напали. Вам выпала трудная задача. Один удар ножа, одна пуля — и прощай, жизнь и, конечно, собственность!

— Ну, что до этого, то тут-то я мог быть спокойным. Очень скоро я раскусил парня. Он, в сущности, был трусом. Красть и обманывать — да, но проливать кровь — для этого ему не хватало мужества. На Тимпа-Форк мы устроили привал. Был жаркий день, но дул сильный ветер, делая жару сносной. Я страстный курильщик и, решив передохнуть, заново набил себе трубку... знаете, такая короткая трубка, но с большой головкой, которая вмещает четверть кисета табака. Когда я хотел ее зажечь, мой спутник сказал, что слышал в кустах голос индейки. Я сейчас же отложил трубку, схватился за ружье и пошел в заросли, чтобы наверняка подстрелить птицу. Хотя я и следа ее не нашел, зато убил опоссума. Когда я вернулся с добычей, прошло уже с полчаса. Парень сразу же смотался потрошить зверя и снимать шкуру, а я потянулся за трубкой, чтобы наконец разжечь ее. Но так как дул сильный ветер, мне это сразу не удалось, и тогда я лег на землю, загородился от ветра шляпой и высек искру на трут. На этот раз мне удалось добыть огонь. Я примял трутом табак, сделал еще несколько движений, и вдруг раздались шипение и треск... Огонь полыхнул мне в лицо, охватил голову. В тот же миг парень схватил меня за шиворот, пригнул мою голову, а другой рукой стал шарить на груди и в карманах. Я был так ошарашен происшедшим, что ему удалось вырвать у меня бумажник. Но, тем не менее, я поймал его руку и крепко держал ее, а затем вцепился в бумажник. Мы тянули в разные стороны, и бумажник порвался: у него оказалась одна половинка, у меня другая. Тогда я вскочил и выхватил нож. Меня временно ослепило, но, по счастью, в тот момент, когда огонь полыхнул мне в лицо, я зажмурился, иначе бы я совсем ослеп. Веки, правда, были обожжены. Я мог их раскрыть лишь чуть-чуть, но этого хватило, чтобы видеть парня. Я наступал на него с ножом. Но мое состояние придало ему смелости. Он схватил с земли свое ружье и направил его на меня. От колющей боли я закрыл глаза и почувствовал, что проиграл; раздались выстрелы, точнее — один выстрел, но, к моему удивления, я оказался нетронутым. Я протер глаза, с большим усилием открыл их — и не увидел парня. Зато с той стороны ручья чей-то голос повелительно крикнул: «Стой, убийца!» Потом я услышал стук копыт

быстро удалявшейся лошади. Как оказалось, негодяй вскочил в седло своей лошади и сбежал с оторванной частью бумажника, где находилось около половины моих денег.

— Удивительная история! — сказал Бауман. — Значит, ему помешали?

— Да, знаменитый вестмен Плутишка Фред оказался поблизости и услышал мой выстрел, которым я убил опоссума. Он пошел по противоположному берегу ручья на звук и увидел нас как раз в тот момент, когда мерзавец прицелился в меня. Он выстрелил в него и попал в руку, после чего мошенник бросил ружье и поспешил к своей лошади, намереваясь как можно скорее ускакать. Плутишка Фред привязал свою лошадь и подошел ко мне. Его своевременное появление спасло мне жизнь. О преследовании вора не могло быть и речи, потому что я не мог ехать на лошади, а Фред не мог меня бросить в моем отчаянном положении. День и ночь он прикладывал холодные компрессы к моему лицу. Больше недели стояли мы лагерем там, на Тимпа-Форк. Настродался я ужасно и потерял очень много денег, но был рад, что сохранил зрение.

— Как же звали того человека?

— Уэллер. Когда же мы прибыли в Форт-Эбри и подробно описали его, я узнал, что эта фамилия фальшивая. Это был Крадущийся Лис.

— Значит, во время вашего отсутствия он набил в трубку пороха?

— Да, а сверху, чтобы обмануть меня, присыпал немножко табака. Чтобы отвлечь мое внимание, выдумал, что слышит индейку. Он знал, что я сейчас же пойду искать птицу, потому что охотник-то я был куда лучше его. Я хорошо запомнил этого негодяя — он худ, а черты его лица я никогда не забуду. Я немедленно узнал бы его, если бы только встретил.

Оба мексиканца с напряженным вниманием прислушивались к этой беседе. Они часто и многозначительно переглядывались, думая, что никто этого не видит, но был человек, внимательно наблюдавший за ними — Виннету.

Казалось, он смотрел совсем в другом направлении, но апач на самом деле ни на минуту не спускал глаз с обоих мексиканцев. Он был уверен, что они были как-то связаны с этой историей.

А за Виннету, в свою очередь, следил Бауман. Охотник за медведями, хорошо знавший своего краснокожего друга, который внезапно появился на лошади за их спинами у костра. Бауман мог легко объяснить, как это произошло. Апач вернулся с разведки и по своему обыкновению оставил лошадь на некотором отдалении, а сам прокрался к костру. Вероятно, он по какой-то мелочи догадался о присутствии чужих, а поэтому подошел тайком, чтобы понаблюдать за незнакомцами, прежде чем показаться им.

Осмотревшись настолько, что он смог составить представление о чужаках, апач незаметно исчез, вернулся к лошади, а дальше вел себя так, будто он ничего о незнакомцах не знал.

И вот теперь он сидел у костра, с видимым равнодушием уставив глаза в слабо поблескивавшую поверхность пруда, но Бауман хорошо видел, что время от времени из-под длинных густых ресниц индеец бросает острый взгляд на мексиканцев. Апач им явно не доверял. Это было заметно по его поведению.

Сын Охотника за медведями хотел принести плоды кактусов, но не дошел до них, удивившись пучкам искр. Это показалось очень удобным мексиканцам. Им надо было обменяться по секрету парой слов. Для этого нужно было отойти от костра, а поэтому Эмилио Кортехо встал и сказал:

— Мы хотим поискать кактусовых плодов. Ты пойдешь со мной, Карлос? Может, найдем сколько-нибудь.

— Конечно, пойду, — ответил его брат, быстро поднимаясь.

Бауману совсем не хотелось их отпускать. Он догадался, что братья хотят тайком договориться. Он уже было собрался что-то возразить, но тут заметил повелительное движение руки апача, приказывающего ему помолчать.

Братья ушли. Едва за ними сомкнулись кусты, как Виннету тихо сказал:

— У этих людей бесчестные глаза, и мысли их направлены ко злу. Но Виннету узнает про их намерения.

И он проскользнул через кусты в противоположном направлении.

— Он им тоже не верит? — спросил Портер. — Бьюсь об заклад, что они почтенные люди.

— Вероятнее всего, ты бы проиграл пари, — ответил Бен Новая Луна. — Они не понравились мне с первого взгляда.

— Наплевать мне на это! Не доверять человеку можно только тогда, когда есть доказательства, что он совершил неблагоприятные проступки.

— А эти двое разве вызывают доверие? — вмешался Охотник за медведями. — Да ни один помещик не отошлет сразу двух своих старших пастухов. А посмотрите-ка на их лошадей, сэр! Разве они выглядят так, словно они проделали переход от Сан-Диего? Если я правильно считаю, это будет не меньше трехсот английских миль. Лошади, которые по дикой местности прошли такое расстояние, должны выглядеть усталыми. Я полагаю, что конюшня этой скотинки находится совсем недалеко отсюда, и мог бы поставить хоть тысячу долларов, что оба этих парня — не кто иные, как подручные грифов Льяно-Эстакадо.

— Тысяча громов и молний! — вскрикнул Портер. — Вы и в самом деле так считаете, сэр?

— Да, я так думаю.

— Тогда мы попали в превосходное общество! Эти парни вызвались провести нас через Льяно.

— Бога ради, и не думайте об этом! Это привело бы вас к неминуемой гибели. Поверьте мне! Я старый дурак-медвежатник, но по лицам людей выучился читать их мысли, узнавать характер.

— Ну, и я не желторотый юнец! Я почти так же стар, как и вы, и с мальчишеских лет шатаюсь по прерии. Почему же вы считаете, что эти люди не заслуживают нашего доверия?

Теперь заговорил Мартин Бауман, который до того, стесняясь своей молодости, молчал:

— Они его действительно не заслуживают, мастер Портер. Я готов сказать им это в лицо.

— Ах, так! Какие же основания у вас, молодой человек, так плохо о них думать?

— Разве вы не заметили взглядов, которыми он обменивались, когда речь зашла о Крадущемся Лисе?

— Нет. Я внимательно слушал эту необычную историю и не смотрел на мексиканцев.

— На Диком Западе надо не только слушать, но и видеть, потому что это...

— Везет мне! — прервал его Портер. — Не хотите ли вы поделиться добрыми наставлениями со мной, старым бродягой?

— Нет, сэр, но поскольку мой отец проявил недоверие к мексиканцам, я внимательно наблюдал за ними. Мне удавалось сделать это незаметно, потому что они совершенно не обращали внимания на такого молодого и неопытного парня, как я. По взглядам, которыми они обменялись, я понял, что они знали Крадущегося Лиса.

— Вы полагаете? Хм! Этот Лис, должно быть, гуляет где-то поблизости и заманивает людей в Льяно, так что парни могли его знать. Мне кажется, что приближаются события, которые могут стать для нас фатальными. Таинственные огоньки на кактусах очень мне не понравились. Я не суеверен, однако подобные явления не случайны. Они всегда что-то означают, и это менястораживает.

— Естественно, эти огоньки хоть что-нибудь да означают, — улыбнулся Охотник за медведями.

— И что именно?

— Что воздух сейчас наэлектризован.

— На-э-лек-три-зо-ван? Этого я не понимаю. Меня такому не учили. Я, правда, знаю, что можно позволить наэлектризовать себя. Но огоньки, пламя, да еще на кактусах? Вы в самом деле хотите свалить это на электричество?

— Разумеется, мастер Портер.

— О, ну уж оно-то в этом наверняка неповинно.

— А разве молния не такое же огненное явление?

— Конечно, и еще какое!

— Ну, молния своим возникновением обязана электричеству; это, пожалуй, не надо объяснять. А такие огни, какие мы видели только что, моряки очень часто замечают на корабельных мачтах, стеньгах, реях; люди их видели также на церковных шпилях, на вершинах деревьев, на макушках громоотводов. Эти искристые пучки называют огнями святого Эльма или огнями Кастора и Поллукса¹²⁹. Своим возникновением они обязаны электричеству. Вы уж, верно, слышали про Духа Льяно-Эстакадо?

— Больше, чем мне бы этого хотелось.

— А рассказывали вам, что это таинственное существо временами является ночью, окруженное сверкающими огоньками?

— Да, но я этому не верю.

— Ну и напрасно не верите. Однажды со мной произошло нечто подобное на севере, в Монтане. Я оказался тогда на открытой равнине, да еще ночью. Вокруг сверкали сполохи, однако настоящая гроза так и не пришла. И вот внезапно на ушах лошади появились маленькие огоньки. Я вытянул руки вперед и увидел тогда, как на кончиках моих пальцев показались такие же огоньки, причем меня охватило совершенно удивительное чувство. То же самое происходит с Мстящим Духом. Когда он скачет через Льяно, тело его возвышается над окружающей местностью. Если дело происходит ночью, а атмосфера наэлектризована, на теле всадника появляется огонь святого Эльма.

— Значит, вы в самом деле верите в существование этого Духа Льяно?

— Да.

— И считаете его человеком?

— Кем же еще?

— Хм! Я много слышал о нем, но не задавал себе труда задумываться над этим. Так как теперь через Льяно предстоит путешествие, то я охотно хотел бы узнать, какого мнения придерживаться об этом Духе? Может случиться так, что он когда-нибудь появится во время нашего переезда. И что тогда надо делать?

— Если бы он мне встретился, я бы подал ему руку и обходился бы с ним как с добрым приятелем.

Баумана прервали. Это вернулся Виннету. Он шел быстро, но бесшумно и, проскользнув подобно змее, сел на свое прежнее место, а лицо его приняло такое непринужденное выражение, как будто он так и не вставал.

А совсем недавно, пока мексиканцы медленно удалялись в темноте к кактусам, он незаметно последовал за ними, держась на очень близком расстоянии, а потом снова выпрямился и бегом помчался к группе растений, но так легко, что шагов его не было слышно. Он добежал до цели раньше братьев и так спрятался среди высоких растительных канделябров, что его нельзя было увидеть. К тому же теперь пламенеющие пучки на растениях-светильниках исчезли и стало так темно, что мексиканцы вынуждены были искать плоды ощупью.

Братья подошли как раз тогда, когда Виннету уже спрятался. Они говорили между собой по-английски, и притом на чистейшем американском диалекте, из чего можно было заключить, что никакие они не мексиканцы. Виннету мог слышать каждое слово. Они уже успели поговорить между собой, потому что услышанное им оказалось продолжением ранее начатого разговора.

— Этому так называемому Охотнику за медведями я отплачу за оскорбление, — сказал Карлос. — Конечно, теперь выполнить наш план будет тяжелее, чем мы думали. Появление апача придает делу совсем другой оборот.

— К сожалению! Уж он-то не позволит ввести себя в заблуждение ложно расставленными шестами.

— Ты хорошо рассмотрел его лошадь?

— Конечно! Это же лучший скакун, какого я видел в жизни. Подобный есть только у Олд Шеттерхэнда. Мы должны обязательно заполучить этого скакуна.

— Хорошо бы, но как это сделать?

— Есть простой способ: подождать, пока парни заснут, а потом прикончить их.

— Ты думаешь, это возможно? К нам уже относятся с подозрением, а значит, все будут настороже. Не думаю, что хоть одному из нас доверят дежурство.

— Да, ты прав — они примут меры предосторожности. Но тем не менее посмотрим, как нам поступить. Заранее ничего нельзя определить. Чтобы обезопасить их, мы должны работать только ножами, тихо и

бесшумно, бить прямо в сердце.

— А если этот план сорвется?

— Не говори глупости! Подумай, семь лошадей, причем среди них скакун апача, да еще оружие, да еще деньги! И делить все добро придется только на двоих. Вот это была бы удача! Если наша затея не удастся, то нам придется звать на помощь приятелей. В открытом бою мы проиграем. Давай поищем какой-нибудь предлог отделиться от них. Виннету поскачет с обоими охотниками навстречу Олд Шеттерхэнду, а янки вынуждены будут присоединиться к ним, потому что нас они уже не сделают проводниками. Мы же поскачем вперед, к Ложбине Убийц, где мы наверняка встретим одного из связных, которого послали туда наши приятели. Потом мы захватим этих парней, а также Олд Шеттерхэнда и всех, кто окажется с ним. Ну, а теперь мы не можем больше задерживаться здесь, а то их недоверие к нам еще больше возрастет. Пора возвращаться — моя шляпа уже полна плодов.

— Моя тоже.

— Тогда идем!

Они пошли, но впереди них стрелой метнулся Виннету. Избегая малейшего шума, он обходным путем добрался до костра и, как уже говорилось выше, уселся как ни в чем не бывало возле него, так что фальшивые мексиканцы не могли даже подумать, что их подслушивали. Они стали раздавать собранные кактусовые плоды. Все брали их, один Виннету отказался. Он отвел руку дающего, прибавив:

— Вождь апачей не есть ничего происходящего от растения сумах.

— Сумах? — удивленно спросил Эмилио Кортехо. — Разве Виннету не знает плодов кактуса?

— Он знает все растения и их плоды.

— И все же он спутал кактусы с ядовитым сумахом, а такая ошибка для апача непростительна.

— Виннету не сделал ошибки. Он назвал эти плоды сумахом, потому что они ядовиты.

— Ядовиты? Почему это они вдруг стали ядовитыми? Раньше-то мы их ели.

— Потому что они оказались в руках, привыкших сеять несчастье и смерть.

Он произнес эти слова, в которых содержалось тяжкое оскорбление, так спокойно, словно речь шла о чем-то незначительном.

— Ascuas!¹³⁰ — воскликнул Карлос Кортехо. — И мы должны с этим мириться? Я требую, чтобы сказанное было взято назад.

— Виннету всегда говорит только такие слова, которые он прежде хорошо обдумал. Он еще никогда не раскаялся ни в едином своем слове, и он теперь ничего не возьмет назад.

— Но мы оскорблены!

— Пфу!

Выпустив воздух через полуоткрытый рот, апач пренебрежительно махнул рукой. И в его словах, и в небрежном движении руки была такая открытая беззаботность, такое выражение чувства собственного достоинства, что оба Кортехо сочли разумным промолчать. Далее если бы вождь противостоял им в одиночку, они не стали бы ввязываться с ним в открытую борьбу. Но здесь ведь присутствовали еще те, которые уважали и верили Виннету и которые в случае ссоры стали бы на сторону апача. Поэтому Эмилио примирительным тоном сказал брату:

— Успокойся! К чему нам ссоры! Слова индейца нельзя положить на весы, где взвешивают золото.

— Ты прав. Ради общего спокойствия мы будем считать, что он не говорил обидных слов!

Виннету ничего не ответил на это. Он вытянулся во весь рост в траве, закрыл глаза и вел себя так, словно собирался побыстрее уснуть.

Эта короткая сцена, какой бы незначительной она ни казалась, оказала на остальных гнетущее впечатление. Если Виннету выразил братьям недоверие, значит, он в чем-то их подозревает. Что они задумали? Виннету ничего не сказал об этом. Стало быть, ничего враждебного от братьев не стоило ожидать, по меньшей мере теперь. Но прежнее недоверие к ним возросло, естественным следствием чего было явное нежелание возобновлять разговор. Молчание было таким красноречивым, словно подозрение было высказано открыто.

Охотник за медведями и его сын последовали примеру Виннету и стали готовиться ко сну. То же самое сделали и другие.

Через короткое время наступила тишина, и казалось, что все уже спят. Но это было не совсем так. Оба мексиканца не могли заснуть, потому что обдумывали свои коварные планы, а другие бодрствовали вследствие своего недоверия к братьям.

Так прошло, пожалуй, больше получаса.

Даже если бы и не было этой разобщенности, люди все же не смогли бы заснуть. В атмосфере ощутимо возросла напряженность. По кустам прошел тихий, едва слышный шелест. Поднялся легкий ветерок, который постепенно становился все сильнее и сильнее, зашевелились ветки, прикасаясь одна к другой. И при этом маленькие, едва заметные искорки

как бы перепрыгивали по самым их кончикам.

Внезапно все вскочили, потому что раздался необычный звук. Казалось, что где-то высоко над ними били в колокола. Звон этот держался, пожалуй, с полминуты, а потом замер над водой.

— Что это было? — спросил Бен. — Здесь же нет церквей с колоколами! Если бы я не знал, что...

Он замолчал. Опять раздался звук, но повыше прежнего. Теперь казалось, что звучал мощный тромбон.

— Это ялтех-юаф-кай, голос Поющей долины, — объяснил вождь апачей.

— Стало быть, вот он какой! — сказал Охотник за медведями. — Слушайте!

Этот звук был совсем особого рода. От него замирало дыхание. Словно гигантский невидимый трубач пробовал свой инструмент, подобного которому не было, конечно, ни в одном оркестре.

Мужчины в молчании прислушивались — не повторятся ли подобные звуки. И действительно, поток воздуха принес с собой целый набор звуков, быстро следовавших один за другим и идеально гармонизировавшихся между собой. Звуки были различной длительности. Низкие тона звучали дольше, образуя с высокими, быстрее затихавшими, гармонический ряд, составленный из одних и тех же интервалов.

Ничего нельзя было сравнить с этими звуками. Ни один известный инструмент не мог воспроизвести что-либо подобное. К трубным звукам присоединялись еще и другие, приятные и нежные, словно голос невидимого тенора.

Люди прислушивались и не осмеливались говорить. Даже коварные мексиканцы были захвачены таинственным концертом.

А потом на смену звуковым феноменам пришли зрительные, ощущавшиеся уже не ухом, а видимые глазом.

Небо вроде бы стало выше. Редкие звезды казались меньшими, чем обычно. На этом небосводе, там, где он на юге покоился на скалах, внезапно появился светло-желтый искрящийся диск величиной в полную луну. Края его были чрезвычайно резкими. Диск медленно полз по небу и, казалось, передвигался по прямой, приближаясь со все возрастающей скоростью прямо к долине.

Чем ближе он подплывал, тем больше становился в размерах и тем яснее было видно, что это вовсе не плоский диск, а настоящий шар.

Вдруг очертания его потеряли резкость, появились напоминающие стрелы молний разряды, подрагивающие и посверкивающие, вырос хвост,

светивший куда ярче кометного.

Сам шар уже не был однородно желтым. Казалось, он состоял из жидкого огня, подвижное пламя которого то и дело выбрасывало язычки самых разнообразных цветов. Было заметно, что шар вращается вокруг собственной оси — или, по меньшей мере, такую видимость создавали вихрящиеся, закручивающиеся краски. Скорость движения шара возростала поистине ужасающе. Потом он на несколько мгновений словно задержался в полете — как раз над самой серединой долины. Потом что-то загрохотало, словно разом выстрелили много пушек; шар разлетелся на бесчисленное множество клочков, которые медленно падали и гасли. Еще несколько секунд можно было видеть хвост. Что-то шмякнулось в маленький пруд, и вода вздыбилась высоко вверх. Казалось, что в пруд бросили с очень большой высоты что-то очень тяжелое. Всех обрызгало водой.

Небо опять потемнело, снова стали видны далекие звезды, и могучий, полный звук, составленный из нескольких, в октаву настроенных тонов, уносился прочь от испуганных людей.

Один лишь Виннету сохранял свое обычное спокойствие. Казалось, никакое событие не может вывести его из себя.

— Ки-ведау, огненный шар, — произнес он. — Великий Маниту бросил его с неба и с оглушительным шумом швырнул на землю.

— Огненный шар? — спросил Блаунт. — Да, это выглядело как шар. А хвост вы видели? Это был дракон, черт, злой дух, бесчинствующий в полуночный час.

— Хо! — ответил апач, отворачиваясь от суеверного бледнолицего.

— Да, это был дракон! — согласился Портер со своим спутником. — Я, правда, никогда его сам не видел, но слышал, как о нем рассказывают другие. Моя бабушка однажды заметила, как он залетал в трубу нашего соседа, одержимого дьяволом и продавшего ему за деньги свою душу.

— Не выставляйте себя на посмешище, сэр! — прервал его Охотник за медведями. — Мы с вами все-таки живем не в темное средневековье, когда верили в драконов и привидения или внушали подобные суеверия множеству глупых людей, чтобы отдельные умники могли на этом греть руки.

— Что тогда было, то и теперь есть! Или вы хотите казаться умнее меня? — резко спросил Портер.

— Ну, что вы! Я не полагаюсь на собственный ум. Раньше я приписывал черту любое явление, которое не мог объяснить. Теперь, слава Богу, наука так далеко ушла, что она вполне может обходиться без

Вельзевула.

— Ах так! Пожалуй, вы тоже относитесь к этим слишком просвещенным людям, так называемым ученым?

— Я не ученый, но знаю, что огненный шар ничего общего с чертом не имеет.

— Ну, а что же это тогда было?

— Маленькое небесное тело, находившееся либо в начале своего рождения, либо — при уничтожении. Оно так близко оказалось к Земле, что было притянуто ею и разорвалось возле ее поверхности.

— Небесное тело? Значит, звезда?

— Да.

— Какая же глупая голова вам это внушила?

— Тот человек, которому вы, пожалуй, не осмелились бы бросить в лицо эти слова — «глупая голова», а именно, Олд Шеттерхэнд!

— Он? Это точно?

— Конечно! Когда по вечерам мы сживали у костра, то очень часто беседовали о, казалось бы, непонятных вещах и явлениях, и он всему находил естественное объяснение. Если вы хотите быть умнее этого человека, я ничего не имею против. Разве вы не слышали, как что-то грохнулось в воду?

— И слышал, и видел, и почувствовал. Мы же все стали мокрыми.

— Итак, если бы ваше предположение оказалось верным, то, значит, черт бросился вот в этот пруд, но раз мы его не вытащили, то он, значит, утонул.

— Разумеется, он не утонул. Он просто последовал в ад.

— Тогда он сможет подсушиться на тамошнем огне, после того как вымок здесь, чтобы не простудиться и не подхватить насморк. Если бы мы могли отвести воду из пруда, то увидели бы дыру в земле, в которой находится аэролит, кусок каменного метеорита — это и есть огненный шар.

— Камень? Хм!.. Но он же мог убить нас!

— Конечно. Наше счастье, что он упал в воду.

— Не хочу с вами спорить, но ваш Олд Шеттерхэнд, может быть, объяснит и те странные звуки, которые мы только что слышали?

— О Юаф-кай мы не говорили, но припоминаю, что как-то он рассказывал о знаменитом проходе Сакбот, расположенном к северу отсюда, в горах Ратлснейк. Когда ветер дует прямо сквозь такое узкое, глубоко врезавшееся в горы ущелье, то слышны звуки, напоминающие органные трубы. Теснина становится как бы инструментом, а ветер — музыкантом.

— Разумеется, этот рассказ выглядит легкомысленным, но и тут не стану с вами спорить. Думайте, как хотите, а я буду понимать так, как мне нравится.

— Охотник за медведями прав, — сказал Виннету. — Есть много долин, в которых раздаются подобные звуки; вождь апачей видел и камни, которые Великий Дух бросил с неба. Добрый Маниту каждому камню дает свою дорогу, и когда огненный шар сбивается со своего пути, он должен раздробиться. Я попытаюсь раскрыть след камня в воде.

Он говорил особенно возвышенно. Потому Виннету удалился, подошел к воде и исчез в темноте ночи.

Остальные опять уселись в ожидании возвращения апача. Никто не произнес ни слова. Только Мартин Бауман шепнул отцу:

— Что с Виннету? Он говорил так непривычно громко, словно еще кто-то, кроме нас, должен был слышать его слова. А то, что он будто бы пошел искать камень, это, по-моему, всего лишь хитрость.

— Конечно! — также шепотом ответил Охотник за медведями. — Бьюсь об заклад, что неизвестный, подслушивающий нас, находится поблизости. Насколько я знаю апача, он уже заметил этого человека и ушел, чтобы подкрасться к нему и схватить. Подождем!

Ждать им пришлось недолго. Уже через несколько минут поблизости, в кустах, послышался шум, словно какой-то зверь ломал ветки; потом последовал короткий боязливый вскрик, а затем раздался голос Виннету:

— Подойди сюда, Охотник за медведями, нас подслушивал шпион.

Бауман исчез в зарослях, а через несколько мгновений вернулся в сопровождении апача и незнакомца, которого по одежде можно было бы принять за индейца.

Какое нужно иметь острое зрение, чтобы в темной ночи раскрыть таящегося в кустах шпиона! И только такой человек, как Виннету, смог незаметно подкрасться к нему и схватить такой хваткой, что всякое сопротивление стало невозможным.

Все окружили пленника. Он был вооружен только ножом, который, впрочем, Виннету у него отобрал. Пленный был низкоросл и худощав, а его тощее лицо нельзя было отчетливо рассмотреть в темноте.

Но глаза Виннету уже привыкли к ночному мраку, и он видел, кто стоит перед ним.

— Почему мой юный краснокожий брат не подошел к нам открыто? — спросил он. — Мы бы по-дружески приняли его.

Пленный не отвечал, поэтому апач продолжал:

— Значит, он сам виноват в том, что оказался в плену. Однако с ним

ничего не случится плохого. Вот я возвращаю ему нож. Он может вернуться к своим братьям и сказать им, что мы ждем их и что они могут у нас отдохнуть.

— Уфф! — удивленно вскрикнул пленный, принимая назад свой нож. — Откуда ты знаешь, что поблизости находятся наши воины?

— Разве ты считаешь Виннету совсем маленьким мальчиком? Как он мог не знать этого?

— Виннету! Вождь апачей! — Пленник, казалось, не мог прийти в себя от изумления. — И ты отдаешь мне назад мой нож? Ты принимаешь меня за апача?

— Нет. Мой юный брат не носит цвета войны, однако я предполагаю в нем сына команчей. Разве ваши воины выкопали топор войны против апачей?

— Нет. Острие топора войны спрятано в земле, но между нами и вами нет согласия.

— Виннету уважает всех людей, не спрашивая их имен, не глядя на цвет их кожи. Он готов разжечь здесь огонь и раскурить с вами трубку мира. Он не спрашивает, почему твои братья пришли в Поющую долину. Они знают, что каждый, кто сюда попадает, становится лагерем у этой воды. Поэтому они остались внизу и послали тебя, чтобы разведать, нет ли здесь кого. Не так ли?

— Так, — подтвердил команч.

— Когда ты опять будешь лежать под кустами, выслеживая чужих воинов, то прикрывай веками глаза, потому что сегодня именно глаза выдали тебя. Как велико число твоих братьев?

— Два раза по десять.

— Так иди к ним и скажи, что Виннету и восемь бледнолицых встретят их дружески, не зная даже о том, с какими намерениями они придут. О том, как ты стал моим пленником, ты можешь не говорить. Сам я об этом вспоминать не стану.

— Доброта великого вождя радует мое сердце. Я ни о чем не умолчу, я скажу всю правду — пусть мои братья убедятся, что у вас их ожидает дружеский прием. Быть раскрытым глазами Виннету — не позор. Я же обдумаю совет, который он мне дал.

Окружавший команча круг раскрылся, и разведчик поспешно убежал.

Белые, в особенности мексиканцы, высказали мнение, что рискованно оставлять в такой близости отряд из двадцати команчей. Напротив, апач весьма твердо отстаивал свое мнение:

— Виннету всегда знает, что он делает. Если воины команчей приехали

в Поющую долину, их поездка не расценивается как война против апачей. Здесь поблизости находится могила их самого великого вождя. Может быть, они хотят посетить ее, чтобы пропеть, как положено каждый год, песню мертвых. Мы разожжем костер, чтобы хорошенько разглядеть их лица. Для полной уверенности мы примем их не здесь, а снаружи, перед кустами.

Опять запылал костер. Пока его разжигали, Виннету вывел Охотника за медведями и его сына за кусты и тихо сказал им:

— Оба бледнолицых не те, за кого они себя выдают. Они говорят на языке янки и хотят нас здесь убить. Они принадлежат к числу грифов Льяно-Эстакадо. Виннету предполагает, что команчи направляются в Льяно. Мексиканцы не должны об этом знать. Поэтому Виннету и сказал всем, что поблизости от долины есть могила, но это — неправда.

Дальше он говорить не мог, потому что теперь от костра подошли другие. Пламя ярко пылало, проникая через кусты и достаточно хорошо освещая площадку перед ними. Все, конечно, захватили с собой оружие, чтобы воспользоваться им, если команчи, вопреки ожиданиям Виннету, не будут настроены мирно.

Вскоре послышался стук копыт. Это приближались команчи. Они остановились на небольшом расстоянии от белых. Предводитель индейцев спрыгнул с лошади и медленно пошел вперед. Виннету направился ему навстречу, протягивая руку.

— Добро пожаловать, воины команчей, — сказал он. — Виннету не спрашивает, что вам здесь нужно. Он знает, что вы посетите могилу своего вождя, а потом мирно вернетесь к своим вигвамам.

Это он сказал громко, а потом быстро и очень тихо добавил:

— Мой брат мог бы это подтвердить. Я объясню ему потом все наедине.

Выслушав эту просьбу, предводитель команчей громко ответил:

— Моя рука с радостью пожмет руку Виннету, величайшего воина апачей и в то же время знаменитого вождя. Мы готовы раскурить с вами трубку мира, потому что мы идем не по тропе войны и только хотим почтить память своего мертвого вождя.

— Виннету верит словам своего брата и приглашает его вместе с воинами команчей подойти к костру и раскурить трубку мира.

Вожди обменялись рукопожатиями. До поры до времени это служило доказательством, что у команчей нет дурных намерений. Их предводитель позволил подвести себя к костру, а его люди последовали за ним.

Потом они разошлись по травянистому берегу пруда, чтобы привязать

своих лошадей так, что они свободно могли пастись около водопоя, а затем поодиночке собрались к костру.

У огня теперь было довольно тесно, потому что площадка между кустами и водой была неширокой. Пришлось сидеть плечом к плечу, образуя круг, в центре которого сидели Виннету и предводитель команчей.

Один из индейцев провозился со своей лошастью дольше остальных, но вот и он подошел. Перед тем, как усесться, он огляделся вокруг. Когда он увидел братьев Корхето, чего те, однако, не заметили, темное лицо его мгновенно исказила гримаса, и он крикнул:

— Уфф! Aletehkuva ekkvan mava!¹³¹

Поскольку люди у костра шумели и каждый еще устраивался поудобнее, выкрик этот был не всеми услышан, но предводитель команчей все-таки расслышал его. Он резко выпрямился и спросил кричавшего:

— Hand tuhschtaha — nai?¹³²

— He-ehbak, enko-ola uah-tuhwa!¹³³

— He-ehlbak hetetscha enuka!¹³⁴

— Mava he-ehlbak kenklah!¹³⁵

При этих словах он показал на обоих мексиканцев.

Чтобы перекрыть шум, вопросы задавались громко, столь же громкими были ответы; в словах предводителя слышалась какая-то озадаченность, индейский воин отвечал резко и с гневом, поэтому короткий разговор привлек внимание всех присутствующих. При словах «грифы Льяно-Эстакадо» все команчи вскочили и угрожающе схватились за свои ножи. Сцена у костра перестала выглядеть мирной.

Белые не понимали содержание разговора, потому что не владели ни языком команчей, ни диалектами тонкава или моки¹³⁶, но они видели угрожающие лица краснокожих и тоже поднялись, схватив свое оружие.

Только Виннету был спокоен и оставался сидеть. Он повелительным тоном сказал:

— Мои братья могли бы так и не возбуждаться. Если краснокожие воины видят среди нас двух своих врагов, то я уверяю их, что у нас нет ничего общего с этими людьми. Из-за них между нами не прольется и капли крови. В чем обвиняет их воин команчей?

Виннету говорил на самом употребительном в тех краях жаргоне, состоявшем из испанских, английских и индейских слов. Команч, к которому было направлено обращение, отвечал на той же всем понятной смеси языков:

— Я охотился наверху, у воды Тови-чуна, которую белые называют

Мушиной рекой, и увидел следы двух всадников; я поехал по ним. Потом я увидел, что эти всадники сидят под деревьями, и подполз к ним, чтобы услышать их разговор. Они говорили о Льяно-Эстакадо, по которому через несколько дней должен был пройти большой караван белых людей. Грифы Льяно задумали собраться всем вместе и напасть на этот караван. Из их слов я понял, что и они сами принадлежат к грифам, и тогда я спросил себя, должен ли я их убить. Благоразумие подсказало мне оставить их в живых, потому что только благодаря этому было возможно...

Он собирался еще что-то сказать, но Виннету не хотел, чтобы это услышали мексиканцы, поэтому он резко прервал говорившего:

— Я слышал достаточно и уже знаю, что мой брат хочет сказать дальше. Но хорошо ли ты запомнил тех людей? Разве ты не мог теперь ошибиться?

— Это — они!

— Что ответят бледнолицые на такое обвинение?

— Что вы только что выслушали самую бессовестную ложь, — заявил Карлос Корхето. — Мы никогда не бывали на этой Мушиной реке.

— Это они, — крикнул и предводитель команчей, — потому что мы...

— Пусть мой брат позволит говорить мне, — поспешно прервал его Виннету, чтобы не дать команчу высказать то, чего не должны были услышать мексиканцы.

Но команч разозлился на эту нетактичность, полностью нарушавшую традиционное индейское уважение к говорившему. Он был недостаточно умен для того, чтобы разгадать причину такого поведения Виннету, и гневно крикнул:

— Почему я не должен говорить? Кто терпит возле себя убийцу, тот становится его сообщником! Или вождь апачей заманил нас сюда, чтобы выдать этим убийцам?

При этих словах Виннету выложил все свое оружие перед собой, встал и сказал:

— Слышал ли мой брат когда-нибудь, что Виннету кого-то предал? Слово апача — это скала, на которой можно безопасно жить. Мой брат может пойти за мной, сохранив при себе оружие. Хуг!

Он вышел из круга и медленно зашагал через кусты. Команч, чуть подумав, последовал за ним, но прежде дал своим людям указание зорко смотреть за мексиканцами. Пройдя заросли, Виннету взял команча за руку, отвел еще подальше и, остановившись, сказал:

— Мой брат меня не понял. Виннету уже стоял около пруда лагерем, когда пришли белые. Он наблюдал за ними и понял, что те двое

принадлежат к грифам. В этом он согласен с воинами команчей. Однако почему эти ядовитые змеи должны знать, что мы их раскусили? Тогда нам придется убить их, а умнее было бы пока что оставить их в живых и следить за ними. Пусть они верят, что команчи идут к могиле своего вождя. Однако мне мой брат может сказать, почему вы их преследуете.

Команч явно сконфузился. После недолгого раздумья он ответил:

— Огненная Звезда, вождь команчей, ездил со своим сыном, Железным Сердцем, на восток, к жилищам белых людей. Они проложили путь через Льяно и теперь должны находиться там. Возможно, они на обратном пути встретятся с караваном белых, а значит, подвергнутся риску нападения грифов. Поэтому мы отправились им навстречу, чтобы защитить их. Мы не знали, где собираются грифы, поэтому и оставили обоих бледнолицых из их шайки в живых, чтобы следы этих двоих привели нас к грифам. На реке Тойа их след соединился со следами еще четверых белых, которых мы также приняли за грифов. Теперь мы наткнулись на тебя. Что ты думаешь делать?

— Поеду с вами, потому что и я поджидаю друзей. Они едут через Льяно и не знают о нападении, которое замыслили грифы. Их лагерь находится в Ложбине Убийц. Но я не знаю, где расположено это место, поэтому я намерен позволить обоим мексиканцам улизнуть, чтобы они, сами о том не подозревая, стали моими проводниками.

— Кто те люди, которых ты ожидаешь?

— Олд Шеттерхэнд и еще несколько бледнолицых, которые хотели со мной встретиться.

— Олд Шеттерхэнд, знаменитый белый воин? Если ты позволишь, мы поедем с тобой.

— Виннету не только позволит, но он даже попросит тебя: об этом. Кажется, вечно рассеянная стая грифов на этот раз собирается для крупной операции. Надо использовать это, чтобы уничтожить их единственным ударом. Я думаю...

Он прервался, потому что за кустами, в лагере, раздались громкие крики; прозвучало несколько выстрелов, и стал слышен торопливый цокот копыт с другой стороны лагерной площадки.

Оба вождя быстро помчались туда. Когда они пробрались через кусты, то застали в лагере крайнее оживление. Команчи спешили к своим лошадям, намереваясь как можно скорее ускакать. Мексиканцев не было видно. Бен, Портер, Блаунт и Фолсер стояли в нерешительности, не зная, что им предпринять. Только Охотник за медведями со своим сыном по-прежнему спокойно сидели у костра. Они-то и крикнули Виннету:

— Парни сбежали!

— Как это произошло? — спросил апач.

— Они так внезапно запрыгнули на своих лошадок и вихрем промчались через кустарник, что мы не успели дотянуться до ружей и подстрелить их!

— Хорошо! Оставьте их! Они скачут к своей гибели. Сыновья команчей могут спешиться и оставаться здесь, но на рассвете они покинут Поющую долину, чтобы начать охоту на двуногих хищников Льяно-Эстакадо!

Эти слова были сказаны так громко, что их все услышали. Однако команчи только тогда расстались с лошадьми, когда приказ апача повторил их предводитель, который объяснил им, почему надо было позволить беглецам на время скрыться.

Глава пятая. ДОМ ДУХА

My darling, my darling,
My love child much dear,
My joy and my smile,
My pain and my tear.¹³⁷

Так звучала в тихом утреннем воздухе милая старая теннессийская колыбельная. Казалось, будто ветки ближних миндальных и лавровых деревьев сгибались в такт ей, и сотни колибри, словно цветные искорки, вились вокруг негритянки преклонных лет, в совершенном одиночестве сидевшей у воды.

Солнце только что поднялось над горизонтом, и его лучи блуждали, словно сверкающие бриллиантовые пряди над светлой водой. Высоко в воздухе накручивал свои круги королевский гриф, а внизу, на берегу, множество лошадей наслаждалось изумительно сочными побегами лакомых трав; на верхушке одинокого кипариса, низко наклонив голову, сидел дрозд-пересмешник, прислушиваясь к пению негритянки, и, когда она подошла к концу строфы, начал вдруг звонко и громко передразнивать последние слова: «Митир-митир-митир!»

Над отражавшимися в воде опахалами низких пальм устремляли ввысь свои макушки сосны и сикоморы; под кронами охотились за мухами и другими насекомыми огромные пестро переливающиеся стрекозы, а позади близко стоящего к водоему домика ссорилась из-за кукурузных зерен стая карликовых попугаев.

Снаружи нельзя было видеть, из какого материала построен домик, так как все четыре стены и крыша густо поросли вьющимися побегами страстоцветов, белых, с тонкими красными ниточками; их желтые сладкие, похожие на куриное яйцо плоды высвечивали из буйства дольчатых листьев. Все это буйство растений очень напоминало тропики. Можно было предположить, что находишься в одной из долин Южной Мексики или средней Боливии, и все-таки это маленькое озеро с прикрытой страстоцветом хужиной и по-южному пышной растительностью на его берегах располагалось... посреди ужасающего своей сухостью Льяно-Эстакадо. Это была та таинственная вода, о которой столь много говорили, никогда ее не повидав.

My heart-leaf, my heart-leaf,
My life and my star,

My hope and my delight,
My sorrow, my care!
[Звезда моя, зорька
И сердца листок,
Печаль и тревога,
Надежды росток! (англ.)]

— Мик-кеер... мик-кеер... мик-кеер... — опять передразнил последние слова пересмешник.

Но певица не обращала на него внимания. Глаза ее уставились на какую-то фотографию, которую она держала в обеих руках и целовала, пропев одну строчку.

За много лет слезы так смыли изображение, что только очень острый глаз мог бы еще разобрать, кто или что изображено на снимке. А там когда-то улыбалась молодая негритянка с чернокожим младенцем на руках.

— Ты мой хороший, мой любимый Боб! — нежно сказала негритянка. — Мой маленький Боб, моя крошка Боб. Моя госпожа была такой доброй, что, заказавши свой портрет, заставила фотографа сделать и снимок Санны с ее маленьким сыном Бобом. Потом, когда миссис умерла, масса продала Боба, и у мамы Санны осталась только его фотокарточка. Я сберегла ее и тогда, когда сама была продана, сохранила и тогда, когда добрый масса Кровавый Лис привез меня сюда. Старая Санна будет хранить ее, пока не умрет, так, наверное, и не повидав своего Боба, который тем временем стал большим и сильным негром и тоже не забыл свою добрую милую маму Санну. О, мой милый, мой милый...

Она остановилась и, прислушиваясь, подняла голову. Ее снежно-белые пушистые волосы резко выделялись над темной кожей лица. Кто-то подъезжал к дому. Женщина вскочила, спрятала фотографию в карман своей коленкоровой юбки и вскрикнула:

— О, господи Иисусе, как обрадуется Санна! Наконец-то возвращается Кровавый Лис. Добрый Кровавый Лис опять здесь. Надо сейчас же накормить его мясом и испечь пирог.

Она поспешила к домику, но еще не успела добраться до него, когда между деревьями показался упомянутый Кровавый Лис. Он выглядел очень бледным и измученным; лошадь его устала и шла медленным, спотыкающимся шагом. Оба, всадник и животное, находились, кажется, у предела сил.

— Добро пожаловать, масса! — приветствовала Лиса старуха. — Санна сейчас же принесет поесть. Санна все быстро сделает!

— Нет, Санна, — ответил молодой человек, который от усталости еле

сполз с седла. — Наполни бурдюки, все! Это — самое необходимое, что теперь надо сделать.

— Зачем бурдюки? Для кого? Почему масса Лис не хочет есть? Он же должен быть очень голоден.

— Конечно, я голоден, но я сам возьму себе все, что нужно. У тебя же на это нет времени. Ты должна наполнить все бурдюки, с которыми я немедленно отправляюсь в дорогу.

— О, Иисусе! Опять прочь! И так быстро! Почему старая Санна должна почти всегда оставаться совершенно одна в этом огромном Эстакадо?

— Потому что иначе целый караван переселенцев погибнет от жажды. Этих людей сбили с пути разбойники.

— Почему масса Лис не провел их правильной дорогой?

— Я не смог. На них налетела такая многочисленная стая грифов, что я, если бы отважился прорвать образованную ими цепь, был бы обречен на верную смерть.

— Так они убьют бедных добрых переселенцев?

— Нет. Сюда придут смелые и сильные охотники с севера, на помощь которых я очень рассчитываю. Но какая польза от этой помощи, если нет воды?! Люди умрут от жажды, хотя их и освободят от грифов. Итак, воды, Санна, побыстрее наполняй бурдюки! Я нагружу ими всех лошадей. Только вороную я должен оставить здесь — она слишком устала.

Лис направился к домику и прошел через тесно обвитую страстоцветами дверь. Внутри домик состоял из одной-единственной комнаты. Стены были сделаны из тростника, скрепленного тонким озерным илом. Над сложенным из глины очагом открывался дымоход из тростника и ила, под которым висел железный котел. В трех стенах комнаты было по маленькому окошку, которые не затеняли вьющиеся растения.

К потолку были подвешены куски закопченного мяса, а по стенам красовались все виды оружия, которое только можно было увидеть и купить на Диком Западе. На полу лежали шкуры. На укрепленные на столбах ремни были также наброшены медвежьи шкуры — это были кровати. Главным украшением комнаты являлась густая лохматая шкура белого бизона с еще сохранившимся черепом. Она висела напротив двери, а по обе стороны от нее в стене торчали штук двадцать ножей, на костяных или деревянных рукоятках которых виднелись вырезанные различные знаки.

Стол, два стула и достававшая до потолка приставная лестница дополняли обстановку комнатки.

Кровавый Лис подошел к шкуре, погладил ее и сказал сам себе:

— Форма Духа, а рядом — ножи убийц, павших от его пули. Их уже двадцать шесть. Но когда же я открою того, кто больше всех остальных заслужил смерть? Может быть, никогда! Хо! Но я еще надеюсь, потому что совесть злодея опять и опять гонит его к месту преступления... А теперь я должен отдохнуть хоть четверть часа.

Он бросился на шкуры и закрыл глаза, однако не смог заснуть. Картины бурных событий проносились перед взором этого молодого человека!

Через полчаса вошла негритянка Санна и сообщила ему, что бурдюки наполнены. Лис вскочил с ложа и поднял одну из лежащих на полу шкур. Под ней было маленькое потайное углубление, в котором стоял обитый жестью ящичек. Лис взял оттуда боеприпасы и заполнил ими висящий у пояса подсумок. Потом он поднялся по лесенке к потолку, чтобы заластить мясом. Сделав все это, Лис вышел к озеру, на берегу которого лежали восемь больших, заполненных водой кожаных бурдюков, связанных по два широким кожаным поясом и несколькими ремнями. Благодаря таким бурдюкам с водой Лис уже спас от смерти многих заблудившихся путников.

У озера, рядом с бурдюками, стояли пять лошадей. Одна из них была под седлом, которое Лис снял с усталой вороной, другие должны были везти бурдюки, причем пояс у каждой протягивался по хребту, а бурдюки свисали направо и налево; груз еще укреплялся ремнями. Лошади были связаны между собой: уздечка одной привязывалась к хвостовому ремню другой; верховая лошадь шла первой. Покончив с экипировкой каравана, Кровавый Лис забрался в седло.

Негритянка опытной рукой помогала ему в сборах. Ей это было не впервой. Потом она сказала:

— Масса Лис едва приехал, а уже снова летит навстречу опасности! Что станет с бедной старой Санной, когда массу Лиса однажды подстрелят и он больше не вернется?

— Я вернусь, милая Санна, — ответил он. — Моя жизнь находится под могучей защитой. Если бы это было не так, то меня давно бы не было в живых, поверь мне!

— Но Санна всегда так одинока! Совсем никого, с кем бы ей можно было поговорить — только лошади и попугаи, да портрет маленького Боба.

— Ну, может быть, на обратном пути я прихватю с собой компанию. Я встречу с людьми, которым охотно покажу свой дом, хотя до сих пор я скрывал его. Есть там один негр, которого зовут Бобом, точно так же, как твоего милого малыша.

— Негр Боб? О, Иисусе! А мать его не звали Сусанной, короче — Санной?

— Я об этом не знаю.

— Не продавали ли его из Теннесси в Кентукки?

— Я его не спрашивал.

— А что, если он окажется моим милым малышом?

— Что на тебя нашло! Тысячи негров носят имя Боб. Как можешь ты думать, что этот — именно твой малыш?! Оставь такие мысли! Может быть, он приедет со мной, и тогда ты сможешь сама с ним поговорить. Прощай, Санна. Хорошенько смотри за вороной!

— Прощайте, масса! О, Иисусе, вот Санна опять осталась одна! Привези с собой негра Боба, привези!

Он ободряюще кивнул ей и, приведя свой маленький отряд в движение, быстро скрылся за деревьями.

Кипарисы, сосны и сикоморы у воды были очень старыми деревьями. Миндаль и лавр насадил Кровавый Лис, так же как и рощицу каштанов и апельсиновых деревьев, сквозь которую он теперь скакал. Потом пошли заросли густых, быстро растущих кустов — они должны были сдерживать ветер и песок перед маленьким оазисом. Молодой человек провел сюда от озера узкие канавки, предназначенные для обводнения почвы, потому что там, где влаги в почве не хватало, кусты быстро сменялись стелющимися видами кактусов, за которыми шла уже голая, лишенная растительности песчаная поверхность Льяно.

Подъехав к окраине оазиса, где он мог развить большую скорость, Лис перевел свой отряд в галоп и вскоре исчез маленьким темным пятнышком на далеком горизонте.

В половине дневного перехода от дома со страстоцветами, к северо-западу от него, в обеденное время того же дня двигался в северо-восточном направлении отряд всадников. Впереди скакали Виннету и предводитель команчей, за ними — Охотник за медведями со своим сыном, потом следовали друг за другом Бен Новая Луна, Портер, Блаунт и Фолсер, а замыкали строй команчи.

Они ехали в полном молчании; можно было подумать, что как будто за каждый сорвавшийся с губ звук должен был заплатить жизнью одни из них. Глаза задних воинов хотя рыскали по линии горизонта, но чаще всего были обращены к обоим вождям, особенно к Виннету, который сидел в седле, низко наклонившись, отчего мог внимательно изучать следы, по которым шел отряд.

Этот след оставили братья Корхето, и вел он в Ложбину Убийц.

Вдруг Виннету резко остановил лошадь и спрыгнул на землю. На мелком песке появилось больше следов, чем прежде. Похоже было, что здесь всадники кружили на лошадях.

Остались следы не только от копыт, но и от человеческих ног. Всадники, побывавшие здесь, спешили, чтобы как следует рассмотреть кем-то до них оставленные следы.

Пока отряд ожидал, Виннету тщательно изучал каждый отпечаток на этом истоптанном месте. Потом медленно, нагнувшись вперед, прошел направо. Вернувшись, он обратился к вождю команчей, но его слова могли слышать все:

— Здесь оба беглеца наткнулись на более ранние следы и остановились, чтобы их прочесть. Следы оставили пять лошадей, связанных вместе, одна за другой. Если бы на этих животных сидели всадники, их бы не связали. Значит, в этом отряде на пять лошадей приходился только один всадник. Он сидел на передней лошади. Этот всадник со своим караваном проезжал здесь три часа назад. Оба белых, которые называли себя мексиканцами, встретили его след два часа назад и поехали по нему. Мой брат-команч сам может внимательно рассмотреть следы. Частично они еще сохранили резкие края, но по большей части края уже обвалились. Он тоже скажет, что двое белых были здесь самое большее два часа назад. Самым старым следам не более трех часов.

Команч соскочил с лошади, тоже собравшись изучить следы. Сделав это, он согласился с мнением Виннету.

Теперь спешился и Бауман, Охотник за медведями. Низко наклонившись к земле, он медленно обогнул площадку, потом тоже свернул направо, пройдя, пожалуй, даже дальше Виннету. Там он присел, пожелав более тщательно осмотреть грунт. Потом он подал Виннету знак, а когда тот подошел к нему, сказал, показав песок:

— Вождь апачей должен увидеть, что одинокий всадник здесь спешился. Почему он это сделал?

Виннету посмотрел на уходящие вправо следы и ответил:

— Этот человек был бледнолицым, как я вижу по следам, и он молод. Из его бурдюка вытекала вода. Дальше следов воды не видно. Значит, здесь он спрыгнул с седла, чтобы крепче завязать кожаный мешок, из которого вытекала вода.

— Мой краснокожий брат думает, что протекал только один бурдюк?

— Только один, а всего таких мешков у него было восемь. Каждая лошадь несла по два; всего лошадей было пять, но на одной находился всадник — значит, в поводу за собой он вел четыре лошади с восемью

бурдюками.

— Зачем ему столько воды? Для себя и для одной лошади столько не нужно.

— Конечно, не нужно. Значит, он скакал к месту, где вода необходима многим. Либо это был гриф, который должен был напоить других хищников, либо — порядочный человек, который взял на себя труд доставить воду другим честным людям. Он должен знать, что такие люди в пустыне есть. Кто бы это мог быть?

— Видимо, тот самый переселенческий караван, на который собираются напасть грифы?

— Пожалуй, мой брат догадался. Нам надо опять сесть на лошадей и немедленно отправляться в погоню по двойному следу.

Они опять оказались в седлах и торопливо поскакали по следам, ведшим уже не на северо-восток, а точно на север.

Под копытами лошадей был песок, ничего, кроме песка, на котором очень отчетливо вырисовывались следы. Лишь изредка всадников выносило на обнаженные скалы; по большей же части Льяно походило на дно огромного озера, высохшего многие сотни или даже тысячи лет назад.

Время от времени справа и слева вдаль, у самого горизонта, появлялись серо-бурые полосы, отмечавшие густые заросли кактусов, через которые никто не мог проехать.

Следы становились все свежее, а это был верный признак того, что отряд догоняет караван с бурдюками.

Уже вечерело, когда отряд достиг места, где следы опять расходились, но не потому, что подъехали новые всадники, а потому, что здесь останавливались. Виннету снова прыгнул с лошади, чтобы осмотреть место. Он прошел немного к северу, потом, вернувшись, почти столько же к востоку, а закончив осмотр, сказал:

— Человек с запасом воды поскакал прямо на север. Оба мексиканца здесь раздумывали, следовать ли за ним. Правда, ехать они собирались уже на следующий день с восходом солнца. За кем мы последуем?

— Мой брат может определить это лучше, чем все мы, — ответил предводитель команчей.

— Тогда я выскажу свое мнение. Те, к кому спешил молодой человек, находятся на севере. Это хороший человек, и даже след его выглядит поиному, чем у мексиканцев. Мы могли бы отправиться за ним, чтобы предупредить его. Однако братья слишком резко уклонились в сторону, значит, где-то здесь поблизости должна находиться Ложбина Убийц. Они поскакали туда, чтобы встретить грифов и сообщить им, что видели след

человека, везущего бурдюки с водой, и надо бы поспешить за ним, чтобы помешать этому парню дать воду тем, кого он хочет спасти. Его следы такие свежие, что можно было бы настичь его еще до наступления темноты. Теперь мои братья могут решать, как мы должны поступить. Последуем ли мы за человеком с водой, чтобы помочь ему, или направимся к Ложбине Убийц с целью захватить там грифов, помешав им напасть на доброго парня? В первом случае, увидев нас рядом с ним, они не решатся напасть и, возможно, обратятся в бегство. В другом мы, вероятнее всего, захватим их и еще успеем догнать парня и вместе с ним найти белых людей, к которым он направляется на встречу.

Виннету так все объяснил, что долгое обсуждение стало просто ненужным. Команчи выжидательно молчали. Их предводитель перебросился парой фраз с шестеркой белых и объявил апачу:

— Мы поскачем к Ложбине Убийц, то есть пойдем по следу мексиканцев. Это устраивает моего краснокожего брата?

Виннету одобрительно кивнул и повернул на восток. Подгоняй он сильнее свою лошадь, а тем самым и лошадей своих спутников, ему бы, конечно, быстро удалось догнать мексиканцев; но это нисколько не входило в его планы. Чем раньше он бы настиг обоих, тем меньше шансов у него было узнать, где расположена Ложбина Убийц. Для него было очень важно увидеть само это место, поэтому он пока сохранял лишь такую скорость, какую как это было видно по следам поддерживали преследуемые.

А к северо-востоку, на расстоянии, чуть большем одного дневного перехода от домика со страстоцветами, двигалась по очень глубокому в том месте песку Льяно длинная змея. Конечно, слово «змея» употреблено здесь иносказательно: это был сильно вытянувшийся в длину караван из двадцати фургонов, растянувшихся по пустыне и сопровождаемых вооруженными людьми.

Фуругоны были крепко сколочены и тяжело нагружены, поэтому в каждую повозку запрягли по шесть-восемь волов, которые очень медленно тащили повозки вперед. Животные очень устали и дошли до крайнего истощения. И по лошадям, на которых сидели сторожевые, было видно, что они едва-едва могут выдерживать всадников. Язык у каждой высывался, а ноги дрожали при каждом движении от напряжения.

Изнуренные возницы шли возле спотыкавшихся волов. Они резко опустили головы и, казалось, едва собирают силы, чтобы взмахнуть огромным кнутом, побуждая тягловых животных идти вперед. И люди, и животные — весь караван чуть ли не умирал от жажды.

Только лошадь ехавшего впереди проводника была по-прежнему

бодра. Но посадка всадника мало отличалась от других: он так же тяжело наклонялся вперед в седле, испытывая ужасную жажду. Однако, услышав, как одна из женщин или кто-то из детей, сидевших в фургонах, издавали жалобный стон, он невольно выпрямлялся, а на губах его появлялась удовлетворенная улыбка.

Этим человеком был не кто иной, как набожный мормонский миссионер Тобайас Прайзеготт Бартон, который взялся привести доверившихся ему людей к верной гибели.

Передний из сторожевых всадников пришпорил свою лошадь и поравнялся с Бартоном.

— Сэр! — произнес он усталым голосом. — Дальше так двигаться нельзя! С позавчерашнего дня мы не получили ни единого глотка, потому что последние запасы воды мы вынуждены были оставить животным. Но вчера утром их не стало, потому что обе последние бочки внезапно опустели непонятно почему.

— Это виновата жара, — объяснил Бартон. — От нее могла рассохнуться клепка.

— Нет, сэр. Я проверил бочки. Пока в них была вода, клепка держалась прочно. Бочки просверлили, чтобы ночью вода незаметно просочилась по капле.. Среди нас есть человек, который хочет всех погубить.

— Не может быть! Кто позволяет тайно вылиться воде, должен будет сам страдать от жажды.

— Я тоже так думаю, но тем не менее это так. Я никому не рассказал о своем открытии, чтобы не увеличить панику. Я тайно понаблюдал за каждым в отдельности, но не обнаружил ничего подозрительного, позволяющего мне заключить, кто виновник происшествия. Скотина умирает от жажды; она уже не сможет идти вперед; женщины жалуются, а дети с криком просят воды... Все напрасно! У нас не осталось больше ни капли. Посмотрите вверх! Там кружат грифы, словно знают, что скоро мы станем их добычей. Вы все так же уверены, что мы идем верным путем?

Именно Бартон ночью продырявил обе бочки. При этом он напился и дал воды своей лошади.

— Конечно! — ответил он, указывая на вехи, которые на некотором расстоянии одна от другой были забиты в песок. — Вы же видите наши указатели. На них мы можем вполне положиться.

— Вполне? Все мы слышали, что иногда грифы Льяно вытаскивают эти шесты и устанавливают в направлении, приводящем путников к гибели.

— Да, раньше такое случалось, но теперь этого больше нет. Проискал

мерзавцев положен конец. К тому же мне очень хорошо знакомы здешние места, и я уверен, что мы на правильном пути.

— Сегодня утром вы сказали, что мы находимся в самом страшном месте Льяно. Почему же шесты поставлены как раз в этом направлении? Возможно, в другом месте мы бы наткнулись на крупные кактусовые заросли. Плоды кактусов содержат так много влаги, что мы смогли бы напиться сами и дать этого сока нашим животным.

— Пришлось бы делать слишком значительный объезд. Но, чтобы вас успокоить, хочу сообщить, что мы, если только чуть-чуть поторопимся, к вечеру доберемся до обработанных полей. Тогда завтра мы достигнем источника, который положит конец нашим страданиям.

— Если мы только чуть-чуть поторопимся! Хорошее пожелание, но вы же видите, что животные не смогут идти вперед быстрее.

— Тогда давайте остановимся, пусть они отдохнут.

— Нет, нет! Этого нельзя делать. Раз остановившись, волы уже не пойдут дальше. Если они залягут, то больше не встанут. Нам придется снова и снова погонять их, чтобы они дотащились хотя бы до кактусов, о которых вы упомянули.

— Как вы хотите, сэр! Я страдаю не меньше вашего. Однако я, к своему утешению, вижу, что незадолго до нас по этому пути проскакал еще кто-то. Вы видели следы, на которые мы сегодня утром натолкнулись? Здесь был значительный отряд всадников. Эти люди вряд ли бы отважились ехать в этом направлении, если бы не знали твердо, что оно верное. Нам абсолютно нечего бояться. Завтра к этому времени все кончится.

Последние слова он произнес с законным убеждением, потому что задуманная атака разбойников должна была, по его расчетам, начаться гораздо раньше. Конечно, он не сказал, что упомянутый отряд всадников состоял из его сообщников, переставивших шесты в ложном направлении. Сам он в душе посмеялся, вполне удовлетворенный своими двусмысленными словами.

Между домиком со страстоцветами и Ложбиной Убийц простирались непроходимые заросли кактусов, занимавшие обширную площадь. Ни лошадь, ни пеший не смогли бы пробраться через эти кактусы. Именно поэтому Кровавый Лис никогда не ездил в том направлении и никогда не добирался до Ложбины. По западной окраине зарослей он помчался к северу. Если бы потом, на северной окраине, он повернул на восток, то, безусловно, открыл бы Ложбину, для многих уже ставшую губительной. Но Лис знал, что те, кого он собирается спасти, находятся к северо-востоку от него, а поэтому избрал именно такое направление, оставив за собой

заросли кактусов.

Солнце жгло с исключительной силой. Лис чувствовал, как солнечные лучи докучливо проникали под одежду. Хотя с лошадиных морд падала пена, но Лис не давал им ни минуты покоя. Он беспрестанно осматривал горизонт и скакал все дальше и дальше.

И вот там, где на северо-востоке небо, казалось, соединилось с землей, появилось несколько разбросанных черных точек.

— Это переселенцы! — обрадованно закричал он. — Я знал, что они должны появиться оттуда. Пожалуй, я встречу их в самое время.

Он пришпорил свою лошадь, а следовавших позади вьючных животных подбодрил громким выкриком, и они вихрем полетели над равниной.

Правда, уже через некоторое время он заметил, что видны только всадники, а никаких фургонов нет, однако Лис подумал, что эти люди высланы в авангард, и продолжал держать направление прямо на них.

Только подъехав уже совсем близко, Лис обратил внимание на большое количество этих всадников, а также на их странное поведение. Теперь и они его заметили. И вместо того, чтобы спокойно поджидать его караван, они разделились на три отряда. Один из них остался на месте, а два других поскакали навстречу Кровавому Лису, пытаясь обойти его справа и слева и отрезать ему путь к отступлению.

Естественно, такое поведение насторожило Лиса. Он вытянулся в седле как можно выше и огляделся.

— Боже! — закричал он. — Да их больше тридцати человек. Таким многочисленным не может быть ни один авангард переселенцев! А еще при них я вижу вьючных лошадей, нагруженных шестами. Черт возьми! Да это же грифы Льяно! Я прискакал прямо к ним в лапы! Они меня окружают и хотят поймать. С таким количеством врагов я не справлюсь. Значит, придется бежать.

Лис повернулся и помчался назад. Но с привязанными одна к другой лошадьми он не мог достичь желаемой скорости, тем более, что животные уже достаточно устали. Преследователи заметно приближались к нему. Правда, Лис подгонял свою лошадь как только мог, но той мешали вьючные животные. Они упирались изо всех сил, дергали сбрую и ремни, брыкались и лягались. Это приводило к остановкам, которые могли оказаться роковыми, потому что передние из преследователей находились почти уже на расстоянии выстрела. Тут лопнул повод самой первой из вьючных лошадей, и все четыре лошади с водой сразу отстали.

Животные погибли, и вода исчезнет вместе с ними, но за это они

расплатятся сейчас же.

Молодой человек успокоил свою лошадь и заставил ее стоять на месте. Он приложился к двустволке, прицелился... Грохнул выстрел, за ним еще один, и оба вырвавшихся вперед преследователя рухнули наземь.

— Так, теперь вперед! Сейчас они, пожалуй, не приблизятся ко мне, но и я ничего не смогу сделать для умирающих от жажды... Разве что стоит попытаться отыскать Олд Шеттерхэнда и навести его на след переселенцев.

Гневно выговаривая эти слова, Лис между тем галопом летел на север. Грифы еще немного преследовали его, осыпая яростными проклятиями, однако, увидев, что его скакун превосходит их собственных лошадей, они повернули назад, к тому месту, где лежали подстреленные сообщники.

А в это время в дневном переходе от домика со страстоцветами, но уже севернее его, продвигался к югу еще один отряд. Силен он был не числом, а умом и опытом людей, его составлявших, а именно, Олд Шеттерхэнда и его спутников.

Они ехали по глубоко врезавшемуся в мягкий песок следу, который принадлежал грифам, направлявшимся к переселенческому каравану, чтобы вырыть перед ним вехи и разметить ими ложный путь, ведущий к Ложбине Убийц.

Олд Шеттерхэнд, как обычно, скакал впереди; возле него — Железное Сердце, юный команч. Братья Джим и Тим следовали за ними. Еще дальше ехали Хромой Фрэнк и Толстый Джемми, остальные замыкали отряд.

Олд Шеттерхэнд ехал молча. Ни на мгновение он не терял из вида следы, а еще — ту точку горизонта, куда они вели. Казалось, только этим наблюдением он и был поглощен.

Притихли и другие, самым разговорчивым из которых, естественно, оставался Фрэнк. Беседа шла о предмете, к которому Фрэнк проявлял живейший интерес, но его сосед, кажется, высказал совсем другое мнение, потому что маленький саксонец гневно возразил:

— В научных вопросах ты всегда остаешься на ложном пути: на лесовозной просеке или на бревенчатой гати, ты, старый жилет. Если бы ты вовремя не встретил меня, то и сегодня пребывал бы погруженным в болото тупости, питая свою темную душу кислым щавелем да маринованными жабыми ляжками. Кто ты такой? Ты — то, что я из тебя сделал. Только из моей интеллектуальной пахты твоя слабая голова получила свою теперешнюю силу духа. Поэтому у меня есть право требовать от тебя, чтобы ты признал мое превосходство. Мнение, высказанное тобой, просто неслыханно! Надо же придумать, что световой шар, виденный нами, будто бы должен прибыть с небосвода! Как будто

небосводу нечего делать, кроме как озарять твое темное состояние души сверкающими шарами и ракетами!

— Ну, тогда предложи нам свое объяснение! — с улыбкой потребовал Джемми.

— Не приставай ко мне!

— Почему это?

— Потому что я могу опять сделать тебя на несколько градусов по Цельсию разумнее прежнего, но не получу от тебя никакой благодарности.

— Или потому, что ты сам не знаешь объяснения?

— Ого! Я, словно царь Соломон, все могу объяснить — от кедра до сиропа. А явление светового шара для меня и подавно плевое дело. Своим возникновением он обязан некоему сернистому бракосочетанию между фосфором и теми огненными губками, которые иногда...

Его прервал возглас Олд Шеттерхэнда, указывающего вытянутой рукой на юг:

— Вон едет всадник, совсем один. Ездить по этим краям в совершенном одиночестве не принято. Для этого нужны большая смелость и отличное знание Льяно-Эстакадо.

— Кто бы это мог быть? — задумался Тим. — Он, кажется, очень спешит.

Олд Шеттерхэнд попридержал свою лошадь, вытащил из седельной сумки подзорную трубу, навел ее на всадника, приближающегося галопом, потом опустил трубу и сказал с радостью в голосе:

— Это Кровавый Лис, которого нам так долго не хватало. Подождем его здесь!

Через несколько мгновений Лис увидел знакомые лица в отряде. Он махнул рукой в знак приветствия и уже издали закричал:

— Какое счастье, что я вас встретил, джентльмены! Должен попросить у вас неотложной помощи.

— Для кого? — спросил Олд Шеттерхэнд.

— Для каравана переселенцев, состоящего по большей части из немцев, на которых, вероятнее всего, еще сегодня ночью собираются напасть разбойники, грифы Льяно-Эстакадо.

С этими словами Лис подъехал к отряду, осадил свою лошадь и протянул мужчинам руку.

— Это именно те, кого мы ищем, — сказал Олд Шеттерхэнд. — Где они?

— На юго-восток от нас. Кажется, они держат путь в сторону обширных зарослей кактусов.

— Что-то я до сих пор о них не слышал.

— Это самые обширные заросли во всем Льяно... Я насчитал более тридцати грифов и двоих из них застрелил. Они вытащили вехи и переставили их в направлении, ведущем к кактусам. Но через эти заросли совершенно невозможно проехать, там можно лишь заблудиться. Так что можно с уверенностью сказать, что там хотят расправиться с переселенцами.

— И как долго нам надо скакать, чтобы догнать этот караван?

— Если галопом... то побольше трех часов.

— Ладно, тогда — вперед! Не стоит терять времени. Поговорить мы сможем и в пути.

Маленький отряд вихрем помчался по равнине. Кровавый Лис ехал подле Олд Шеттерхэнда и рассказал ему о встрече с грифами и потере четырех вьючных лошадей. Охотник посмотрел на него со стороны и сказал с обычной своей добродушной улыбкой:

— Вы имеете пять лошадей, Лис? Хм! Здесь, посреди Льяно? Да еще в тот самый момент, когда совсем недавно пронесся Мстящий Дух?

— Да, сэ, — сказал Лис и кивнул.

— Я так и думал, что у вас здесь есть уютное гнездышко.

— Тайну больше хранить ни к чему, потому что теперь вы в любом случае увидите мое гнездо. Да скоро мне и не надо будет играть комедию, потому что нам, надеюсь, удастся уничтожить всю банду до последнего человека. Лично мне не хватало только одного из них.

— Кого же?

— Того, кто был у них вожаком в тот день, когда я один из целого каравана остался в живых.

— Вот вы о чем! Да его кости, Лис, уж, верно, давно белеют на солнце Бог знает в каком уголке Льяно!.. А вы, несмотря на свою молодость, настоящий герой. Когда-нибудь позже вы все нам подробно расскажете. Но уже теперь я знаю, что вы достойный и храбрый человек. Итак, у вас так много лошадей, вы можете по собственному желанию то возникать, то исчезать — значит, вам известно какое-то место в самом сердце пустыни, где есть вода, трава, деревья и фрукты.

— Конечно, у меня есть здесь тайное убежище. Я живу на той стороне обширных зарослей кактусов, на берегу маленького озера.

— Ах, даже озерко? Стало быть, старое предание говорит правду. Пожалуйста, опишите мне это место.

Кровавый Лис выполнил его пожелание. Никто этого рассказа не слышал, кроме Олд Шеттерхэнда, и тот решил пока не выдавать тайну

Лиса.

После долгой скачки лошадям позволили отдохнуть и идти чуть медленнее, чтобы не загнать их совсем, но потом пришлось опять перейти в галоп, так как надо было торопиться.

К заходу солнца добрались до колесного следа, по которому отряд и двинулся на юг. Не сбиться с верного пути было нетрудно, потому что взошла луна и ее света хватало. Примерно через час Олд Шеттерхэнд резко остановил своего жеребца и, вытянув руку вперед, сказал:

— Вон они, переселенцы. Видите заграждение из их повозок? Вы оставайтесь здесь, а я незаметно подкрадусь к ним, разведу обстановку и все вам расскажу.

Он спрыгнул с коня и сразу исчез. Вернулся он, пожалуй, через полчаса и сообщил своим спутникам:

— Там двенадцать больших фургонов. Они составлены в четырехугольник, внутри которого сидят люди. У них нет ни еды, ни питья, ни топлива для костра. Ясное дело, их предал проводник, иначе бы все это было. Волы лежат на земле и стонут; они почти умирают от жажды и наутро ни за что не смогут идти дальше. Того небольшого количества воды, которое мы везем с собой, не хватит даже для людей, а чтобы спасти животных, нам бы надо обязательно устроить дождь.

— Что? Дождь? — спросил Хромой Фрэнк. — Вы, кажется, считаете, что сможете здесь, посреди этой пустыни, организовать дождь?

— Конечно!

— Как? В самом деле? Ну, это уж чересчур! Вы, правда, человек слова, но в то, что вы по собственному желанию могли бы насвистеть облака, я никак не могу поверить. Что же это у вас за дождевая заслонка?

— Электричество! Объяснять все это вам подробно я не могу: у меня нет на это времени. А чтобы получить воду, мне нужна как можно большая горящая площадь, то есть надо что-то поджечь. Кровавый Лис говорил о каких-то там весьма протяженных кактусовых зарослях, которые находятся к югу отсюда. В таком случае я надеюсь в скором времени устроить для вас дождь, а теперь — поехали!

Он снова забрался в седло и поскакал к лагерю. Остальные последовали за ним, недоверчиво покачивая головами в ответ на обещание «устроить дождь» и строя догадки, что собой представляют те люди, для спасения которых они сюда приехали.

Фургоны были сдвинуты так, что внутрь не мог проехать ни один всадник, но приближение спасителей услышали. Всадники спешили перед самым заграждением. В этот самый момент изнутри кто-то крикнул:

— Прислушайтесь! Там кто-то подъехал. Господи, не помощь ли это? А может быть, разбойники?

— Мы не разбойники, — громко ответил Олд Шеттерхэнд. — И у нас есть вода, в которой вы так нуждаетесь. Впустите нас!

— Черт побери! — раздался другой, негодующий, голос. — Может быть, я совсем спятил... Подождите, я пойду посмотреть!

Человек приблизился, перевесился через оглоблю и спросил:

— Кто вы?

— Меня зовут Олд Шеттерхэнд, а рядом со мной — мои спутники, все люди исключительно порядочные.

— Олд Шет... Черт вас побери!

Разумеется, проклятиями вместо радостных криков мог встретить спасителей только мастер Тобайас Прайзеготт Бартон.

— А, это вы! — сказал Олд Шеттерхэнд, узнавший мормона, несмотря на темноту и ничуть не удивившись. — Я крайне рад встретить вас здесь!

Но Бартон уже исчез. Он понял, что не может оставаться в лагере ни на мгновение. Поэтому он проскользнул на противоположную сторону лагеря, где стояла его лошадь, быстро вытащил оглоблю, чтобы Открыть себе выезд за ограждение, вскочил в седло — и был таков. Позади себя он слышал ликующие крики людей, которых он вел к гибели.

— Подождите! — процедил он сквозь зубы. — Скоро я вернусь, и тогда вместе с вами погибнут те, кто прибыл к вам как спасители и вместе с ними — Олд Шеттерхэнд! Что за улов у нас будет!

Далеко скакать ему не пришлось. Через четверть часа он наткнулся на своих сотоварищей — в месте условленной встречи.

Их, казалось, ничуть не обескуражило появление такого знаменитого охотника, как Олд Шеттерхэнд. Наоборот, они обрадовались этому, потому что тем самым становилась богаче их добыча. Они совсем не принимали в расчет, что теперь их нападение может не удастся. Конечно, с изменением ситуации отпадает возможность взять жертвы голыми руками, без боя, но бандиты верили, что они должны победить. Надо только дождаться рассветных сумерек, когда друга от врага можно различить лучше, чем сейчас, ночью.

Оба мексиканца тоже присоединились к отряду. Они нашли в Ложбине Убийц одного-единственного караульного, который и привез их сюда. Мексиканцы рассказали о происшедшем с ними в Поющей долине, чем доставили окружающим большую радость. Сообща порешили, что сначала надо будет одолеть переселенцев, а потом уже разыскать Виннету и напасть на его отряд. Это нападение тоже сулило хорошую добычу. Им даже не

пришло в голову, что апач уже находился поблизости. А он уже был совсем рядом.

Виннету со своим отрядом добрался до Ложбины Убийц, но нашел ее пустой. Ложбина представляла собой довольно глубокий овраг с крутыми склонами, дно которого всегда было прикрыто мутной лужицей. Видимо, эта влага попадала сюда из недалекого озера в убежище Духа. Вода была мутной, но здесь, в сердце пустынного Льяно, она тем не менее представляла большую ценность. Понятно, почему грифы использовали это место в качестве капитальной стоянки. Куда бы ни разъезжались они по Равнинам, всякий раз они опять возвращались сюда, где постоянно оставался один из них, несший одновременно и караульную службу, и выполнявший обязанность связного.

Сегодня этот человек ускакал с мексиканцами, и поэтому Виннету нашел Ложбину Убийц пустой. Разумеется, его зоркий глаз вскоре разобрал, куда поскакала тройца. Он поехал по их следам и к наступлению вечера открыл место временного лагеря грифов.

Его люди должны были остаться позади. Сам он лег на землю и змеей пополз к группе разбойников. Он увидел, как приехал Бартон и подсел к своим сотоварищам. К сожалению, Виннету не мог настолько рискнуть, чтобы подобраться ближе и расслышать весь разговор, но ему по меньшей мере удалось кое-что понять из их беседы и пересчитать людей. Сделав это, он вернулся назад.

— Бандитов тридцать пять человек, — сообщил он своим спутникам. — Завтра к этому времени их мясо сожрут настоящие грифы.

— Что они там делают? — поинтересовался Бен Новая Луна.

— Караулят добычу, которая находится к северу от этого места, потому что в том направлении поскакали мексиканцы; оттуда же прибыл гонец, сообщивший, что время нападения пришло. Сейчас мои братья вместе со мной отправятся рысью на север; там мы наверняка встретим людей, которых собираются убить и ограбить эти разбойники.

Виннету снова сел на коня и поскакал, описывая большую дугу, чтобы ни его самого, ни его спутников не заметили разбойники; потом он снова повернул в упомянутом ранее северном направлении.

Вскоре они увидели перед собой заграждение из фургонов. Теперь уже перед ним были расставлены посты. Это Олд Шеттерхэнд принял меры предосторожности. Когда сторожевые окликнули приближающихся, за всех ответил Виннету:

— Белым людям не надо тревожиться. Здесь Виннету, вождь апачей. Я привел вам в помощь людей, и я везу вам мясо и воду.

Его звонкий голос отчетливо слышался в ночи. Едва затихли его последние слова, как внутри ограждения радостно завопил Хромой Фрэнк:

— Виннету? Тогда виктория протрубила и ударила в барабан, ибо там, где показался апач, должны быть также Охотник за медведями и его маленький Мартин! Выпустите меня — я должен всех их обнять! О, это же такой праздник! Здесь, в самом сердце американской Сахары, в темной ночи, столкнуться со своими лучшими друзьями. Это очень большая радость!

Фрэнк перелез через оглобли фургона и, заметив целый отряд команчей, в удивлении остановился.

— Вот это да! Что же это такое? — спросил он. — Тут, возле нашей двери, собрался целый эскадрон кавалерии! Что-то в этом мне кажется подозрительным. А ну-ка, господин Олд Шеттерхэнд, выйдите наружу и посмотрите-ка на духов, которые шляются по ночам на лошадях!

Друзья обнялись, а Виннету сказал:

— Так мой брат Олд Шеттерхэнд тоже здесь? Разве он не слышал мой голос?

— А как же! Здесь я! — ответил знаменитый охотник, пробираясь через два составленных вместе фургона и выходя за ограждение, чтобы протянуть своему краснокожему другу руку. Посыпались вопросы, пошли пожатия и похлопывания по спине, разумеется, без особого шума, потому что этого требовала особая ситуация.

Железное Сердце, серьезный и опечаленный, стоял среди своих команчей, которые очень удивились, найдя его здесь, и рассказывал им об убийстве вождя, своего отца. Воины выслушали его молча, не проронив ни единого слова, но в душе каждый из команчей поклялся отомстить грифам за смерть своего вождя.

Когда утихли приветствия, в лагере началась оживленная деятельность. Огражденную площадь расширили, чтобы впустить туда команчей. Грифы не должны заранее знать, что теперь они имеют дело с многочисленным противником. Лошадей также завели внутрь. Команчи раздали переселенцам мясо и свежую воду, которую они перевозили в объемистых бутылочных тыквах. Олд Шеттерхэнд пообещал им, что скоро воды будет вдосталь и они смогут пополнить свои запасы. Естественно, походного запаса не хватило, чтобы удовлетворить жажду людей.

Произошло несколько интересных встреч, например, Бен Новая Луна узнал Плутишку Фреда, который спас его от руки убийцы. После всей этой радостной суеты вокруг ограждения воцарилась глубокая тишина. Правда, никто не спал, но те, у кого было что порассказать друг другу, делали это

шепотом, и за пределами лагеря не было слышно ни звука.

Руководство лагерем взял на себя Олд Шеттерхэнд. Пока что он сидел подле Кровавого Лиса, внимательно выслушивая подробный рассказ юноши о его приключениях и выспрашивая обо всех особенностях края, где они теперь находились. Надо было составить такой план, чтобы не упустить ни одного грифа, раз и навсегда положив конец их деятельности.

Особенно интересным показалось Олд Шеттерхэнду сообщение Лиса о том, что заросли кактусов тянутся и на восток, причем довольно далеко. По словам Лиса, их разделяет песчаная полоса, по которой можно добраться до его убежища.

— Хорошо! — сказал Олд Шеттерхэнд. — Тогда ни один из этих негодяев от нас не улизнет. Тут не имеет значения, если даже они заранее заметят наш перевес или побегут после того, как мы отразим их первый приступ; мы погоним их между кактусовыми зарослями, которые к тому же подожжем. Одновременно при этом мы получим воду для волов, иначе те просто умрут.

— Но в таком случае разбойники доберутся до моего озера, пополнят запасы воды, а там ускользнут от нас.

— Нет, Лис, потому что вы сейчас же поедете туда, взяв десяток команчей, и подготовите прием грифам, которых мы погоним. Вы успеете, потому что я ручаюсь, что атака начнется только под утро.

Этот план был немедленно принят к исполнению. Лиса с команчами выпустили за ограждение, а потом вокруг опять воцарился глубокий покой.

Часовые находились далеко за ограждением. Они получили приказ: в случае приближения бандитов быстро и бесшумно вернуться в лагерь, проползая под фургонами. За ограждением уже стояли оседланные лошади, готовые для преследования бегущих врагов, и каждый всадник получил точнейшие указания.

Так прошла ночь. На востоке пробудилось едва заметное сумеречное мерцание, отчетливо обрисовались контуры фургонов и прочих предметов. Не было и намека на утренний туман. И вот в постоянно светлевших сумерках стали различимы приближавшиеся верхом грифы. Они были пока на расстоянии примерно в тысячу шагов, может быть — чуть больше.

Разбойники сочли, что наступило время атаки, и пустили своих лошадей в галоп. Они были убеждены, что за ограждением бодрствует самое большое един-единственный караульный.

Часовые отступили, и все мужчины собрались на той стороне ограждения, на которую шла атака.

— Стреляйте не по лошадям, а по всадникам, — приказал Олд

Шеттерхэнд.

Грифы теперь были уже на расстоянии всего лишь в сотню шагов... в восемьдесят... в пятьдесят...

— Огонь! — крикнул Олд Шеттерхэнд.

Грохнуло более трех десятков выстрелов. Отряд нападающих мгновенно сбился в беспорядочную кучу. Мертвые и раненые попадали с лошадей, которые, потеряв всадников, умчались прочь. Уцелевшие разбойники либо легко раненные, но оставшиеся в седле, поворачивали назад. Таких осталось едва ли больше десятка.

— Ура! Ура! Олд Шеттерхэнд и Виннету! — вопил Хромой Фрэнк.

Теперь, когда грифы услышали эти имена и увидели размер своих потерь, они быстро развернулись и поскакали на юг, и самым первым и самым испуганным среди беглецов оказался мастер Тобайас Прайзеготт Бартон.

— За ограждение! И каждый на свое место! — скомандовал Олд Шеттерхэнд.

Быстро раздвинули два фургона, так что между ними все смогли проехать. Переселенцы в соответствии с заранее полученными указаниями помчались помогать раненым и хоронить убитых. Все остальные не должны были на это отвлекаться — они бросились преследовать беглецов, однако придерживали своих лошадей, не давая им развивать большую скорость.

Только лишь двое позволили своим скакунам развить полную скорость. Они помчались на юго-запад, где им приказано было поджечь кактусы. Эти двое были братья Джим и Тим.

Десять команчей поскакали на восток, потом свернули на юг и преградили путь беглецам, загоняя их тем самым в проход между двумя кактусовыми зарослями. Другие во главе с Олд Шеттерхэндом и Виннету мчались на юг, за грифами, которые неслись стремительным галопом — им даже казалось, что они уходят от погони.

Разбойники были жутко обозлены неудачей. Они удирали в полном молчании, ни словом не перекинувшись между собой. Только время от времени слышались сдавленные проклятия. Достигнув Ложбины Убийц, грифы остановились.

— Ну, что теперь будем делать? — спросил Бартон, с трудом переводя дыхание. — Здесь мы не можем оставаться, потому что эти собаки идут за нами.

— Конечно! — согласился Карлос Корхето, который остался, как и его брат, невредимым. — Напрямик через кактусы нам не пробиться. Значит,

направо! Поехали!

Они двинулись в указанном направлении, однако вскоре увидели поднимающийся вдали дым.

— Черт побери! — закричал Эмилио. — Они добрались туда раньше нас и подожгли кактусы. Назад!

Бандиты помчались обратно, миновали Ложбину Убийц и повернули на восток. Всего через десять минут они увидели левее себя Олд Шеттерхэнда, скакавшего со своим отрядом прямо на них. Это вконец перепугало грифов. Они изо всех сил прищипывали своих лошадей в отчаянной попытке ускользнуть от противника, и, кажется, им это даже удалось.

Грифы попытались уйти в сторону, но скоро обнаружили, что и этот маневр не удался: десять команчей преграждали им путь.

— Сегодня творится черт знает что! — в отчаянии закричал Бартон. — Я даже предполагаю, что там находится этот Виннету. По меньшей мере я слышу, как называют его имя. Мы должны свернуть направо, в кактусы!

— А там есть проход? — спросил Карлос. — Или мы попадем в мешок?

— Не знаю. За всю свою жизнь я ни разу туда не заглядывал. Впрочем, другого выхода у нас нет.

— Тогда — быстрее, пока огонь не охватил заросли.

Они поскакали направо, в южном направлении, как раз туда, куда хотел их заманить Олд Шеттерхэнд. Наконец-то и он прищипорил своего жеребца. Левее его мчались десять команчей, правее — носатые братья, выполнившие свою задачу и теперь вместе со всеми преследовавшие грифов, загоняя их через проход в зарослях кактусов к далекому гнезду Духа.

Пожалуй, Карлос Корхето был прав, опасаясь огня, который приближался сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее.

Многие годы сухие, как бумага, остатки кактусов скапливались на земле, время от времени давая ход молодым побегам. Этот материал был подобен труту. Языки пламени сначала медленно вылизывали место вокруг себя; потом они пускались бежать, подпрыгивать, взвиваться на высоту жилого дома, и вскоре вся обширная площадь зарослей занялась сплошным ярким пламенем, гул которого был слышен на большом расстоянии, напоминая отдаленные раскаты грома. От бушевавшего огня образовавшийся восходящий поток воздуха становился все сильнее. Чем дальше распространялся огонь, тем больше он уходил на юг, охватывая площадь во много квадратных миль, и тем очевиднее становилось

приближение того, что ожидал Олд Шеттерхэнд. Небо потеряло свою голубизну: сначала оно стало бледно-желтым, потом серым, потом все темнело и темнело, пока наконец не собрались тяжелые, состоящие из дыма темные массы. Значительно окрепший ветер согнал их в плотные облака, которые мало-помалу прикрыли чуть не все небо.

Воздух был раскаленным, песок казался пылающим. В вышине, в тучах, стали сверкать молнии; падали отдельные капли, их становилось все больше и больше, а потом и в самом деле пошел настоящий дождь; с каждой минутой он становился все сильнее, пока наконец не разразилась почти настоящая тропическая гроза.

Переселенцы взяли все вещи мертвых бандитов и согнали их лошадей. Теперь им предстояло ожидать возвращения своих друзей — увы! — без воды! И вдруг они увидели огонь. Переселенцы заметили, как образуются облака, они ощутили первые падающие капли дождя. Наконец они оказались под освежающим дождем, в настоящем ливневом потоке и поспешили вынести все имеющиеся сосуды, чтобы заполнить их водой. Почти умиравшие волы снова ожили. Они ревели от радости; они катались под струями дождя; они получили возможность напиться. Они были спасены, а вместе с ними — их хозяева, которые без тягловых животных не смогли бы двинуться дальше... И все это было делом рук Олд Шеттерхэнда.

Вскоре после наступления дня Кровавый Лис со своими десятью команчами прибыл к домику, заросшему страстоцветом. Санна не испугалась индейцев. Наоборот, она обрадовалась, в кои-то веки увидев людей, однако сразу же спросила своего молодого хозяина, когда прибудет негр Боб. Тот отделался обещанием и отправился в хижину. Вышел он оттуда в совершенно ином виде: плотно закутавшись в белую бизонью шкуру.

— Timb-ua-ungva!¹³⁸ — вскрикнул Железное Сердце, присоединившийся к отряду команчей.

Остальные индейцы также глазели на это явление Духа Льяно, решавшее давнюю, часто обсуждавшуюся среди них загадку, но ничего не сказали. Кровавый Лис снова поднялся на лошадь и поскакал вместе с отрядом дальше, чтобы занять отведенную ему позицию на юго-восточном краю кактусовых зарослей. Он внимательно посматривал на север.

Теперь там вздыбилась черная стена, на фоне которой подрагивали внизу языки пламени.

— Скоро огонь пригонит грифов, — сказал он Железному Сердцу. — Может быть, среди них мой краснокожий брат найдет кого-то из убийц

своего отца.

Лис взял в руки ружье. Железное Сердце сделал то же самое.

Плотное облако приближалось, а перед ним бежал огонь. С каждой минутой становилось тяжелее дышать. К самому оазису огонь подойти не мог. Он должен был задержаться на границе кактусов.

— Уфф! — показал один из индейцев на север. — Вон они!

Да, это рвались вперед грифы, но их осталось только трое: другие по пути были убиты. Лошади разбойников взмокли от пота; сами люди едва держались в седлах. Следом за ними показались Олд Шеттерхэнд и Виннету со своими спутниками.

Так и приближалась к засаде эта дикая охота. Преследователи не очень-то утомляли своих лошадей, полагая сохранить трех оставшихся грифов для Кровавого Лиса и его команчей.

Первым из грифов скакал Бартон. Он намного опередил обоих своих спутников. Он видел деревья — настоящее чудо в пустынном Льяно — и держал прямо на них. Лис поспешил ему наперерез. Когда мормон заметил приближавшегося к нему всадника, он закричал от ужаса и изо всей силы заколотил ногами по бокам своей лошади, заставляя ее напрячь последние силы и добраться до деревьев.

Теперь подъехали и двое других. Когда они приблизились к Железному Сердцу, он узнал их. Оба участвовали в убийстве его отца. Он приложил ружье к плечу... раздались два выстрела, и оба бандита свалились на землю. Железное Сердце поскакал к ним, чтобы снять скальпы.

Тем временем Кровавый Лис гнал перед собой набожного Бартона, худшего из всех бандитов, гнал прямо к деревьям, к порогу своей хижины. Лошадь бандита не выдержала бешеной скачки и рухнула на песок. Бартон вылетел из седла. Через какое-то мгновение Лис уже стоял возле него, выхватив из-за пояса нож. Он уже наклонился, чтобы нанести мормону смертельный удар, но... внезапно отпрянул, и крик ужаса вырвался из его груди.

Падая, Бартон потерял шляпу, и сразу стало видно, что он носил парик. Теперь его сорвало с черепа, и стали видны его натуральные, коротко подстриженные волосы. Лицо исказилось от напряжения, вздулось, а глаза мормона глядели вверх жестко и остекленело — бандит при падении сломал шею. И тут Кровавый Лис узнал убийцу своих родителей. Оказывается, в тот страшный день мальчик услышал, как сообщники называли его имя — «Лис», и оно-то, скорее — кличка, осталось единственным, что удержалось в ребячьей памяти. Мальчик опять и опять

повторял его, за что и получил от Хельмерса вместо имени прозвище Лис.

К трупку подъехали и другие преследователи. Все они, кроме Олд Шеттерхэнда, конечно, были необычайно удивлены, увидев Кровавого Лиса в белой бизоньей шкуре.

— Дух Льяно... Это Кровавый Лис... значит, он... он был Духом! — перебивали друг друга вестмены.

Лис, казалось, не слышал удивленных возгласов. Он показал на труп Бартона и сказал:

— Вот он, убийца моих родителей! Поэтому он показался мне в тот вечер в Хельмерс-Хоум таким знакомым. Теперь он мертв, и я никогда уже не узнаю, кем были мои родители.

Бен Новая Луна, увидев мертвеца, вскрикнул:

— Крадущийся Лис! Наконец-то с ним покончено! Жалко, что он сам сломал себе шею. Теперь я навсегда останусь должен ему пулю.

— Для него же лучше, что он мертв! — серьезно сказал Олд Шеттерхэнд. — Он оказался последним из грифов, и теперь в Льяно станет тихо. Пусть даже останется в живых один или несколько разбойников — с ними легко будет справиться, организовав облаву... А о таком вот оазисе никто не мог и мечтать!

Боб, разумеется, был со всеми, но он почему-то не замечал ни мертвецов, ни раскрывшуюся внезапно тайну Духа Льяно. Он не сводил глаз с негритянки, она же во все глаза глядела на Боба. Потом поспешила к нему и взволнованно спросила:

— Не зовут ли тебя Бобом?

А когда он утвердительно кивнул, женщина продолжила расспросы:

— Не звали ли твою матушку Санной? А видел ли ты когда-нибудь вот этот портрет Санной со своим сыном Бобом?

Она протянула ему затертую фотографию. Боб бросил на нее один только взгляд и с радостным криком слетел с лошади. Они долго обнимались.

Осталось добавить немного. Грифы были разбиты, и отряд команчей отправился восвояси. К оазису приблизились переселенцы. Они решили отдохнуть у домика в страстоцветах, а потом их должны были провести через Льяно. Пожар в кактусах загас сам собой, когда огню уже не нашлось больше пищи, и вся обширная площадь бывших зарослей покрылась слоем пепла.

Зато оживление царило в убежище Духа. Кровавый Лис стал героем дня. Ему пришлось подробно пересказать все свои подвиги. Невеселый это был рассказ — он состоял из одних почти мрачных событий. Тем не менее

молодой человек высказал твердую решимость остаться в своем гнезде и охранять Льяно от разбойников. Санна и Боб объявили, что ни за что не расстанутся с ним.

Рассказ Лиса настолько захватил вестменов, что даже красноречивый Хромой Фрэнк ни разу не прервал его. Но потом, когда маленький саксонец прогуливался вместе с Джемми и обоими носатыми братьями по берегу озера, Тим спросил его:

— Ну, Фрэнк, ты все еще утверждаешь, что Дух Льяно-Эстакадо всего-навсего призрак?

— Помолчите! — ответил саксонец. — Если в этом случае я немножечко ошибся, то это просто случайность для такого смышленного саксонца, как я.

— Да, Саксония, и в особенности Морицбург — это высочайшее из наслаждений! — расхохотался Джим.

— Только оставайся со своими наслаждениями за моим фасадом, старый сыщик! Ты еще слишком мало знаешь меня, но поскольку нам придется терпеть присутствие друг друга каких-то несколько месяцев, то ты как следует познакомишься со мной и научишься меня уважать. В конце-то концов я вызываю у каждого глубокое уважение. Не так ли, Джемми?

— Конечно! — толстяк утвердительно кивнул головой и иронически улыбнулся.

— Вот! Вы оба это слышали! А собственно говоря, вы всем обязаны мне, потому что, если бы я там, на севере, у Хельмерс-Хоум, не встретился с Кровавым Лисом, вы бы никогда не раскрыли тайны Духа Льяно. Признания моих заслуг в этом отношении я бы, безусловно, мог потребовать уже теперь. Позднейшим поколениям останется лишь право выбора — отлить ли мою статую и Духа в металле или высечь из мрамора, чтобы мое имя сияло здесь золотыми буквами.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

Примечания

Легины — деталь одежды, прикрывающая икры ног, которую часто изготавливали из выделанной лосиной или оленьей кожи. В дневнике одного из английских путешественников XVIII века можно найти такое описание легин: «куски грубой шерстяной ткани, обмотанные вокруг икр и завязанные бечевкой или тесемкой под коленом в целях предупреждения укусов змей».

Масса (англ.) — испорченное мастер (см. след, прим.); обычно использовалось слугами по отношению к сыновьям хозяина; равнозначно обращению «молодой господин».

Массер — испорченное мастер (англ.), то есть «хозяин, владелец, господин»; обычно используется как форма обращения.

4

Черт возьми! (англ.).

Мормоны — религиозная секта, возникшая в 1830 году на востоке Соединенных Штатов. Названа по мистической «Книге Мормона», которую основатель секты Джозеф Смит якобы перевел по указанию ангела с медных скрижалей. Учение мормонов представляет собой смесь различных религий и верований. Наряду с Христом мормоны признают и других богов. Мормонская церковь — строго иерархическая, упорядоченная организация. Для рядовых ее членов обязательно подчинение духовным чинам и «пророку» (или «провидцу»), духовному главе мормонов. Во время действия повести среди мормонов было распространено многоженство.

6

Ранчо (англ. Ranch).

Хоум (англ.) — «дом, жилище», но также и «родной дом, родина».

Bloody Fox (англ.) — Кровавый Лис.

Август Второй Сильный (1670 — 1733) — курфюрст Саксонии (с 1690 г.), король польский (1697 — 1709); союзник Петра I в Северной войне.

Alma mater — Благодатная мать — так называли средневековые студенты свой университет, тогда как сказанное Хромым Фрэнком является механической смесью латинского и немецкого слов, которая не имеет никакого смысла.

Хромой Фрэнк имел в виду не экватор, а параллель (географическую широту).

Гиппократ (ок. 460 — 377 до н. э.) — выдающийся греческий врач и естествоиспытатель, один из основоположников античной медицины.

«Туда, туда» — слова из припева песни Миньоны, героини романа В. Гете «Школьные годы Вильгельма Мейстера». Далее Фрэнк исполнит куплет, пародирующий эту песню и начинающийся подлинной строкой великого немецкого писателя.

«Эврика!» — (греч. — нашел!) — восклицание, приписываемое великому древнегреческому ученому Архимеду, после того, как он нашел решение предложенной ему задачи о взвешивании золотых слитков (впоследствии оно стало известно как закон Архимеда).

Хромой Фрэнк имеет в виду Чингисхана и героев древнегреческой истории — три сотни спартанских воинов, защищавших под предводительством своего царя Леонида узкий горный проход от персидских полчищ и со славой погибших при этом.

Слоновья нога — народное название растения *Tesradinaria elephantipes*.

Santa Complicius — здесь Фрэнк пародирует крылатое латинское выражение *sancta simplicitas* (святая простота). «И все-таки она движется!» — намек на приписываемую Галилео Галилею фразу, будто бы сказанную им на суде инквизиции после отречения от своих взглядов на строение Солнечной системы и публичного признания неподвижности Земли: «И все-таки она вертится!»

Филиппика — гневная, обличительная речь (так назывались политические речи великого древнегреческого оратора Демосфена, направленные против македонского царя Филиппа II).

19

В данном случае соответствует вежливому обращению господин (англ.).

Диггер — старатель, золотоискатель (англ.).

Свевы — союз германских племен, проживавших на Хафеле, средней Эльбе и в области Майна; позднее свевы вошли в другие племенные союзы, например, маркоманов. Гепиды — племенное название части германского народа готов, которые после переселения большей части своих соплеменников в пределы причерноморских степей оставались до середины III в. н. э. в районе устья Вислы.

Житель Дикого Запада, обыкновенно — охотник или бродяга (англ.).

Ого! (англ.).

Фриско — так в просторечии американцы называют город Сан-Франциско.

Геркулес — римский вариант имени Геракл — мифологический герой Древней Эллады, сын верховного эллинского бога Зевса и смертной женщины Алкмены; почитался как величайший герой Греции; в позднеантичное время ему стали оказывать почести как богу. Гераклу приписывались многочисленные подвиги и героические поступки. Минотавр — мифическое чудовище, человекобык, рожденный Пасифаей, женой критского царя Миноса; содержался в лабиринте, куда доставляли предназначенных ему в жертву прекраснейших юношей и девушек Афин. Убил чудовище афинский царевич Тесей, освободив свой город от ужасной дани.

Небукаднесар (правильнее: Набукудуриссур) — вавилонский царь, более известный под именем Навуходоносора II (604 — 562 до н. э.). Последний крупный царь Вавилонии; вел многочисленные захватнические войны в Передней Азии. Имя Навуходоносора было уже в древности окружено огромным количеством разнообразных легенд.

Schmollis — студенческий тост. Viduzit — правильно Fiduzit (от лат. fiducia sit — ответный тост).

Боско, Бартоломео (1793 — 1863) — знаменитый фокусник и манипулятор, в свое время прозванный «королем мускады», (мускадой называли маленький шар, входивший в стандартный арсенал странствующих чародеев). Долгое время жил в Дрездене, там же и умер. Писал книги об искусстве чародейства и карточных фокусах.

Должно быть: *testemonium pauperiem* (лат.) — подтверждение Ущерба (юридический термин, не к месту употребляемый Фрэнком).

«Идиосимпатия» — Хромой Фрэнк имел в виду идиосинкразию, измененную чувствительность организма к некоторым пищевым продуктам.

Гейдельбергская бочка — огромный деревянный сосуд емкостью 221 726 литров, установленный в 1751 году в подвале княжеского замка немецкого города Гейдельберга по распоряжению курфюрста Карла-Теодора.

Рука (англ.).

Добрый вечер, господа! (исп.).

Асиенда (исп.) — поместье или ферма в странах Латинской Америки.

Водка (нем.).

Здесь: сударь (исп.).

Черт возьми! (исп.).

Здесь: разбойник (исп.).

Отче наш (лат.) — название молитвы.

Богородица, радуйся (лат.) — название католической молитвы.

Пастух (исп.); то же, что и английское «ковбой».

Помещик, владелец имения (исп.).

Лот — старинная мера веса; во второй половине XIX в. в Германии лот был приравнен к одной тридцатой части т. н. таможенного фунта и равнялся $16 \frac{2}{3}$ грамма.

Firelock (англ.) — кремневое ружье.

Старый шутник (англ.); однако на жаргоне слово Yoker может означать также «человек, парень», и тогда все выражение переводится «старина».

Научное название осла.

Автор, видимо, имел в виду bush-rangers, как в Австралии называли беглых преступников, скрывавшихся в зарослях, «буше», и живших грабежом.

Буквально: развлекающиеся всадники (англ.), то есть всадники, отправляющиеся на увеселительную прогулку.

В подлиннике игра слов: sich reiben — «задевать, задирать», тогда как в ответе Джима sich abreiben — «обтираться».

Поверенный закона (англ.) — американский юридический термин.

Лондонец, обычно житель Ист-Энда, говорящий на особом диалекте, который тоже называется «кокни»; здесь — господин (с оттенком пренебрежения; англ.).

Имеется в виду американская горная сосна (*Pinus montana*).

Разведчик (англ.).

Богемия — старинное название Чехии, входившей в XIX в. в состав Австро-Венгерской империи.

Калюме (устар. — калумет) — французское название «трубки мира».

Миннесота — штат на севере США, граничащий с Канадой; расположен к западу от Великих озер; в этом штате находится исток Миссисипи.

Тотем — священный знак рода, изображение животного, считавшегося у индейцев Северной Америки основателем и покровителем рода.

Молодой воин, не стреляй; мы — твои друзья! (пер. авт.).

Кто идет? (пер. авт.).

Команчи говорили на языке шошонской группы. Язык к и о в а (или кайова) долгое время считался самостоятельным, но в настоящее время его относят к особой группе ацтеко-теноанской семьи; в эту же семью входит и язык шошонов.

Два хороших белых человека (пер. авт.).

Идите сюда! (пер. авт.).

Стой, иначе буду стрелять! (пер. авт.).

Пауни (американцы произносят это название иначе: «поне») — слово, будто бы взятое из языка индейцев сиу, где «пани» обозначает «красные птицы», что связывают с головными уборами пауни, изготовляющимися из птичьих перьев красного цвета; племя, сначала кочевавшее между Скалистыми горами и Миссури, до реки Арканзас, а потом переселившееся несколько севернее.

Маниту — дух-покровитель в верованиях североамериканских индейцев, согласно которым все одушевленные и неодушевленные тела обладают своим маниту, и каждый человек при вступлении в период зрелости тоже должен приобрести своего маниту, для чего необходимо уединение в лесу или каком-нибудь пустынном месте и пост в течение нескольких недель.

Друг мой (искаженное фр.; правильно: mon ami).

Копа — счетная единица, шестьдесят штук.

Мирмидоны — мифический народ ахейского корня живший в Древней Греции на юге Фессалии; под предводительством Ахилла участвовали в Троянской войне. В исторических источниках не упоминаются.

Фамилию Функельмайер можно перевести с немецкого языка как «управляющий искрами».

Имя — предзнаменование (лат.).

Эвфемистический — прилагательное, образованное от слова «эвфемизм» — слово или выражение, заменяющее другое, слишком грубое или просто неуместное в данной ситуации.

«*Gaudeamus igitur*» («Будем веселиться, пока мы молоды») — студенческий гимн, возникший из латинских застольных песен бродячих певцов-вагантов на музыку Иоганна Окенгейма. Хромой Фрэнк вместо подлинного текста приводит бессмысленный набор слов: *Gaudeamus* — подлинное начальное слово гимна, а *Igelkur* означает буквально: лечение ежовыми иголками; вторая строка в исполнении Хромого Фрэнка может быть переведена так: Ювенал жует гумус. Ювенал — знаменитый римский поэт-сатирик (ок. 60 — ок. 127). Настоящий текст первой строфы гимна следующий: *Gaudeamus igitur juvenes dum sumus*.

Готфрид фон Олеум — вымышленный персонаж. Намек на Готфрида Бульонского (ок. 1060 — 1100), герцога Лотарингского, одного из предводителей Первого крестового похода. Олеум — концентрированная серная кислота. Парменио (точнее — Парменион, ок. 400 — 330 до н. э.) — выдающийся полководец, служивший Филиппу II Македонскому и его сыну Александру. По приказанию последнего был казнен, будучи обвиненным в заговоре. Штральзунд — немецкий город и порт на Балтийском море.

«Гвардия умирает, но не отдается» — искаженный, ответ наполеоновского генерала Пьера Камбрана (1770 — 1842), командовавшего в битве при Ватерлоо Старой гвардией, на переданное ему генералом Майо предложение сложить оружие. (Подлинные слова Камбрана звучат несколько иначе: «Дерьмо! Гвардия умирает, но не сдается».)

И снова Хромой Фрэнк коверкает текст. Его сочинение в очередной раз является бессмысленным набором слов: Гавгамелы, инвентаризация, Сливовое дерево — Prunus. Primus — латинское название сливы. Гавгамелы — селение в Месопотамии, возле которого в 331 г. до н. э. Александр Македонский нанес решающее поражение армии персидского царя Дария III.

Фурии — у древних римлян так назывались богини-мстительницы.

Шибобокк (Schiebebock, нем.) — тачка; но слово это употребляется очень редко (почему ниже Фрэнк и разъясняет его); обычно в повседневном языке используется слово Schubkarren.

Фемистокл (ок. 525 — ок. 460 до н. э.) — выдающийся афинский политический деятель, вождь рабовладельческой демократии и крупный полководец. Под его руководством греки одержали очень важную победу над персидским флотом у острова Саламин (480 г. до н. э.). Гунны — союз тюркских кочевых племен, вторгшихся в Европу в IV в. Пик их могущества приходится на середину V века, когда они под предводительством Атиллы опустошили Восточную Римскую империю, Галлию и север Италии.

Дерфлингер, Георг (1606 — 1695) — сын крестьянина, дослужившийся до офицерского звания. Позднее вступил в армию Бранденбурга, получил генеральское, затем фельдмаршальское звание, прославился созданием мобильных кавалерийских частей и победами в войне со Швецией (1675 — 1679).

Магараджа (махараджа) — высший княжеский титул в Индии.

Простонародное сокращение слова «кэптин» (англ. — капитан).

Суд Линча — расправа без суда и следствия, самосуд. Линч, Чарльз (1736 — 1786) — американский плантатор, офицер армии США, государственный служащий. Под его предводительством в годы войны за независимость в округе Бедфорд (штат Вирджиния) заседал суд, рассматривавший в ускоренном порядке дела участников заговора местных лоялистов (сторонников английского короля и колониальной администрации).

Гиппогриф — мифическое чудовище с головой грифа и туловищем лошади.

Буцефал (правильнее — Букефал) — так звали коня Александра Македонского.

Конъюгация (лат. — соединение) — многозначный биологический термин. У водорослей и инфузорий этим термином обозначают разновидность процесса размножения, у бактерий — способ переноса генетического материала от одной бактериальной клетки к другой.

Карфаген — самая знаменитая из финикийских колоний на Средиземном море, на окраине современного города Туниса; впоследствии стал самостоятельным мощным государством. В повести имеется в виду американский «тезка» древнего города-государства: основанный в 1833 г. на юго-западе штата Миссури город Картидж (англ. Carthago).

Битва при Каннах — в этом сражении, состоявшемся в 216 г. до н. э., карфагенский полководец Ганнибал разбил римское войско, имевшее значительное преимущество над ним. Штальмейстер Фробен — Фрэнк сознательно смешивает несовместимые вещи. Шталмейстер — должность начальника конюшен. Йоханнес Фробен (ок. 1460 — 1527) — книгопечатник из Базеля, соратник многих знаменитых гуманистов своего времени, основатель издательства, определявшего во времена церковной Реформации (XVI в.) всю духовную жизнь германской нации.

Битва при Фербеллине состоялась 28 июня 1675 г. В ней бранденбургские войска, поддержанные крестьянским и городским ополчением, одержали верх над численно превосходящей их шведской армией. Хофер, Андреас (1767 — 1810) — видный участник национально-освободительного движения в Тироле, руководил антифранцузским восстанием 1809 г. Вестготы (или тервинги) — часть германского племени готов, выделившаяся в III в. в самостоятельный союз племен. В первые века н. э. занимали территорию между устьями Днепра и Дуная, впоследствии переселились в Западную Европу, где создали собственные государства в Италии и на Пиренейском полуострове.

Au plaid (фр.) — юридический термин: в ходе судебного заседания, в деле; Фрэнк хотел сказать: «au courant» — в курсе (фр.).

В подлиннике игра слов, пародирующая известный физический закон: «угол падения равен углу отражения».

Дессау — город в восточной Германии, бывший в 1603 — 1918 гг резиденцией князей и герцогов Ангальт-Дессауских. «Старым жителем Дессау» (нем. Alter Dessauer) называли Леопольда I, князя Ангальт-Дессауского (1693 — 1747), прусского военачальника, в конце жизни — фельдмаршала, который, хотя и сочинял стихи, не преуспел в этом занятии.

«Монолог братьев Туссэн-Лангеншейдт» — речь идет о Густаве Лангеншейдте (1832 — 1895), преподавателе иностранных языков, который вместе с Хр. Туссэном (они не были родственниками) разработал новый тип словаря, включавшего в себя указания по изучению языка. Издательство, занимающееся выпуском словарей подобного типа, до сих пор носит имя Лангеншейдта.

Шиллер, Фридрих (1759 — 1805) — великий немецкий поэт, виднейший представитель литературного классицизма. Разумеется, Фрэнк читает не строки великого поэта, а вирши собственного сочинения. Ноктюрн — музыкальная, преимущественно инструментальная пьеса лирического — и часто даже мечтательного — характера, построенная, как правило, на певучей мелодии.

Спасибо, господин (фр.).

Что и показал Эдуарду! (лат., испорч.).

Мескито (*Prosopis juliflora*) — дерево из семейства бобовых, растущее на юго-западе Северной Америки; по-английски называется также медовым мескито (honey mesquit).

Укромное место, тайник (фр.).

То есть в Германии, южную границу которой составляют Альпы, высшая точка которых — Монблан, а северные рубежи символически отождествляются с Фегезакком, городским районом свободного ганзейского года Бремена (и сейчас являющегося самостоятельной землей ФРГ), расположенным на правом берегу р. Везер в 19 км от самого города.

Вервольф — оборотень, который может, по немецким народным поверьям, принимать образ волка.

В подлиннике — игра слов: прима (фехтовальный термин) созвучна немецкому слову *Pfrieme*, одно из значение которого «шило».

Фермопильский политехникум (лат.) — выдуманное Фрэнком учебное заведение.

Искаженные грамматические термины — префикс (приставка) и суффикс.

Трихина (трихинелла) — беспозвоночное животное класса круглых червей, паразитирующее в мышцах человека и животных и вызывающее тяжелое заболевание — трихинеллез.

Уста молнии! (пер. авт.).

Дух Льяно! (пер. авт.).

Ураган (англ.)

Мул — гибрид кобылы и осла; лошак — гибрид жеребца с ослицей.

Остготы (остроготы) — восточная ветвь германского племени готов; в конце IV — середине V веков находились под властью гуннов, позднее мигрировали в Италию, где основали Остготское королевство (493 — 554).

Futurum — будущее время (грамм, термин).

Хромой Фрэнк исковеркал библейское выражение «*Dixi et salvavi animam meam*» — «Я сказал, и спасу душу свою» (лат., Книга пророка Иезекииля, XXXIII, 9). В русском каноническом тексте дан иной перевод.

Ахилл (Ахиллес) — прославленный мифологический герой, один из предводителей греческих войск, осаждавших Трою, один из главных персонажей героического эллинского эпоса «Илиада».

Убийственным ветром (пер. авт.).

Camera obscuriosa — правильно: camera obscura — камера-обскура — закрытый ящик, на заднюю стенку которого проецируется перевернутое изображение предмета. Это изображение удобно рассматривать снаружи, если задняя стенка сделана из стекла или промасленной бумаги. Принцип камеры-обскуры используется в фотографии.

Ошибка Фрэнка. Он хотел сказать: «Silentium!» — тишина (лат.).

Мохаммед II — точнее Махмуд II (1785 — 1839) — турецкий султан, боровшийся против феодалов, за усиление центральной власти и проводивший с этой целью ряд военных и административных реформ.

Рука руку моет (лат.).

Смотрите туда! (пер. авт.).

Парфорсная скачка — скачка с преодолением препятствий или исполнением сложных заданий в конном спорте.

Фрэнк смешал два слова, обозначающих сильную бурю или ураган: испанское tormenta и английское tornado.

Ножницы, но также — сдвиги, срезы (англ.).

Янки — уроженец Новой Англи. К. Май в своих романах часто относит это слово вообще ко всем американцам англосаксонского происхождения.

Неточность автора: Рио-Кончос расположена на мексиканской территории; это правый приток реки Рио-Гранде. Здесь же имеется в виду река Кончо, правый приток реки Колорадо. Оправданием авторской ошибки может служить то обстоятельство, что у Кончо есть три истока: Норт-Кончо, Мидл-Кончо и Саут-Кончо — это и могло дать автору повод поставить гидроним во множественном числе.

123

Черт возьми (исп.).

Поместье, имение (исп.).

Вакеро (исп. vaquero) — пастух.

Пеон — батрак (исп.).

Поместье, имение (исп.).

Черт возьми! (исп.).

Кастор, Поллукс (лат., в Греции — Кастор и Полидевк) — мифологические близнецы — диоскуры (буквально: «сыновья Зевса»). Полидевк считался бессмертным, тогда как Кастор был смертен. В мифах им приписывается участие в целом ряде героических начинаний. Полидевк в этих мифах выступает как кулачный боец. Кастор — как укротитель коней. Позднее Полидевк был взят Зевсом на Олимп, но из любви к брату уделил ему долю своего бессмертия, после чего оба они оказались на небе — двумя яркими звездами в созвездии Близнецов.

Черт побери! (исп.)

Что за собаки тут сидят! (пер. авт.).

Кого ты видишь? (пер. авт.).

Они, грифы Льяно-Эстакадо. (пер. авт.).

Где они? (пер. авт.).

Там они сидят! (пер. авт.).

Речь идет не о диалектах, а о самостоятельных индейских языках ацтекской семьи. Язык моки (или хопи), например, очень близок языкам юта и команчей.

Мой милый, мой милый, //Ценнейший из всех, //Ты — боль мне и радость, //И слезы, и смех (англ.).

Дух Льяно! (пер. авт.).